

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№9, 2021

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора П. Кохно

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**,
д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**,
академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**,
академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуков**, д.э.н. **П. Кохно** – зам.
гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**,
академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**,
академик НАН Грузии **В. Папава**, академик РАН **Б. Порфириев**,
д.э.н. **А. Расулов**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА
Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**,
академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Андрианов. Мировая финансовая архитектура: возможные направления структурной трансформации	4
Дмитрий Кондратов. Международное использование юаня	22
Дмитрий Егоров. О методологии мейнстрима: деградация научного метода или защита status quo в мировой экономике?	40
Игорь Балюк, Марина Балюк. Внешняя задолженность стран в условиях пандемии COVID-19	54
Максим Стыров, Леонид Носов. Конкурентоспособность промышленности северных регионов России: от прибыли к человеку	73
Алексей Седлов. Деформации российского рынка труда в контексте использования дешевой иностранной рабочей силы: реиммиграция и трудовые стандарты	91
<i>ОБЗОР</i>	
Сергей Михневич. Присоединение к Всемирной торговой организации: благо или вызов?	107

CONTENTS

V. Andrianov. Global financial architecture: possible directions of structural transformation	4
D. Kondratov. The international use of the chinese renminbi	22
D. Egorov. On mainstream methodology: the decline of the scientific method or the advocacy of the status quo in economics?	40
I. Balyuk, M. Balyuk. Global external debt during COVID-19 pandemic...	54
M. Styrov, L. Nosov. The competitiveness of industry in the northern regions of Russia: from profits to people	73
A. Sedlov. Deformations of the Russian labor market in the context of the use of cheap foreign labour: re-immigration and labor standards.....	91
<i>OVERVIEW</i>	
S. Mikhnevich. Accession to the World trade organisation: a boon or a challenge?	107

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

© 2021

Владимир Андрианов

доктор экономических наук, профессор Московского университета
имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
(e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

МИРОВАЯ ФИНАНСОВАЯ АРХИТЕКТУРА: ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются основные тенденции в трансформации мировой финансовой инфраструктуры. Исследуется влияние теневого банкинга и пузыря деривативов на развитие мирового рынка капиталов и фондового рынка. Предлагаются возможные варианты реформирования международных финансовых организаций и финансовых регуляторов.

Ключевые слова: мировая финансовая архитектура, децентрализованные финансы, интернет-банкинг, валютные зоны, мировые резервные валюты, мировая банковская система, теневой банкинг, финтех, криптовалюты, цифровые валюты, МВФ, Базельские соглашения.

DOI: 10.31857/S020736760016806-5

Децентрализованные финансы. Логичным продолжением появления, развития и распространения цифровых валют и новых банков в глобальной системе финансов стало формирование независимой децентрализованной финансовой системы (DeFi), которая постепенно становится альтернативой традиционным государственным, централизованным банковским и финансовым системам.

Бурное развитие финтеха открывает безбрежные возможности для кардинальных изменений глобальной инфраструктуры и функционирования всего банковского и финансового сектора на страновом и глобальном уровне.

Децентрализованные финансы – это совокупность специализированных цифровых сервисов на основе смарт-контрактов и децентрализованных приложений, которые образуют финансовую экосистему. Эти сервисы предоставляют пользователям доступ к традиционным, разнообразным финансовым услугам, таким как кредитование, инвестирование, торговля на биржах, управление активами и др. Данные финансовые услуги предоставляются онлайн без ограничений всем желающим круглосуточно, на различных платформах криптовалют благодаря активному развитию технологии блокчейн.

Во всех DeFi-сервисах расчетной единицей является криптомонета, который практически равен обычному доллару, а активы клиентов хранятся в децентрализованных финансовых системах без традиционных банковских и финансовых посредников.

В настоящее время основное преимущество DeFi – то, что единственным условием для доступа к её разнообразным финансовым услугам является подключение к сети Интернет.

DeFi значительно упрощает процесс осуществления финансовых транзакций, при этом сокращаются издержки финансовых операций, уменьшаются возможности для тотального контроля со стороны централизованных финансовых регуляторов, которые по-прежнему контролируют деятельность существующей банковской и финансовой инфраструктуры.

Важным преимуществом DeFi является интероперабельность, которая даёт возможности выпускать и комбинировать, как в конструкторе Lego, новые децентрализованные приложения с уже существующими финансовыми сервисами. Эти финансовые инструменты взаимодействуют друг с другом посредством универсальных протоколов и могут быть объединены для создания инновационных банковских и финансовых продуктов.

В 2021 г. в мировой экономике функционировало 42 цифровые децентрализованные сервисные платформы, а общий объем этого рынка оценивался примерно в 12 млрд долл.

Однако по оценкам экспертов этот сегмент финансового рынка в ближайшие годы будет развиваться весьма стремительно, по экспоненте. Среди наиболее перспективных направлений развития DeFi в ближайшей перспективе можно выделить следующие:

- выпуск *криптовалют с фиксированной ценой (стейблкоины)*, привязанные к фиатным валютам (как правило, доллар США), обеспеченные как фидuciарными деньгами стран мира, так и децентрализованными криптовалютами, другими финансовыми активами;
- развитие системы *децентрализованных обменников*, которые предоставляют пользователям возможность обменивать существующие различные виды криптовалюты без участия официальных банков и централизованных бирж;
- разработка платформ по выпуску *синтетических активов* в виде новых криптовалют и производных финансовых инструментов (деривативов) посредством смарт-контрактов на блокчейне;
- организация платформ по выпуску *токенизованных ценных бумаг (STO – security-токенов)*, которые децентрализуют процесс выпуска или создания ценных бумаг, без участия посредников в форме инвестиционных банков и финансовых консультантов. Предполагается выпуск цифровых активов в полном соответствии с требованиями международного и национального законодательства, что обеспечивает более высокую степень защиты прав инвесторов и снижение регуляторных рисков для эмитентов. Кроме того, у инвесторов в эти финансовые активы есть возможность делить базовый актив на мелкие единицы (дробленая собственность), что делает его для инвесторов более ликвидным и соответственно привлекательным;
- *токенизованные активы (Tokenized Assets)* – управление средствами пользователей посредством распределения по различным пулам ликвидности (балансировка депозитов) с целью максимизации прибыли;

- децентрализованные платёжные протоколы, выпуск смарт-кошельков, формирования инвестиционных децентрализованных портфелей с расширенными функциями управления и др.;
- децентрализованное страхование – обеспечение минимизации рисков при хранении и управлении финансовыми активами в случае ошибки в смарт-контракте или других непредвиденных обстоятельств и др.

Традиционным коммерческим банкам, чтобы не потерять клиентов и не остаться на обочине научно-технического прогресса в сфере финансовых технологий, придется быстро адаптироваться к мировым трендам и существенно меняться.

В такой ситуации кардинальной трансформации мировой банковской и финансовой системы и жесткой конкуренции за клиентов со стороны новых игроков многие крупнейшие традиционные коммерческие банки мира стали включать внедрение финтека и цифровых технологий в основу своей долгосрочной стратегии развития и формирование новых бизнес-моделей и финансовых инструментов.

Интернет-банкинг. Весьма динамичной, неотъемлемой и передовой частью мировой банковской системы в очень короткие исторические сроки стали интернет-банки или, как их еще называют, небанки.

Основная характерная особенность новых финансовых институтов заключается в том, что такие банки не имеют традиционных отделений и оперативная работа с клиентами банка осуществляется онлайн через интернет¹.

По оценкам экспертов, уже в 2020 г. по количеству своих клиентов интернет-банки приблизились к традиционным коммерческим банкам.

В такой ситуации многие крупнейшие коммерческие банки мира стали включать цифровую трансформацию в основу своей долгосрочной стратегии и разработки новых бизнес-моделей².

Однако в мировой гонке технологических вооружений большинство банков не успевают адаптировать свои бизнес-модели к бурному развитию финтека и к переходу от инновационных бизнес-моделей к технологическим инновациям. В результате таким банкам грозит опасность остаться в стороне от технологического прогресса и обанкротиться.

Скорость технологических изменений требует от денежных регуляторов большей оперативности и гибкости. При этом следует иметь в виду, что в процессе развития цифровых технологий возникают и риски, связанные с ростом киберугроз. Это в свою очередь требует эффективного мониторинга финансовых операций, оперативного и своевременного обнаружения проблем, а также оценки и разработки соответствующих мер по их предотвращению либо

¹ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, Банк России, Центральный банк Российской Федерации, Москва, 2018 г.

² Там же.

минимизации их возможных последствий. Это создает дополнительные риски для интернет-банкинга и увеличивает его расходы на обеспечение безопасности финансовых транзакций.

В одном из последних исследований состояния мировой банковской системы, проведенном известной компанией «McKinsey» в 2019 г., в частности, отмечалось: рентабельность капитала многих коммерческих банков ниже их издержек, что подвергает риску их финансовую устойчивость. Больше половины коммерческих банков мира не готовы к преодолению последствий нынешних кризисных явлений.

В России лидером в интернет-банкинге стал «Тинькофф банк», который был создан в 2006 г. (первоначально – как «Тинькофф кредитные системы»). В 2013 г. банк провел IPO и разместил свои акции на Лондонской фондовой бирже. В настоящее время акции банка котируются на крупнейших мировых биржах. Сегодня «Тинькофф банк» представляет собой онлайн-экосистему, основанную на финансовых и лайфстайл-услугах. Кредитный портфель «Тинькофф банка» в 2019 г. вырос на 66% и составлял 329 млрд руб.

По состоянию на октябрь 2020 г. «Тинькофф Банк» занимал 16-е место среди российских коммерческих банков по объёму активов и 14-е место по объему собственного капитала. Количество клиентов «Тинькофф банка» в России в 2020 г. – выросло до 12 млн человек. По этому показателю банк занимал 3-е место в России.

Теневой банкинг. Еще одна особенность современной финансовой системы и ее основного сегмента – классической мировой банковской системы, связана с тем, что она сталкивается с серьезной конкуренцией со стороны «теневого» банкинга (ТБ)³, который создает риски для финансовой стабильности в крупнейших странах мира и на мировых финансовых и фондовых рынках.

В конце прошлого столетия на европейских, американских и развивающихся рынках появилось множество финансовых организаций, которые работали как традиционные банки, но формально ими не являлись.

Используя различные финансовые и инвестиционные схемы, такие финансовые институты стали играть существенную роль на мировом рынке капитала.

Этот сегмент финансового рынка стали называть «теневой» банкинг (ТБ). Основными игроками на этом рынке были небанковские финансовые организации, которые заимствовали краткосрочный капитал и инвестировали его в долгосрочные активы, минуя контроль и надзор со стороны официальных банковских регуляторов.

³ В современной трактовке под теневым банковским бизнесом (ТБ) понимается масштабный сегмент финансового рынка, представленный небанковскими финансовыми организациями, которые заимствуют краткосрочный капитал и инвестируют его в долгосрочные активы. Таким образом, структуры ТБ оказываются посредником между инвестором и заемщиком, действуя вне жесткого официального банковского надзора, что позволяет им разрабатывать и осуществлять более рискованные финансовые транзакции, схемы и операции.

Как правило, финансовые организации ТБ с правовой точки зрения не являются банками и не имеют лицензий на осуществление банковских операций. В настоящее время к ним относятся такие финансовые институты и организации как:

- хедж-фонды;
- трастовые фонды;
- фонды прямых инвестиций;
- фонды денежного рынка;
- инвестиционные банки (инвестиционные подразделения банков);
- банковские холдинги;
- брокеры и дилеры фондового рынка;
- страховые и перестраховочные компании;
- юридические лица – эмитенты ценных бумаг под секьютиризованные активы, – и ряд других финансовых структур.

Структуры ТБ имеют возможность снижать издержки инвестиционного бизнеса, в основном, за счет отсутствия необходимости соблюдения требований по достаточности капитала и отчислений в фонды обязательного резервирования.

Таким образом, структуры ТБ, оказываясь вне жесткого государственного банковского надзора, разрабатывают и осуществляют более рискованные финансовые схемы, операции и транзакции.

В современной глобальной экономике «теневой» банковский сектор фактически стал основным финансовым посредником между инвестором и заемщиком.

Оценить реальные масштабы «теневого» финансового рынка достаточно сложно из-за отсутствия достоверных международных и национальных статистических данных по этому вопросу и по применению различных методик оценки такого весьма неоднозначного и сложного явления в мировой экономике.

В частности, эксперты отмечали, что за период с 2002 по 2007 гг. объем мирового теневого финансового сектора вырос с 26 трлн долл. до 62 трлн долл. И превышал официальную стоимость активов глобальной традиционной банковской системы.

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. страны «большой двадцатки» создали международный *Совет по финансовой стабильности* для разработки и внедрения надзорных мер в финансовой сфере, в том числе и в сфере «теневого» банкинга⁴.

В частности, эксперты Совета по финансовой стабильности отмечали: «Беспрецедентный объем “теневой” банковской системы сам по себе может стать источником системных рисков для глобальной экономики и мировых финансов, особенно в случае резкого снижения ликвидности. Мы полагаем,

⁴ Совет по финансовой стабильности (СФС) (Financial Stability Board, FSB) был учрежден в 2009 г. руководством стран Группы 20 как преемник Форума финансовой стабильности. Основная цель – укрепление глобальной финансовой стабильности путем координации политики органов регулирования и наблюдения стран-участниц.

что необходимо постоянное проведение адекватного мониторинга и создание формы определенного регулирования теневой банковской системы. Эти действия должны помочь хотя бы частично снизить риски на фоне того гигантского объема “теневых” операций, который продолжает стремительно расти»⁵.

В первом аналитическом докладе, подготовленном Советом по финансовой стабильности, объем мирового теневого банкинга в 2012 г. оценивался в 67 трлн долл., что в то время соответствовало:

- примерно 80% мирового ВВП (2012 г., по обменному курсу – 72 трлн долл.) и было больше совокупного ВВП стран «большой двадцатки» (G20);
- было почти в 4 раза больше объема мирового экспорта товаров (2012 г. – 18 трлн долл.);
- было в 5 раз больше объема совокупных мировых прямых зарубежных инвестиций (2012 г. – 14 трлн долл.);
- составляло 25–30% капитализации всей мировой финансовой системы⁶.

Проведенный анализ странового распределения объема теневого банкинга показал, что в 2012 г. на США приходилось – 23 трлн долл. (в 2 с лишним раза больше объема всех депозитов в американских банках, которые на тот период составляли 9,6 трлн долл.).

На страны Евросоюза приходилось 22 трлн долл. стоимости теневого банкинга, в том числе на Великобританию – 9 трлн долл., на другие европейские страны, прежде всего на Германию, Францию, Испанию и др. – 13 трлн долл.

Кроме того, значительную долю теневого банкинга имели развивающиеся страны, у которых была высокая доля государственных банков в общих активах национальной финансовой системы. К таким странам относились: Китай, Индонезия, Россия, Саудовская Аравия.

По показателю отношения объема теневых финансовых операций к стоимости ВВП среди стран мира лидирующие позиции занимали: Гонконг (520%); Нидерланды (490%); Великобритания (370%); Швейцария (240%); Сингапур (220%).

В настоящее время теневая часть банковской системы мирового рынка финансовых услуг продолжает расти высокими темпами и в 2020 г. ее объем оценивался в зависимости от выбранных методик подсчета от 80 до 100 трлн долл.⁷

Следует отметить, что в последние годы по темпам роста «теневого» банкинга все ведущие промышленно развитые страны мира опережал Китай. Объем «теневых» операций в Китае в 2012 г. оценивался примерно в 2,7 трлн долл., что составляло тогда примерно 25–30% ВВП страны.

В 2015 г. международное рейтинговое агентство Moody's оценило объем «теневого» банковского сектора Китая уже в 7,6 трлн долл. В 2016 г. этот показатель увеличился на 20% и составил 9,4 трлн долл. (64,5 трлн юаней).

⁵ Global Shadow Banking Monitoring Report, Financial Stability Board, Basel, 2012.

⁶ Global Shadow Banking Monitoring Report, Financial Stability Board, Basel, 2012.

⁷ Global Shadow Banking Monitoring Report, Financial Stability Board, Basel, 2018.

Данные отчета о финансовой стабильности, опубликованные Народным банком Китая в 2017 г., произвели шокирующее действие. По официальным данным НБК, в 2015 г. внебалансовые активы в Китае – то есть, нерегулируемые, «теневые» кредиты – составляли 28 трлн долл. (189 трлн юаней).

В 2016 г. этот показатель увеличился почти на 30% – до 37 трлн долл. (252,3 трлн юаней) – превысив показатель объема активов официального банковского сектора страны (34 трлн долл.) и в три раза превысив объем ВВП Китая (12,3 трлн долл.).

Очевидно, что руководителям государств, международных финансовых организаций и банковских структур все же следует прислушаться к словам известного либерального американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (2008 г.) Пола Кругмана.

Анализируя причины мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 г., Пол Кругман отмечал, что “когда «теневая» банковская система выросла настолько, что сравнялась и даже обогнала по своей важности традиционную, политикам и правительенным чиновникам надо было понять, что мы заново создали разновидность финансовой уязвимости, вроде той, которая сделала возможным появление Великой депрессии”⁸.

Среди структур теневого бизнеса наиболее стабильным ростом активов в настоящее время отличаются *хедж-фонды*. Именно благодаря этим финансовым посредникам широкое распространение получил такой финансовый инструмент, как *финансовый рычаг* (финансовый леверидж)⁹.

Известны случаи, когда один из известных хедж-фондов смог на 10 млн долл. собственных средств организовать и осуществить финансовую операцию с ипотечными ценными бумагами на сумму до 850 млн долл.

Финансовый пузырь деривативов. Как говорил еще великий древнегреческий философ Аристотель (384–322 до н.э.), «все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить свои капиталы до бесконечности».

Растущий аппетит к доходности побуждает современных инвесторов искать способы увеличить доход с помощью сложных финансовых инструментов, к которым в первую очередь относят *деривативы* – производные финансовые инструменты¹⁰.

По мере роста этого рынка появились новые производные финансовые инструменты. В настоящее время основная часть рынка деривативов приходится

⁸ Аргументы и факты on-line, 14 апреля 2009 г. URL: <http://www.aif.ru/money/article/26123>

⁹ Финансовый леверидж – соотношения собственных и заемных средств финансовых компаний, или соотношение уровней их задолженности.

¹⁰ Согласно определению международных стандартов финансовой отчетности (МСФО-32), дериватив (англ. *derivative* – производный) – это финансовый инструмент в форме договора, где юридически одновременно возникают финансовый актив у одной компании и финансовое обязательство или долевой инструмент – у другой.

на *валютные фьючерсы и свопы*¹¹, которые могут быть краткосрочными и долгосрочными. Кроме того, эти финансовые инструменты делятся на *процентные фьючерсы, опционы и свопы*, а также – *форварды*, которые базируются в основном на контрактах об обмене различными ценными бумагами, точнее – обмене текущими и будущими доходами от них.

В отличие от классических ценных бумаг, производные финансовые инструменты не имеют реальной стоимости. Это, по сути, ставка на реализацию того или иного события, изменения цены того или иного актива, процентной ставки и др. По своей природе это – инструменты торговли финансовыми рисками, привязанные к финансовым активам. При этом большинство финансовых операций на данном рынке совершается в цифровом формате и носит ярко выраженный спекулятивный характер.

До глобального финансового экономического кризиса 2008–2009 гг. мировой рынок деривативов характеризовался следующей динамикой: 1998 г. – 94 трлн долл., 1999 г. – 101 трлн долл., 2000 г. – 109 трлн долл., 2001 г. – 134 трлн долл., 2002 г. – 165 трлн долл., 2003 г. – 233 трлн долл., 2004 г. – 293 трлн долл., 2005 г. – 350 трлн долл., 2006 г. – 668 трлн долл. При этом в эти годы от 80% до 90% рынка приходилось на небиржевые деривативы.

После мирового кризиса этот тренд продолжился, глобальный пузырь деривативов увеличивается. По данным швейцарского Банка международных расчетов, общая номинальная стоимость деривативов во всем мире выросла в 2016 г. до колоссальной суммы в 710 трлн долл.

По существующим оценкам экспертов, этот показатель в 2020 г. превышал триллиард (тысяча триллионов) долл. (по длинной шкале системы наименования цифр) или квадриллион долл. (по короткой шкале системы наименования цифр). Иными словами, эта сумма настолько велика, что ее даже сложно адекватно сравнить с известными макроэкономическими показателями.

В частности, стоимость деривативов более чем в 10 раз превышала объем мирового ВВП, была в 10 раз больше капитализации мирового фондового рынка, в три раза больше стоимости всех активов мирового финансового сектора. Следует отметить, что основная масса деривативов концентрируется на балансах крупнейших мировых коммерческих и инвестиционных банков.

В частности, ведущий немецкий банк «Deutsche Bank» в 2015 г. имел на своем балансе производные ценные бумаги, стоимость которых оценивалась примерно в 75 трлн долл.

¹¹ **Фьючерсы** (*futures*) – ценные бумаги, стандартизированные для биржевой торговли;

свопы (*swaps*) – контракты на обмен активами или платежами в течение определенного срока по согласованной заранее цене;

форварды (*forwards*) – контракты на будущую поставку различных активов (товаров, валюты, ценных бумаг) по зафиксированной в контракте цене;

опционы (*options*) и **варранты** (*warrants*) – ценные бумаги, дающие их обладателю право (но не обязанность) продать или купить определенные активы по зафиксированной в контракте цене.

Согласно данным правительства США, 25 крупнейших банков страны в 2014 г. имели на своих балансах деривативы на сумму 236 трлн долл. Причем на 4 крупнейших банка приходилось 94% стоимости этих производных ценных бумаг.

С момента кризиса 2008–2009 гг. портфель производных финансовых инструментов на балансе американского банка «Citigroup» вырос на 65% и достиг в 2014 г. 62 трлн долл.

Стоимость портфеля деривативов одного из крупнейших американских банков «Bank of America» агентством «Bloomberg» в 2014 г. оценивалась в 49 трлн долл., инвестиционного банка «Goldman Sachs» – в 48 трлн долл.

Крупнейший швейцарский банк «HSBC» имел портфель производных ценных бумаг стоимостью примерно 5 трлн долл.¹²

Таким образом, можно сделать вывод, что деривативы представляют собой виртуальный спекулятивный рынок, развивающийся по своим законам и всё более отдаляющийся от реальной экономики.

Эксперты Мирового валютного фонда (МВФ) предупреждали, что быстро растущее использование инвесторами экзотических финансовых продуктов, связанных с волатильностью акций, создает неизвестные риски, которые могут привести к серьезному шоку на финансовых рынках¹³.

Нельзя забывать, что появление и неконтролируемый выпуск в США новых производных финансовых инструментов, так называемых *кредитно-дефолтных свопов* – СМО (*collateralized mortgage obligations*) – ипотечных ценных бумаг с индексируемой процентной ставкой, стали одним из триггеров глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Известный в мире инвесторов американский миллиардер Уоррен Баффетт¹⁴ очень точно и образно охарактеризовал деривативы, называя их «оружием массового поражения», «бомбой замедленного действия», «изобретением сумасшедшего» и др. Он говорил, что «в эти инструменты очень легко войти и почти невозможно выйти».

Проведем аналогию. Известно, что на территории США находится одно из природных чудес света, знаменитый супервулкан Йеллоустоун, который пока «спит». По мнению специалистов, за всю историю существования вулкан извергался три раза, последний раз 640 тыс. лет назад.

Ученые-вулканологи предполагают, что, если он когда-нибудь проснется, то сила его извержения будет сравнима со взрывом тысячи атомных бомб.

¹² URL: <http://bankir.ru/novosti/s/puzyr-derivativov-ugrozhaet-finansovoi-sisteme-mira-10077143/>

¹³ «Повышение среднесрочных уязвимостей может помешать глобальному восстановлению» / доклад о финансовой стабильности МВФ // Вашингтон.2017 г.

¹⁴ Уоррен Эдвард Баффетт (англ. Warren Edward Buffett) – американский предприниматель, родился 30 августа 1930 г. в Омаха, штат Небраска. Один из богатейших людей планеты, его состояние на май 2019 г. оценивалось в 86,6 млрд долл. США. За способность удачно инвестировать в ценные бумаги известного американского финансиста называют финансовым гуру, «Провидцем» и «Оракулом из Омахи».

На землю прольется сернистый дождь. Образовавшиеся пылевые тучи закроют солнце, и на планете наступит вулканическая зима. Большая часть живых организмов в таких условиях погибнет.

Современный мировой рынок деривативов представляет собой нечто подобное Йеллоустоуну, только не в природе, а в сфере финансов, и это не гипербола.

Банки и другие финансовые институты, увлекшись высокодоходными спекулятивными операциями на финансовом рынке, перекачали денежную массу в гигантские, ничем не обеспеченные, мало ликвидные активы.

Дисбаланс между реальной мировой экономикой и размерами спекулятивного финансового пузыря увеличивает риски возможного нового глобального кризиса, и, как в случае с супервулканом, возникает резонный вопрос – когда же все это «рванет»?

Нынешний финансовый пузырь деривативов гораздо больше тех, которые до настоящего времени видел мир, и если он лопнет, то для финансовой системы планеты наступит настоящий коллапс по аналогии с вулканической зимой – финансовая зима.

В этом случае, как карточные домики, повалятся инвестиционные и коммерческие банки, на балансах которых скопились эти ценные бумаги, и тогда все предыдущие глобальные финансово-экономические кризисы покажутся не серьезной болезнью, а легким насморком.

В этих условиях распространение финансовой нестабильности, возникающей в одном из звеньев мировой экономической системы, будет намного более стремительным и разрушительным, что вызовет финансовые шоки во всех странах мира.

Интеграция и возможное формирование в мировой экономике валютных зон. Давно назрела необходимость создания новой валютной системы¹⁵, которая должна положить конец доминированию доллара США в глобальной экономике и мировой финансовой системе, в качестве основной расчетной и резервной валюты.

Непосредственное участие в разработке принципов построения новой мировой валютной системы на равных с ведущими промышленно развитыми странами должны принимать крупные мировые экономики, такие как Китай, Россия, Индия, Бразилия.

¹⁵ История мировых валютных систем:

- Парижская валютная система (1867–1922) – золотой стандарт, резервные валюты – золото;
- Генуэзская валютная система (1922–1930-е годы) – золотой стандарт, все валюты привязаны к золоту, резервные валюты – фунт стерлингов и доллар США;
- Бреттон-Вудская валютная система (1944–1978) – золотодевизный стандарт, основные резервные валюты – фунт стерлингов, доллар США;
- Ямайская валютная система (1978-н/в) – долларовый стандарт (СДР, резервные валюты – доллар США, фунт стерлингов, швейцарский франк, японская иена, евро (с 2000 г.), китайский юань (с 2016 г.) и др.).

Одним из краеугольных камней новой валютной системы может стать признание целесообразности формирования и развития в мировой экономике валютных зон.

В этой связи необходимо стимулировать региональную экономическую интеграцию, в результате которой могут сформироваться валютные зоны с региональными, свободно используемыми (резервными) валютами.

В перспективе такими зонами в мировой экономике могут стать:

- азиатская валютная зона на базе азиатской валютной единицы АКЮ (англ. Asian currency unit, ACU) может быть создана в формате АСЕАН +3, куда могут войти 10 стран членов АСЕАН, а также Китай, Япония и Республика Корея;
- валютная зона стран Латинской Америки на базе стран-участниц МЕРКОСУР – Бразилия, Аргентина, Парагвай, Уругвай, Венесуэла) и стран Андской группы (Боливия, Колумбия, Перу, Венесуэла, Эквадор;
- зона «золотого динара» – арабские страны Ближнего и Среднего Востока, Западной и Экваториальной Африки, мусульманские государства стран Юго-восточной Азии. Всего 57 стран-членов Исламского банка развития;
- рублевая зона – Россия, Союзное государство России и Белоруссии, ЕАЭС, отдельные страны СНГ.

Формирование региональных валютных зон в глобальной экономике, со своими свободно используемыми (резервными) валютами, сможет значительно повысить устойчивость мировой финансовой системы.

В качестве еще одной радикальной меры для финансовой стабилизации в мире следует рассматривать гипотетическую возможность возврата при формировании новой мировой финансовой системы к золотому или золотовалютному (золотодевизному) стандарту, который был бы реальным обеспечением устойчивости национальных валют большинства стран мира.

Однако физическое ограничение количества золота в мире, гипертрофированный рост цен на этот драгоценный металл в последние годы и ряд других причин, в том числе политическая конфронтация между ведущими промышленно развитыми странами, делают возврат к такой системе в глобальном масштабе маловероятным.

В качестве инструментов обеспечения стабильности национальных валют могут рассматриваться, кроме золота, другие драгоценные, благородные металлы, в том числе серебро, платина и ряд металлов платиноидной группы – рутений, родий, палладий, осмий, иридий, а также запасы таких высоколиквидных полезных ископаемых, как нефть, газ, уран и др. Однако, для реализации этой креативной идеи нужна политическая воля руководителей ведущих промышленно развитых стран и институциональных игроков на мировом финансовом рынке, что в настоящее время также представляет-ся маловероятным.

Единая наднациональная резервная валюта. Требует переосмысления и конкретизации давняя идея создания в глобальной экономике мировой валюты¹⁶ или, как вариант, единой наднациональной резервной валюты.

В последние годы вопрос о необходимости создания новой мировой резервной валюты на основе СДР¹⁷ (расчетной валюты МВФ), региональных резервных валют, контролируемых и регулируемых международным коллективным эмитентом неоднократно поднимался на международном уровне руководством России и Китая.

Основное преимущество такой валюты заключается в том, что ее будет эмитировать авторитетная международная финансовая организация, а не одна национальная банковская система, как это происходит в случае с долларом США.

Причем, следует еще раз подчеркнуть, что право печатать доллар реально принадлежит не государству США, а независимому американскому государственному агентству, фактически частной акционерной компании – Федеральной резервной системе (ФРС), которую контролирует мировая финансовая элита.

На саммите «Большой восьмерки», прошедшем в июле 2009 г. в Аквиле (Италия), многие представители ведущих стран мира были согласны с тем, что мировой финансовой системе необходима единая наднациональная резервная валюта. Весьма символично, что лидерам государств-участников встречи в Аквиле в качестве подарков презентовали пробный «тестовый» вариант такой валюты – «евродоллар»¹⁸.

По мере восстановления мировой экономики после глобального кризиса 2008–2009 г. идея о наднациональной резервной валюте потеряла актуальность, но с началом торговых войн между США и Китаем и новым циклическим мировым финансово-экономическим кризисом 2020 г. эта повестка вновь стала актуальной.

¹⁶ Официально идею создания мировой валюты еще в прошлом столетии выдвигал известный английский ученый Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), который по праву считается крупнейшим экономистом XX столетия. При разработке Бреттен-Вудской валютной системы ученый полагал, что в основе новой валютной системы должна быть мировая валюта – «банкор», а не доллар США. Очевидно, что для денежных властей США, продвигавших идею превращения доллара в мировую валюту, такой вариант был неприемлем.

¹⁷ Специальные права заимствования (СДР), эмитируемые Международным валютным фондом международные резервные и платежные средства, предназначенные для регулирования сальдо платежных балансов, пополнения официальных резервов и расчетов с МВФ, соизмерения стоимости национальных валют. Стоимость СДР на период 2016–2020 гг. исчисляется на основе средневзвешенной стоимости пяти валют – доллара США (41,73%), евро (30,93%), китайского юаня (10,92% с 2016 г.), японской иены (8,33%), английского фунта стерлингов (8,09%). СДР служат единицей расчетов в МВФ.

¹⁸ «Объединенная» монета – символ единства США и объединенной Европы. На монете изображена цифра с пятью повторяющимися тенями – по количеству континентов. Кроме того, монета содержит надпись «Единство в разнообразии» и изображение «дерева жизни» из трех типов растений, растущих на пяти континентах. Монета была сделана из золота и была отчеканена в Бельгии на Королевском монетном дворе.

Это связано с тем, что с конца прошлого столетия доллар находится в долгосрочном нисходящем тренде, в том числе в мировых торговых расчетах, при формировании золотовалютных резервов большинства стран мира и валютных расчетах между государствами.

Наиболее ярко этот тренд проявляется в сокращении доли доллара в международных финансовых расчетах, в том числе через систему SWIFT. Только за текущее столетие этот показатель сократился в два с лишним раза с максимума в 89,9% в 2001 г. до 44,8% в 2015 г. и до 43,6% в 2020 г.

Доля доллара в мировых валютных резервах всех стран мира к 2020 сократилась почти до 60%, а в мировом экспорте до 78%.

Усилить глобальную конкуренцию на мировом валютном рынке и стимулировать дальнейшее ослабление позиций доллара США в качестве основной расчетной и резервной валюты в мире, и придать динамизм этому процессу может более интенсивный переход в расчетах между странами в торговых и инвестиционных операциях на их национальные валюты. Ключевую роль в этом процессе может сыграть создание в глобальной экономике новых биржевых площадок по торговле сырьевыми товарами в национальных валютах, по примеру Китая.

Это событие, которое произошло 26 марта 2018 г. реально можно отнести к историческим в мировой биржевой торговле. В этот день на Шанхайской международной энергетической бирже начались торги поставочными фьючерсами на нефть, номинированными в китайской национальной валюте – юанях¹⁹.

Первоначально разрешение на предоставление брокерских услуг по нефтяным фьючерсам получили 150 китайских компаний и 19 зарубежных фирм.

Таким образом, Китай, являющийся крупнейшим импортером нефти в мире, бросил вызов порядку, сложившемуся в мировом ценообразовании, когда цены на нефть формировалась исключительно на западных биржевых площадках – в Нью-Йорке (NYMEX) или в Лондоне (ICE). Именно на этих двух биржах до последнего времени устанавливалась мировая цена на нефть, причем цены определялись исключительно в долларах США.

Торговля нефтью в юанях будет способствовать диверсификации финансового рынка, укреплению китайской национальной валюты, которая станет чаще использоваться для расчетов в международной торговле и для фондирования инвестиционных операций в энергетической сфере.

¹⁹ Китайские власти пытались запустить торги нефтяными фьючерсами на внутреннем рынке еще в 1993 г., но первая попытка оказалась неудачной. Из-за крайне высокой волатильности и спекулятивной активности на нефтяном рынке торги пришлось остановить. В последующие годы попытки возобновить торговлю нефтяными фьючерсами не удавались в связи с нестабильностью на мировом энергетическом, финансовом и фондовом рынках. Однако, организация биржевых торгов на нефть в Китае стала делом государственной важности, о чем неоднократно заявляли высшие руководители КНР и КПК. Позднее при непосредственном участии правительства была создана необходимая инфраструктура и разработаны правила, регулирующие торговлю нефтяными фьючерсами.

Кроме того, нефтяные фьючерсы предоставят крупнейшим нефтяным компаниям и международным трейдерам ликвидный инструмент для управления рисками.

Таким образом, фактически речь идет о формировании «нефтеюаня», который в перспективе может стать реальным конкурентом «нефтедолларам», и, соответственно, сам юань – доллару США.

Примеру Китая могут последовать другие страны мира и прежде всего – страны-производители и экспортёры нефти, в том числе: Россия, Венесуэла, Сирия, Египет, Иран и др.

При сохранении отмеченных трендов Центробанки многих стран мира, которые сейчас держат большую часть золотовалютных резервов в долларах, будут все активнее избавляться от американской валюты за счет увеличения в составе своих официальных резервов монетарного золота, других резервных валют и прежде всего китайского юаня.

Принципы реформирования международных финансовых организаций и регуляторов. Кардинального реформирования требуют международные финансовые организации и прежде всего – Международный валютный фонд (МВФ), что было официально подтверждено лидерами стран на саммите «Большой восьмерки», прошедшем в июле 2009 г. в Аквиле (Италия).

Однако прошедшие после этого частичные реформы были реализованы лишь в 2016 г. и носили не системный, а фактически декоративный характер.

Проведенные реформы принципиально не изменили основные цели деятельности МВФ, который остался инструментом проведения внешнеэкономической политики США, направленной на сохранение американского доминирования в мировой финансовой сфере. Финансовая элита США по-прежнему оказывает ключевое влияние на формирование стратегии и основные направления деятельности фонда.

Очевидно, что основной функцией МВФ должна стать работа по сохранению финансовой стабильности в мире, предупреждению и недопущению глобальных, региональных и страновых финансовых кризисов, а не запоздалая, «пожарная» помощь в ликвидации последствий таких кризисов.

Гипотетически именно МВФ мог бы инициировать разработку принципов создания новой мировой валютной системы, на основе которой может сформироваться новая мировая финансовая инфраструктура.

Как альтернативу можно рассматривать возможность создания нового международного финансового института, неподконтрольного финансовой олигархии США, с аналогичными задачами глобального регулятора, с акцентом на регулирование движения капитала в глобальной экономике, в том числе деятельности оффшорных центров, суверенных фондов, а также принципов трансграничных слияний и поглощений, рынка небиржевых деривативов и др.

Такая организация может быть создана по аналогии с Всемирной торговой организацией (ВТО) и на базе уже существующих международно-правовых соглашений в инвестиционной сфере.

Одной из важных функций нового международного финансового института мог бы стать выпуск единой наднациональной мировой резервной валюты.

Существенные изменения необходимы в сфере банковского регулирования. В этой связи Базельскому комитету по банковскому регулированию, исходя из нынешней кризисной ситуации, следует внести существенные корректировки в основополагающие принципы и соглашения в плане ужесточения нормативно-правовой базы регулирования и надзора за деятельностью банковских институтов во всех странах мира.

Было бы целесообразно разработать новое соглашение Базель IV, где основной акцент следует сделать на принятии пруденциальных норм в том числе и по регулированию новых сегментов банковской сферы, прежде всего – интернет-банков, банков криптовалют и «теневого» банкинга.

Существуют и весьма радикальные точки зрения на механизмы регулирования банковского сектора на основе Базельских соглашений.

Так, Джек Ма – один из богатейших людей Китая, основатель известной компании «Alibaba» – выступая на международной конференции в Шанхае 24 октября 2020 г., призвал отказаться от устаревших, на его взгляд, правил и норм регулирования банковской сферы.

В частности, он сказал: «Базельские соглашения – это как клуб старых людей... Мы не можем пользоваться вчерашними методами, чтобы регулировать будущее».

По мнению Джека Ма, на смену банкам для доставки денег в различные сектора экономики должна прийти система «озер, прудов и ручьев», а сами банки не должны брать залоги при выдаче кредитов, как того требуют Базельские соглашения.

Вместо этого следует исходить из «кредитного рейтинга компаний, составленного на основе анализа больших данных». Китайский миллиардер выступил за особый путь развития банковской и финансовой системы Китая.

Кроме того, необходимо совершенствовать систему регулирования и контроля системно значимых финансовых институтов и инструментов «теневого» банкинга. Особенно это касается деятельности хедж-фондов, трастовых фондов, фондов прямых инвестиций, фондов денежного рынка и др.

Как отмечала Канцлер Германии Ангела Меркель после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.: «Недостаточно регулировать только банки, необходим контроль над хедж-фондами и теневым банкингом, и я буду бороться за это»²⁰. Однако эти заявления, как и многие другие, остались на бумаге и не получили практического подтверждения и развития.

²⁰ URL: <http://www.Bloomberg.com/news/2013-08-24/market-says-g20-needs-to-push-harder-to-control-hedge-fund-risks.html>

Что касается рынка деривативов и его определенной стандартизации, то необходимо учреждение центральных клиринговых депозитариев, которые будут отвечать за устойчивость этого рынка, эффективность его регулирования и надзора на государственном и глобальном уровне.

В этой связи целесообразна разработка системы мер по защите фондового рынка от масштабных спекуляций. Необходимо найти дополнительные механизмы, которые не допускали бы разрастания фондовых «пузырей» до критических размеров, разрушающих нормальное функционирование мирового рынка капиталов.

Банкротство известных коммерческих и инвестиционных банков в период финансового кризиса 2008–2009 гг. поставило под сомнение эффективность и объективность деятельности многих **мировых рейтинговых агентств**, призванных официально подтверждать финансовую состоятельность как суверенных государств, так и надежность их коммерческих банков и других национальных финансовых институтов и др.

Очевидно, эти организации также требуют реформирования, в том числе за счет ужесточения юридической и уголовной ответственности за результаты их деятельности. Рейтинговые агентства должны уменьшать, а не увеличивать финансовые риски.

В долгосрочной перспективе представляется целесообразным разработка так называемых Глобальных стандартов, т.е. общих принципов и правил для деятельности банковских и финансовых институтов во всех странах мира и на глобальном уровне.

Для реализации этих системных преобразований в архитектуре мировой банковской и финансовой системы необходима, прежде всего, политическая воля руководства ведущих промышленно развитых стран.

Нужна тесная координация деятельности в этом направлении как на уровне глав государств и правительств G20, на уровне руководителей стран БРИКС и ШОС, так и на уровне руководителей международных финансовых организаций, с привлечением экспертного и бизнес-сообществ. Координацию этой работы можно возложить на Совет финансовой стабильности.

Более тесной должна стать координация денежно-кредитной политики между Центральными банками ведущих стран мира по выработке единых подходов к установлению уровня базовых ставок, степени колебания валютных курсов, кредитной, валютной, долговой и антиинфляционной и регуляторной политики.

К сожалению, актуальная повестка реформирования мировой финансовой системы в настоящее время затмевается повесткой борьбы с пандемией коронавируса.

Лидеры ведущих промышленно развитых стран, руководители мировых финансовых организаций пока не готовы обсуждать по существу мировые

финансовые проблемы, формирование новой мировой финансовой архитектуры, хотя такая необходимость давно назрела.

Литература

1. *Андринов В.Д.* Россия: экономический и инвестиционный потенциал // ОАО «Издательство «Экономика», Москва 1999 г. 662 с.
2. *Андринов В.Д.* Новая архитектура глобальной финансовой и экономической системы // Проблемы теории и практики управления. 2011. № 9. С. 8–15.
3. Финансовые институты развития: особенности стратегического управления / под редакцией В.Д. Андрианова // М.: Экономика. 2013.
4. *Буренин А.Н.* Отрицательные процентные ставки: центральные банки пошли на эксперимент // Вестник МГИМО-Университета. 2016.
6. *Дворецкая А.Е.* Теневой банкинг: институциональное и функциональное регулирование // Деньги и кредит. 2013. № 4. С. 13–19.
7. *Дегтерев Д.А.* Оценка многополярности международной финансовой системы: политэкономический анализ // Мировое и национальное хозяйство. 2016. № 2(37).
8. *Ноздрев С.В.* Китай в системе мировых финансов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 29–40.
9. *Наркевич С.С., Трунин П.В.* Резервные валюты: факторы становления и роль в мировой экономике // М.: Издательство Института Гайдара. 2012. 136 с.
10. *Кудряшова И.* Китайский юань как мировая валюта: императивы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 9. С. 36–44.
11. Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 годов, Банк России, Центральный банк Российской Федерации // Москва, 2018 г.
12. *Петров М.В.* Мировая финансовая система: долгий путь к многополярности // Международные финансы. № 2. 2018. С. 47–58.
13. *Поливач А.П.* Годовщина включения юаня в корзину СДР: первые результаты // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 113–116.
14. СПАРК–центр профессионального анализа рынков и компаний, совместно с агентством Интерфакс.
15. International Monetary Power. Ed. by D. M. Andrews. NY: Cornell University Press, 2006.
16. *Heep S.* China in Global Finance. Domestic Financial Repression and International Financial Power // Springer International Publishing. 2014.
17. Global Development Horizons 2011: Multipolarity – the New Global Economy // Washington. DC: The World Bank. 2011.
18. *Eichengreen B.* Exorbitant Privilege. The Rise and Fall of the Dollar and the Future of the International Monetary System // NY: Oxford University Press. 2011. 224 p.
19. *Genberg H.* Currency Internationalisation: Analytical and Policy Issues // Bank for International Settlements. 2009.
20. Global Debt Monitor, Institute of International Finance, IIF, Washington, DC – June 2018. Global Debt Monitor.
21. European Banking Federation (URL: <http://www.ebf.eu/statistical-annex>). World Bank Open
22. Global Shadow Banking Monitoring Report, Financial Stability Board, Basel, 2012–2020.
23. «Bloomberg». URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/77233>
24. Locational banking statistics Bank for International Settlement. URL: <https://www.bis.org/statistics/bankstats.Htm>

25. Euromoney FX Survey 2017 Euromoney. URL: <https://www.euromoney.com/article/b1348-tjhnv7h99/euromoneyfx-survey-2017-results-released>
26. Global 2017 Review: Key trends that shaped the markets in Q4 2017 / Dealogic. URL: <http://www.dealogic.com/insight>
27. Global Wealth Datebook 2016: Credit Suisse Research Institute, Credit Suisse, October, 2019.
28. Report to Congress Pursuant to Section 13(3) of the Federal Reserve Act: Primary Market Corporate Credit Facility, May 29, 2020, Board of Governors of the Federal Reserve.
29. Report to Congress Pursuant to Section 13(3) of the Federal Reserve Act: Secondary Market Corporate Credit Facility, March 30, 2020, Board of Governors of the Federal Reserve.
30. Report to Congress Pursuant to Section 13(3) of the Federal Reserve Act: Main Street Business Lending Program, April 9, 2020, Board of Governors of the Federal Reserve.
31. Richard Dobbs, Susan Lund, Jonathan Woetzel, and Mina Mutafchieva «Debt and (not much) deleveraging», Report McKinsey Global Institute, February, 2015. URL: <http://www.McKinsey.com>

Vladimir Andrianov (e-mail: andrianov_vd@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

GLOBAL FINANCIAL ARCHITECTURE: POSSIBLE DIRECTIONS OF STRUCTURAL TRANSFORMATION

The article examines the main trends in the transformation of the global financial infrastructure. The influence of shadow banking and the bubble of derivatives on the development of the world capital market and the stock market is investigated. Possible options for reforming international financial institutions and financial regulators are proposed.

Keywords: global financial architecture, decentralized finance, internet banking, currency zones, world reserve currencies, world banking system, shadow banking, fintech, cryptocurrencies, digital currencies, IMF, Basel agreements.

DOI: [10.31857/S020736760016806-5](https://doi.org/10.31857/S020736760016806-5)

© 2021

Дмитрий Кондратов

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: dmikondratov@yandex.ru)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮАНЯ

Перспективы юаня, его влияние на экономику КНР и роль на международном валютном рынке – эти вопросы составляют предмет как профессионального, так и широкого общественного интереса. Автор публикуемой статьи акцентирует внимание на процессе формирования китайской национальной денежной единицы как мировой валюты, способной стать, а в некоторых отношениях уже сегодня являющейся альтернативой другим резервным активам.

Ключевые слова: китайский юань, резервная валюта, валютный курс, рынок капитала, дедолларизация торговли.

DOI: 10.31857/S020736760016807-6

Валютная структура межбанковских переводов в системе SWIFT. В системе SWIFT через корреспондентские счета взаимодействуют практически все крупнейшие банки и корпорации современного мира – сеть SWIFT включает более 11 тыс. финансовых институтов и свыше 1000 корпораций. Через указанную систему проходит подавляющая часть расчетов между акторами, действующими в мировой экономике.

Анализ данных за период с октября 2010 г. по январь 2021 г. показывает, что основой для трансграничных расчетов через SWIFT остается доллар и евро, на которые приходится не менее $\frac{3}{4}$ всех межбанковских переводов в системе (Рис. 1). Если брать весь рассматриваемый период, то удельные веса пары доллар–евро тесно взаимосвязаны: при повышении в трансграничных расчетах доллара доля евро снижается, справедливо и обратное.

Юань, наряду с британским фунтом, японской иеной и канадским долларом, в системе трансграничных платежей остается валютой второго ряда (Рис. 2). Первоначально реализация стратегии интернационализации юаня привела к усилению его роли в обслуживании трансграничных платежей. Во второй половине 2015 г. – начале 2016 г. его доля в межбанковских расчетах повысилась до 2,0% (исторический максимум в 2,79% был достигнут в августе 2015 г.). Однако затем вклад китайской национальной денежной единицы начал снижаться, и с начала 2018 г. он находится в диапазоне 1,2–1,9%

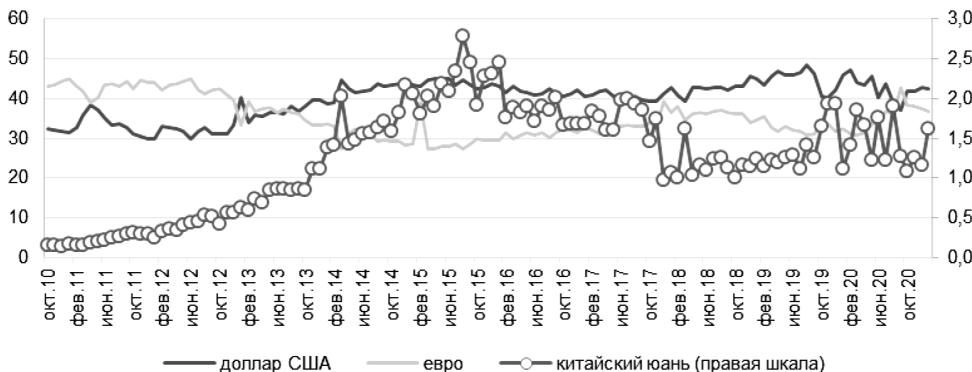

Рис. 1. Динамика валютной структуры межбанковских переводов в системе SWIFT, октябрь 2010 – январь 2021, % в совокупных переводах

Источник: SWIFT (RMB Tracker).

Рис. 2. Доли вторичных валют в валютной структуре межбанковских переводов в системе SWIFT, октябрь 2010 – январь 2021, % в совокупных переводах

Источник: SWIFT (RMB Tracker).

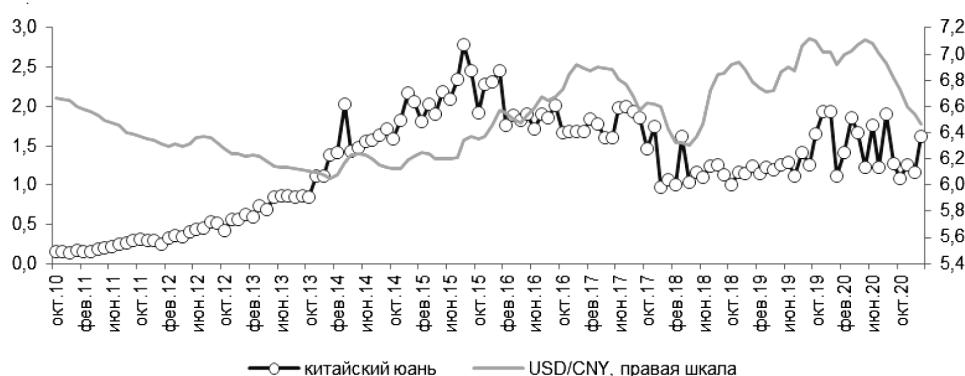

Рис. 3. Доля юаня в валюта структуре межбанковских переводов в системе SWIFT и курс юаня относительно доллара США, октябрь 2010 – январь 2021, % в совокупных переводах

Источники: SWIFT (RMB Tracker) и Банк международных расчетов.

Помимо отмеченного выше отказа от либерализации капитального счета платежного баланса, уменьшение роли юаня в обслуживании трансграничных межбанковских операций обусловлено снижением его покупательной способности. Доля китайской валюты в обслуживании межбанковских расчетов росла в тот период, когда наблюдалось укрепление юаня относительно доллара (Рис. 3). Экономические акторы рассчитывали на продолжение указанной тенденции, и им было выгодно переводить расчетные операции в дорожающую валюту. Проводимые монетарными властями КНР периодические девальвации юаня, начатые с января 2017 г., понизили для агентов привлекательность перевода расчетов в юани.

Валютная структура мировой торговли валютами и внебиржевыми деривативами на процентную ставку. Публикуемая раз в три года со значительным временным лагом статистика Банка международных расчетов (БМП) позволяет проанализировать роль юаня в мировой торговле валютой и внебиржевыми деривативами. По объемам товарооборота указанные две составляющие являются крупнейшими финансовыми рынками в мире.

Доля юаня в мировой торговле валютами возросла с 0,9% в 2010 г. до 4,3% в 2019 г. Как отмечают эксперты БМР, важным фактором общей тенденции к повышению доли юаня на валютном рынке является то, что китайские банки, как правило, проводят операции на указанном сегменте рынка через свои отделения, расположенные в Лондонском финансовом центре. Банки КНР переводят крупные суммы средств, деноминированных в юанях, в Великобританию, которые позже, как правило, с лагом в один квартал, возвращаются в страну для финансирования потребностей предприятий корпоративного сектора. Такие круговоротельные перемещения финансовых средств, деноминированных в юанях, во многом объясняют экспансию позиций кредитных организаций в юанях на международном банковском рынке. Кроме того, растущая роль юаня на международном рынке кредитов связана с тем, что банки-нерезиденты КНР все более активно инвестируют средства в ценные бумаги, выпущенные китайскими резидентами, по сравнению с американскими ценными бумагами. В частности, в последнее время японские банки все более активно приобретают ценные бумаги, эмитированные китайскими резидентами. Эти тенденции в большей степени относятся к анализу роли юаня на международном рынке капиталов в так называемой узкой его трактовке, то есть перспектив его использования инвесторами и заемщиками из числа нерезидентов КНР.

Одним из показателей успешности юаня как международной валюты является объем операций с китайской валютой на иностранных валютных биржах. В марте 2015 г. Китай открыл торговые хабы (центры торговли юанями) в Канаде, Сингапуре и Лондоне. С 2016 г. подобный центр работает в США. Его главные задачи – содействовать снижению издержек американских

компаний в торговле с Китаем и расширению торговли деривативами, деноминированными в юанях. В рамках зарубежной программы институционального инвестирования Китай выделил квоту в размере 250 млрд юаней для проведения в США клиринговых операций с юанем.

По мнению западных специалистов, в реальности юань пока нельзя считать резервной валютой. Его доля в резервах центральных банков невелика; он не является полностью конвертируемым; объем операций с юанем на рынке Forex незначителен; обменный курс юаня регулируется НБК.

В тоже время, начиная с 2010 г., доля евро в товарообороте мирового валютного рынка снизилась. Если в 2010 г. вклад единой европейской валюты составлял 39,0%, то к 2019 г. он уменьшился до 32,3% (Рис. 4).

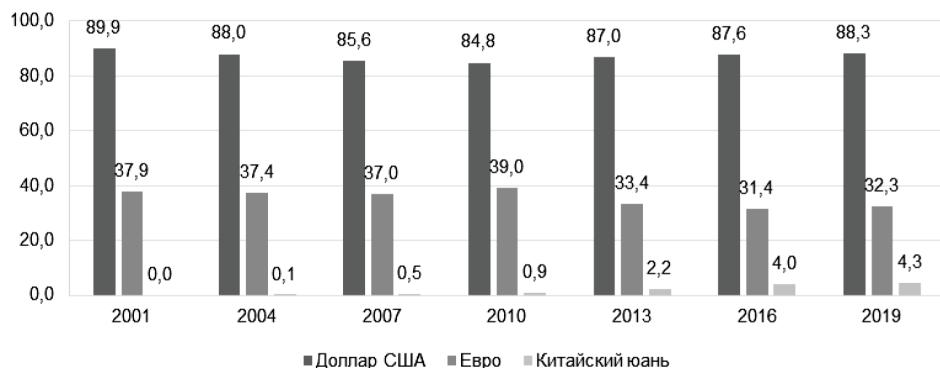

Рис. 4. Доли доллара, евро и юаня в мировой торговле валютами

Источник: Банк международных расчетов.

Использование более длительного временного ряда показывает, что единственная европейская валюта начала утрачивать позиции на мировом финансовом рынке после глобального экономического кризиса 2008–2009 г.

В качестве причин обесценения евро называют продолжительный экономический подъем в США, вялое затянувшееся оживление в экономике Германии (в 2014–2020 гг. средний годовой прирост ВВП составил 0,4%) и всей зоны евро, азиатский спрос на доллары в результате повышенных цен на нефть, военный конфликт на Ближнем Востоке. По нашему мнению, на курс единой валюты повлиял еще один важный, но обычно не упоминаемый фактор – ее недостаточная ликвидность на внешних рынках. Из-за слабой проработки внешних аспектов ЭВС, а также в виду параллельного обращения евро и национальных валют, операции с евро были сопряжены для третьих стран с большими издержками, нежели операции с долларами и другими традиционными валютами.

В 2016–2019 гг. резко снизилась доля евро в мировой торговле внебиржевыми деривативами на процентную ставку (Рис. 5). Доля китайской национальной валюты на этом финансовом рынке остается близкой к нулевой отметке.

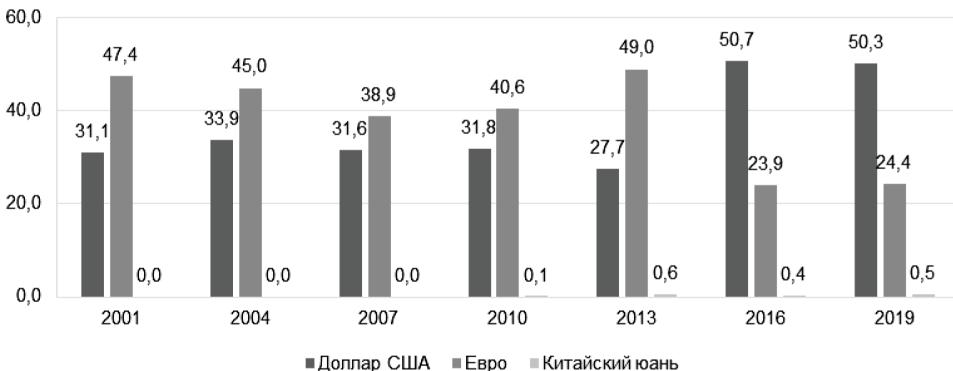

Рис. 5. Доли доллара, евро и юаня в мировой торговле внебиржевыми деривативами на процентную ставку, %

Источник: Банк международных расчетов.

Валютная структура официальных резервов стран мира. В течение 2017 – 2020 гг. основные изменения в структуре мировых валютных резервов были связаны с постепенным ростом доли юаня (с 1,1 до 2,1%) и соответственно – с уменьшением удельного веса доллара (с 64,7 до 60,5%) и иных валют (Рис. 6). Хотя в абсолютном выражении прирост в официальных резервах долларовых активов превышал увеличение активов в юанях, тем не менее в относительных показателях наблюдалась тенденция к опережающему росту доли юаня в резервах вследствие происходившего в этот период укрепления доверия к китайской национальной денежной единице.

Расширение сферы и масштабов использования активов в качестве резервного находится в тесной зависимости от выполнения валютой денежных функций в международном обороте. В частности, профессор Калифорнийского университета Б. Эйхентрин и главный экономист Международного валютного фонда Д. Мэтисон считают, что начальный этап повышения доли какой-либо иностранной валюты в структуре официальных резервов центральных банков во многом определяется ее выбором в качестве «якорной», а также масштабами использования этой иностранной валюты для обслуживания международных торговых и финансовых потоков [1].

Подробный анализ структуры формирования активов показывает, что в 2019 г. рост резервов, номинированных в юанях, сдерживался в основном за счет снижения курса жэньминьби к валютам стран основных торговых партнеров. Объемные показатели прироста международных валютных резервов с момента включения юаня в корзину СДР в 2016 г. показывают, что доля юаня в количественном приросте валютных резервов в 2016–2019 гг. составила 4,7%. В то же время доля австралийского и канадского доллара снизилась с 2,0 и 2,4% в 2016 г. до 1,7 и 1,6% в 2019 г. соответственно.

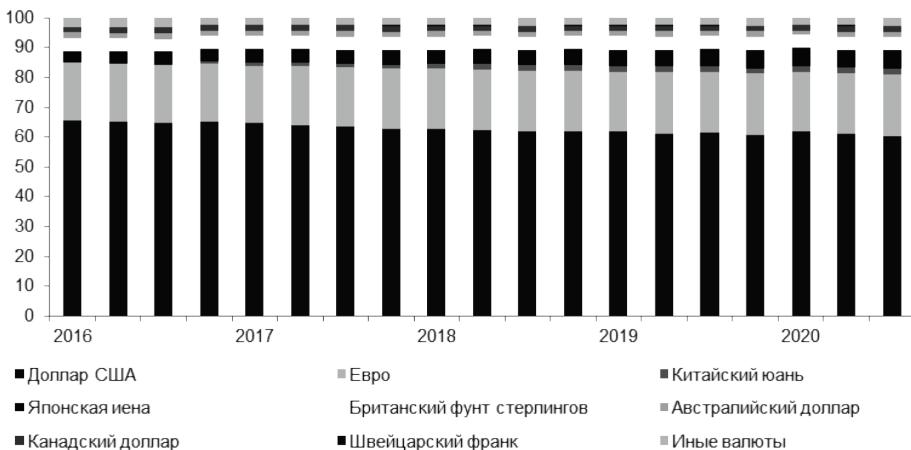

Рис. 6. Структура мировых резервных активов, %

Источник: Международный валютный фонд.

В 2020 г., при изменении динамики курсов мировых валют, впервые за всю историю абсолютный прирост резервов, выраженных в юанях, превысил прирост резервов, сформированных в фунтах стерлингов. Другими словами, за прошедший год государства мира дополнительно приобрели активы в юанях на сумму 0,03 трлн долл.

Прирост международных резервов, номинированных в юанях, помимо курсового фактора, был обусловлен процессами глобализации. Исчезновение барьеров на пути движения капиталов и либерализации валютных режимов значительно осложнили для правительств задачу поддержания стабильности валютных курсов. У рыночных спекулянтов, наоборот, возможности проведения атак на ту или иную валюту многократно возросли. Национальным властям, чтобы обеспечить достаточную защиту своей денежной единицы, стало требоваться гораздо больше валютных накоплений, чем раньше. В первую очередь, это относится к валютам стран с формирующимся рынком. С I кв. 2010 г. по IV кв. 2020 г. общие резервные активы (за исключением золота) указанной группы государств увеличились на 1,95 трлн долл. США с 5,55 трлн до 7,50 трлн долл. США.

В России в связи с повышенным вниманием к вопросам управления золотовалютными резервами Банк России в 2019 г. сделал специальное заявление о диверсификации валютной структуры резервов. Доля доллара США снизилась с 43,7% в 2018 г. до 22,2% в 2020 г., удельный вес юаня возрос с 5,0% до 12,2% за тот же период (Рис. 7).

Еще один фактор, указывающий на значительные перспективы увеличения вклада юаня на российском валютном рынке, — это рост роли китайской национальной валюты по обслуживанию международных расчетов, связанных

с внешней торговлей. Такой вывод можно сделать, основываясь на данных по использованию юаня в расчетах между КНР и Россией (данные по валютному составу внешней торговли КНР с другими крупнейшими экспортёрами мира, США и ЕС, отсутствуют). В III кв. 2020 г. Россия 24,6% импорта (Рис. 8 и Рис. 9) из КНР оплачивала в юанях (в 2013 г. – 2,2%), КНР в III кв. 2020 г. 10,8% товаров, получаемых из России, оплачивала в юанях (в 2013 г. указанный показатель составлял 1,7%).

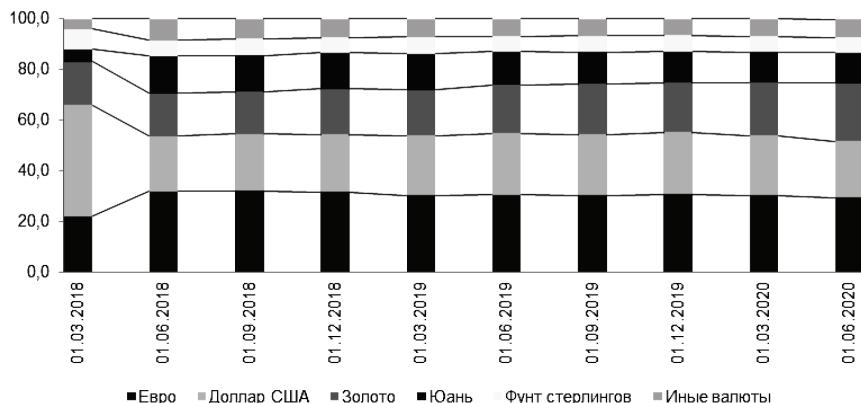

Рис. 7. Структура резервных активов Российской Федерации, %

Источник: Банк России.

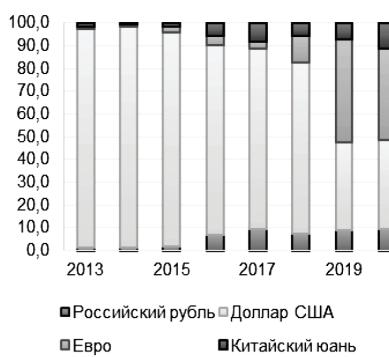

Рис. 8. Валютная структура расчетов за экспорт товаров и оказание услуг РФ в КНР по внешнеторговым договорам (в %)

Источники: Банк России, Главное таможенное управление КНР.

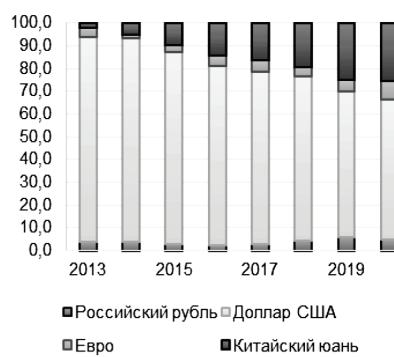

Рис. 9. Валютная структура расчетов за импорт товаров и оказание услуг РФ из КНР по внешнеторговым договорам (в %)

Рост роли юаня как расчетной валюты в торговых операциях с Россией имеет значение не только для валютного рынка, но и для роли юаня как резервной валюты. На практике центральные банки стараются поддерживать соответствие

между валютной структурой резервов и валютной структурой платежного баланса. Поэтому увеличение доли юаня в валютной структуре платежных операций резидентов России может привести к росту вклада юаня в валютных резервах Банка России. Поскольку Россия аккумулирует 6,1% активов (за исключением золота) государств с формирующимся рынком, или 3,5% мировых, такое изменение приведет к значимому увеличению роли юаня.

«Один пояс – один путь». Инициатива «Один пояс – один путь», выдвинутая Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., объединяет проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века» для создания новых международных торговых маршрутов и экономических связей [2]. Данная программа объединяет 69 стран, в которых проживает более 62% мирового населения. В 2017 г. более 40 стран подписали соглашения о сотрудничестве. В рамках кооперации планируется создать шесть международных коридоров: Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – полуостров Индокитай, Китай – Пакистан, Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма.

Основные цели указанной инициативы:

1. Координация политики. Реализация перечисленных проектов будет способствовать достижению странами-участницами в ходе совместной работы и углубления сотрудничества взаимовыгодных целей;
2. Финансовая интеграция и рост международной торговли. Реализация программы «Один пояс – один путь» расширяет финансовое сотрудничество, так как предполагает кооперацию в сфере мониторинга финансовых операций, разделения рисков и рост трансакций и внешней торговли;
3. Связанность инфраструктуры. Перестройка и усовершенствование портов, ремонт дорог и прокладка новых транспортных и иных коммуникаций, в том числе оптоволоконных линий, повысит качество объектов, обеспечивающих поддержание всевозможных связей между странами-участницами.

В 2014 г. руководство Китая объявило о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (Asian infrastructure investment bank, АИВ), который официально был открыт в 2016 г. и является институтом финансирования инфраструктурных проектов в Азии и, главным образом, программы «Один пояс – один путь». В настоящее время членами-учредителями АИВ стали 67 стран, 22 из которых расположены в регионах, которые не затрагивает инициатива. Китай владеет 26,06% капитала АИВ и имеет право вето при принятии банком решений, а 14 стран ЕС контролируют 19,04% капитала АИВ. В 2019 г. банк инвестировал 12,04 млрд долл. в 63 проекта программы, а в 2020 г., на фоне кризиса, вызванного распространением новой коронавирусной инфекции, АИВ одобрил 27 проектов на общую сумму 7,0 млрд долл. В целом за 2020 г. Банк предоставил финансовую помощь в размере 13,0 млрд долл. США для борьбы с распространением COVID-19.

Очевидно, что инициатива, предложенная китайским руководством, «Один пояс – один путь» будет способствовать интернационализации юаня. По прогнозам, торговля Китая со странами-участницами в течение ближайших десяти лет будет ежегодно составлять 2,3 трлн долл. При этом монетарные власти КНР будут стремиться к тому, чтобы все сделки осуществлялись в юанях.

Факторы, способствующие международному продвижению юаня. Предварительным требованием интернационализации юаня является укрепление к нему доверия со стороны внутреннего и международного рынка, которое может быть повышенено после стабилизации финансовой системы и оживления экономического роста. Речь идет о восстановлении средне- и долгосрочного макроэкономического баланса, нарушенного после пандемии. Прежде всего, Народному банку Китая и Министерству финансов необходимо добиться стабилизации валютных курсов между долларом, евро и юанем.

Интернационализация юаня невозможна без вытеснения доллара из Юго-Восточной Азии. В области внешней торговли Китаю предстоит скорректировать валютное регулирование таким образом, чтобы экспортёры отказались от практики непокрытого валютного риска и больше ориентировались не на валовые доходы, а на уровень прибыли. Одним из решений, настойчиво продвигаемых китайскими властями, является создание валютной корзины из ключевых мировых валют, которая служила бы ориентиром денежно-кредитной политики стран Азии. Причем предполагается, что веса в корзине должны определяться реальными экономическими факторами, такими, как региональная торговля, что подразумевает снижение доли доллара и увеличение доли юаня. Если проект азиатской валютной единицы будет реализован, корреляция между обменными курсами юаня и валют стран Юго-Восточной Азии резко возрастет, а волатильность юаня уменьшится.

Другим аспектом интернационализации юаня является улучшение китайских финансовых рынков. Министерство финансов уже предприняло такие шаги, как эмиссия новых видов государственных обязательств, пересмотр системы налогообложения и облегчение условий доступа нерезидентов на внутренний рынок. Далее предполагается ввести сделки РЕПО по аналогии с США и Европой. Для формирования эффективной кривой доходности по гособлигациям необходимо отказаться от десятилетних бумаг как ориентира рынка (benchmark issue) и перейти на пятилетние облигации. В скором времени власти намереваются ввести STRIPS-программу (Separate Trading of Registered Interest and Principal of Securities), торговлю купонами отдельно от облигаций.

Помимо проблем внутреннего рынка, на повестке дня стоит вопрос развития офшорного рынка юаневых инструментов. Его стимулирование позволит не только интернационализировать юань, но также содействовать более эффективному рециклированию за рубежом избыточных китайских сбережений. Офшорный рынок может служить плацдармом экспансии китайских финансовых

институтов на внешнем рынке. Необходимо озабочиться инфраструктурой рынка. С января 2002 г. Банк Китая уже запустил национальную платежную систему расчетов China UnionPay. Предполагается улучшить систему расчетов по коммерческим бумагам и депозитным сертификатам. В долгосрочной перспективе Китаю рано или поздно придется перейти на единую централизованную расчетную систему по всем видам ценных бумаг.

1 октября 2016 г. юань был официально включен в корзину СДР [3]. В новой корзине юань «потеснил» японскую иену и британский фунт, но наиболее заметно сократился удельный вес евро (на 6,5 п.п.). При этом доля доллара США практически не претерпела изменений.

Сам по себе факт вхождения юаня в состав корзины МВФ автоматически не делает указанную денежную единицу мировой резервной валютой. Это событие отражает прогресс, которого добился Китай в реформировании своей финансовой и валютной системы [3].

Долгосрочная стратегическая цель Народного банка Китая заключается в том, чтобы юань заменил доллар США в качестве расчетной единицы в странах Азии [4]. Многие специалисты считают, что это произойдет неизбежно в результате развития китайской экономики [5].

Первый шаг в направлении интернационализации юаня был сделан в 2013 г., когда Китай позволил английским инвесторам разместить 80 млрд юаней (около 13,1 млрд долл.) на рынке капитала Великобритании, что сделало Лондон крупнейшей торговой площадкой для юаня за пределами Азии. Китай начал также торговлю на рынке Forex в Шанхае. Таким образом, китайская валюта заняла место в первой десятке валют, используемых для международных торговых и финансовых транзакций [6].

Однако, как отмечают специалисты Резервного банка Австралии К. Винздзор и Д. Гальперин [7], китайские власти пока не рассматривают национальную валюту как инструмент внешнеэкономической экспансии, считая приоритетным сохранение жесткого контроля за внутренним финансовым рынком. Вместе с тем, все более широкие торгово-экономические связи Китая с остальным миром и положительное сальдо по текущим операциям платежного баланса будут способствовать естественному расширению его использования в мировой торговле и финансах.

Шанхайская международная энергетическая биржа. Для продвижения китайского юаня в качестве мировой валюты в марте 2018 г. на Шанхайской международной энергетической бирже (INE) стартовали торги нефтяными фьючерсами, номинированными в юанях. На подготовку проекта Китай потратил почти четверть века. Наиболее активно работа по его реализации велась последние шесть лет. Результат не заставил себя ждать: через несколько месяцев после запуска торгов западные аналитики назвали «шанхайский феномен» самым значительным событием за всю историю существования

финансовых рынков. Созданный в рамках программы новый эталонный сорт нефти Shanghai Oil в первый же год своего существования стал теснить позиции признанных нефтяных брендов – американский WTI и британский Brent.

Во многом успех Shanghai oil предопределила организация биржевого дела на Шанхайской международной энергетической бирже, которая считается филиалом Шанхайской биржи фьючерсов (SHFE). INE была зарегистрирована 6 ноября 2013 года в Китайской экспериментальной зоне свободной торговли Китая (Шанхай), представляющей собой своеобразный «полигон» для экономических и социальных реформ.

Сейчас в торгах на INE участвуют более 400 китайских и иностранных брокеров. Последние пока присматриваются, проводят тестовые сделки, готовясь в ближайшее время обозначить широкое участие. Среди 40 международных посредников, получивших аккредитацию, большинство представляют Гонконг и Сингапур. О своем представительстве заявили известные финансовые корпорации J. P. Morgan Securities, GF Financial Markets Limited и Goldman Sachs International. На Шанхайской энергетической бирже также ведут торги брокеры крупнейших мировых нефтяных трейдеров Glencore Plc и Trafigura. Стоит заметить, что российские участники на INE пока не регистрировались.

Примечательно, что с Нью-Йоркской товарной биржи (New York Mercantile Exchange, NYMEX) и Международной нефтяной биржи в Лондоне (в 2001 г. сменила название на ICE Futures Europe) перебрались в Шанхай все китайские трейдеры, а также представители добывающих нефтяных компаний КНР (Unipres, China National Petroleum Corp., Zhenhua Oil). Немаловажным событием для успешного ведения торгов стало освобождение трейдеров на INE от налогов в течение 3 лет.

Многое было сделано для обеспечения физических поставок. В рамках развития биржи создана транспортная инфраструктура, позволяющая осуществлять доставку нефти по условиям фьючерсных контрактов, оборудованы восемь пунктов для хранения нефти.

Эти меры привели к тому, что Шанхайская международная энергетическая биржа по объёмам торговли нефти опередила биржи в Дубае, Токио и Сингапуре и вышла на третье место в мире после Нью-Йорка и Лондона.

Китай целенаправленно сделал ставку на развитие нефтяного бенчмарка, номинированного в юанях, стремясь повысить роль юаня в мировой торговле и международных платежах. Однако выбор юаня в качестве валюты котирования контракта снижает привлекательность китайского нефтяного фьючерса для иностранных участников.

Основным препятствием для развития регионального бенчмарка выступает отсутствие в КНР развитого спотового рынка нефти, который мог бы стать надежной физической базой для фьючерсного контракта. Китай рассчитывает создать физическую базу путем развития механизма физической поставки,

но пока этот процесс далек от завершения. Китай имеет шансы продвинуться на этом направлении, что в значительной степени будет зависеть от скорости проведения КНР политики по либерализации внутреннего рынка нефти. С июля 2015 г. Китай разрешает мини-НПЗ самостоятельно импортировать нефть в рамках индивидуально устанавливаемых квот и постепенно расширяет эту программу. Именно они могут и должны составить базу игроков рынка физической нефти, которые заинтересованы в хеджировании ценового риска с использованием фьючерсного контракта.

В 2018 г. КНР вышла на первое место в мире по импорту нефти, который составил 9,27 млн барр./сутки (США – 8,4 млн барр./сутки). Китай обеспечил себя стратегическими запасами, объем которых превышает 1000 млн барр., что соответствует 100-дневной потребности. В 2020 г. поставки нефти в КНР превысили 10,82 млн барр./сутки, а в январе 2021 г. – 10,99 млн барр./сутки (Рис. 10). Аналитики IHS предполагают уже в краткосрочной перспективе увеличение импорта нефти еще на 8,8% (Рис. 11), тогда как производство вырастет всего на 0,3% до 3,9 млн барр./сутки. Таким образом, существенный рост добычи маловероятен, особенно в условиях низких цен на энергоносители и закрытия ряда месторождений с высокой себестоимостью разработки, а также истощением собственных запасов.

Недостаток объемов собственной добычи китайские компании компенсируют, реализуя зарубежные проекты. В частности, инвесторы стремятся войти в те добывающие активы, которые гарантируют поставки энергоносителей на собственный рынок. По данным компании IHS Markit, в 2019 г. иностранные проекты приносили 3,35 млн барр./сутки (Рис.12). Если к указанному объему добавить внутреннюю добычу, то самообеспечение КНР нефтью составит 48,9% (без учета добычи в иностранных активах – 26,1%, данные за 2019 г.).

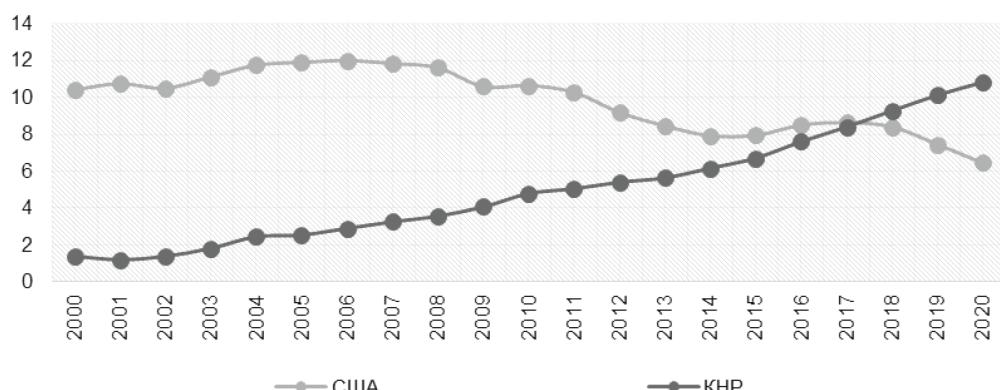

Рис. 10. Импорт нефти (включая газоконденсатные жидкости) КНР и США, млн барр./сутки
Источники: Международное энергетическое агентство, IHS Markit, Главное таможенное управление КНР, ЕIA

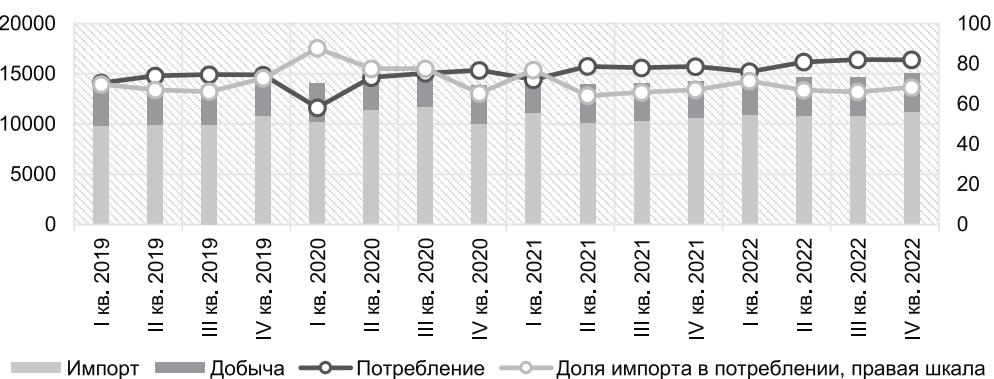

Рис. 11. Прогноз добычи и импорта сырой нефти (включая газоконденсатные жидкости) КНР, тыс. барр./сутки

Источник: IHS Markit, расчеты автора.

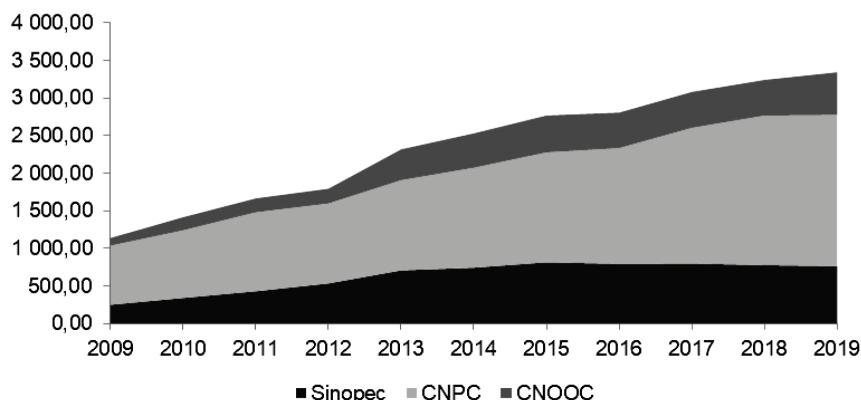

Рис. 12. Добыча нефти (включая газоконденсатные жидкости) китайскими компаниями на иностранных проектах, тыс. барр./сутки

Источник: IHS Markit.

Тем не менее руководители китайских компаний утверждают, что обеспечить потребности Китая за счет иностранных активов будет невозможно, так как слишком большой спрос на углеводороды. На данный момент часть нефти, добываемая за рубежом, продается на мировом рынке, а не транспортируется в страну. Данная тенденция приносит прибыль, но не гарантирует энергонезависимость.

Направления деятельности Sinopec, CNPC, CNOOC отличаются, но вместе они ведут работу по всем видам добычи нефти и газа – сухопутной, морской и сланцевой. Кроме того, азиатские инвесторы участвуют и в проектах по хранению, переработке и транспортировке углеводородов от США и Бразилии до Анголы и Австралии. Иными словами, берется под контроль цепочка поставок – от скважины до потребителя. Кроме того, благодаря экспансии китайские компании приобретают опыт и технологии купленных игроков.

Китай, заняв лидирующую позицию среди нефтяных импортеров, является главным экспортером нефтепродуктов в страны Азии. Образовавшийся огромный рынок требует регулирования с учетом геополитических интересов КНР. Обеспечение нефтью внутренних потребностей страны – это только один из факторов, другой – создание с помощью китайского фьючерса серьезных предпосылок для интернационализации юаня и дедолларизации мировой торговли нефтью.

Торговля энергоносителями в китайской валюте позволит снизить зависимость экономики КНР от доллара США. Как отмечают специалисты, «при этом INE действует достаточно гибко: на бирже можно без проблем обменять юани, вырученные от продажи нефти, на американскую валюту, которая считается резервной. Юани также можно конвертировать в физическое золото, чего, кстати, не делают на западных биржах» [8].

Важным инструментом, определившим успех китайской энергетической биржи, стал собственный эталонный сорт нефти Shanghai Oil. Новый бенчмарк представляет собой среднекислую сырую нефть плотностью 32° API и с содержанием серы 1,5%. Торги фьючерсом Shanghai Oil, начавшиеся 26 марта 2018 года, достаточно быстро по своим объемам опередили ближневосточный сорт Dubai Crude. Это привело к тому, что в 2019 г., впервые за последние шесть лет, количество сделок с контрактами на Brent и WTI заметно снизилось. Более того, Shanghai Oil показал лучшие результаты, чем Brent, который является ценовым ориентиром при заключении сделок на рынке нефти в Европе. И это неудивительно, поскольку уже сейчас многие поставщики энергоносителей в страны Азиатско-Тихоокеанского региона активно пользуются китайским бенчмарком, проводя сделки с нефтью с привязкой к котировкам Shanghai Oil.

Скепсиса по отношению к достижениям Шанхайской международной энергетической биржи поначалу было предостаточно. Западные аналитики в качестве негатива, присутствующего в работе INE, называли небольшое количество иностранных участников, доминирование китайских брокеров, игнорирование котировок Brent и WTI. По их мнению, энергетическая биржа в Шанхае не может быть глобальной торговой площадкой. Недовольство вызвал также тот факт, что уже к августу 2018 года бурный рост сменился значительным сокращением объемов торгов.

Это произошло вследствие того, что в сентябре 2018 г. были отмечены поставки физических объемов нефти по первым фьючерсным контрактам. Кстати, именно этот факт способствовал ограничению активности спекулянтов, не располагающих в наличии необходимыми объемами нефти.

Процесс физической поставки нефти по фьючерсному контракту осуществляется путем передачи прав собственности на нефть, предварительно помещенную в одно из специальных нефтехранилищ. Для этих целей биржа

определенна восемь целевых нефтехранилищ, расположенных в пяти регионах, совокупной разрешенной мощностью 37,4 млн барр.

Тем не менее, эти поставки пока носят преимущественно демонстрационный и тестовый характер. Во-первых, основными поставщиками нефти по фьючерсному контракту выступают крупнейшие китайские нефтяные компании CNPC и Sinopec. Во-вторых, поставляемая нефть зачастую остается в нефтехранилищах в течение длительного времени и даже используется для организации физической поставки по следующим фьючерсным контрактам.

За период с апреля 2018 г. по декабрь 2019 г. по всем восьми целевым нефтехранилищам в совокупности было зафиксировано всего 24 эпизода движения сырой нефти, при этом совокупный объем поступлений составил 7,8 млн барр., что почти в два раза меньше объема поставок по фьючерсному контракту. Совокупные изъятия нефти из хранилищ за этот период составили 6,2 млн барр. Из 600 тыс. барр. нефти, поставленной по контракту в начале сентября 2018 г., 300 тыс. баррелей покинули нефтехранилище только в конце января 2019 г., 200 тыс. – в марте 2019 г.

При этом покупатели фьючерсного контракта не могут свободно выбирать ни сорт нефти, ни место ее поставки. Неопределенность относительно поставляемого сорта биржа планирует решать за счет поправочных коэффициентов, которые будут корректироваться в ручном режиме в зависимости от цен на эти сорта нефти на мировом рынке. Но, в отношении пунктов поставки поправочные коэффициенты не предусмотрены, и расходы по транспортировке нефти при несовпадении желаемого и фактического пункта поставки полностью ложатся на покупателя. Расстояние между северным нефтехранилищем Dalian и южным Zhanjiang составляет около 2700 км.

Среди факторов, осложняющих механизм физической поставки, участники рынка называют также высокие цены на услуги хранения нефти в выбранных биржей точках поставки, необходимость наличия у покупателя квоты на импорт нефти, а также высокую стоимость внутренней транспортировки нефти по КНР.

Как бы то ни было, многие эксперты уверены в перспективах INE, которая и в дальнейшем будет демонстрировать устойчивый рост, хотя в ближайшее время вряд ли сможет основательно «пошатнуть позиции» бирж Лондона и Нью-Йорка. Положительной динамике торгов в Шанхае способствуют американо-китайская торговая война и санкции США, которые в той или иной форме введены против крупных нефтедобывающих стран – России, Ирана, Венесуэлы.

Наметившееся с 2016 года снижение экспортных поставок нефти в Китай из США уже к маю 2020 года был существенно увеличен. Причина – «потепление» отношений в торговой сфере между США и КНР. По данным Таможенной службы КНР, в январе – апреле 2020 года импорт нефти в КНР из США составлял 0,0 тыс. барр./сутки, в мае – 129,5 тыс. барр./сутки, в июне – 142,9 тыс. барр./сутки, а в ноябре – 878,8 тыс. барр./сутки (Рис. 13).

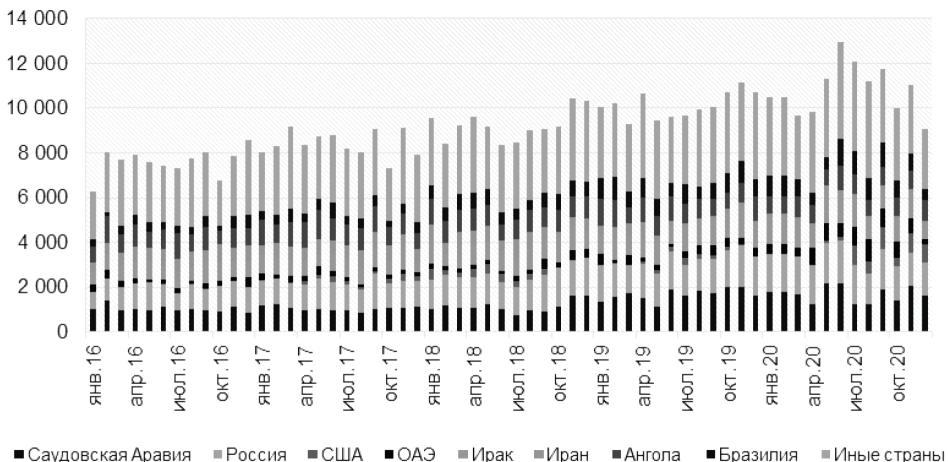

Рис. 13. Структура импорта сырой нефти КНР по странам (тыс. барр./сутки)

Источник: IHS Markit со ссылкой на Главное таможенное управление КНР.

Увеличению количества сделок с Shanghai Oil способствуют и санкции США против Ирана. Начиная с ноября 2018 года действует эмбарго на экспорт иранской нефти. Однако, восьми странам, в том числе Китаю, американские власти разрешили импортировать сырую нефть из Ирана.

Интернационализации юаня способствуют и другие факторы. Так, американские санкции подталкивают Китай к развитию платежной системы, альтернативной системе SWIFT, использующей для расчетов доллар. Китай разработал Трансграничную межбанковскую платежную систему (Cross-Border Interbank Payment System, CIPS), к которой присоединился Иран. Расширяется коопeração Китая с другими странами в сфере финансовых технологий с целью осуществления расчетов без использования американской валюты. Кроме того, увеличивается число международных институтов, использующих юань в качестве резервной валюты [9]. В их числе – Asian Infrastructure Investment Bank, BRICS Fund и Russia-China Investment Bank.

* * *

В настоящее время для мировой валютной сферы характерно обострение конкуренции между тремя центрами глобальной экономики. Один из них, Китай, развивается довольно быстрыми темпами (темперы прироста ВВП КНР в 2020 г. составили 2,3% в основном за счет увеличения расходов на конечное потребление органов государственного управления), роль других (США и зоны евро) относительно снижается. Изменения в соотношении сил создают предпосылки для трансформации международных финансовых отношений.

Указанные преобразования необходимы еще и потому, что доллар США не справляется с ролью главной денежной единицы. Его доминирование

усилило неравномерность социально-экономического развития стран и регионов мира, способствовало обострению валютно-финансовых проблем.

Успехи Китая обусловлены выбором адекватной условиям страны модели социально-экономического развития, проведением разумной политики, позволяющей максимально использовать внутренние и внешние факторы развития хозяйства. Экономический подъем Китая создает предпосылки для превращения юаня в одну из наиболее востребованных в международном обороте национальных валют.

Снижение роли доллара не соответствуют интересам США, поэтому они будут всячески тормозить осуществление изменений в мировой валютной системе. Один раз это им уже удалось. Имеется в виду сохранение доминирующей роли доллара США в 1970-е гг., после отмены его размениваемости на золото по фиксированному курсу.

Юань постепенно будет превращаться в одну из важнейших валют по расчетам за товары и услуги, особенно в Юго-Восточной Азии. Наблюдаемой ныне тенденции к установлению многополярного мира соответствует расширение использования в международных расчетах и других национальных валют, значение которых будет расти по мере повышения роли соответствующих стран в международной торговле и кредитных отношениях. Решение МВФ, принятное в 2016 г., о включении юаня, первой валюты страны с формирующимся рынком, наряду с долларом, японской иеной, евро и фунтом стерлингов, в корзину валют, составляющих специальные права заимствования (СДР), свидетельствует о признании Китая важным актором мировой экономики. Включение в корзину СДР повышает доверие к юаню и способствует расширению его использования в расчетах между странами-участницами инициативы «Один пояс – один путь».

Данная программа может также способствовать распространению юаня как средства накопления и сбережения. Уже сейчас растет спрос на юань со стороны стран-участниц, которые начинают использовать его как резервный актив: Южная Корея, Малайзия и Камбоджа уже сделали юань своей резервной валютой. Народный банк Китая прогнозирует, что в ближайшем будущем доля юаня в резервах центральных банков стран мира превысит 4%.

Теоретически уже в настоящее время китайский юань мог бы стать валютой котировок и расчетов на мировом рынке нефти при выполнении некоторых требований. Во-первых, полной либерализации финансового рынка и капитального счета платежного баланса, что дало бы иностранным компаниям и банкам возможности без ограничений проводить операции с юанем и свободно реатрировать полученную на китайском рынке прибыль. И, во-вторых, создание удобного для акторов мирового рынка нефти (и в целом – глобального финансового рынка) режима работы в юане.

Китайский фьючерсный контракт на сырую нефть находится в самом начале развития. Теоретически контракт имеет шансы превратиться в бенч-марк

для региона АТР при условии успеха в развитии спотового рынка физической нефти в Китае, а также либерализации капитального счета платежного баланса КНР.

Литература

1. *Eichengreen B., Mathieson D.* The Currency Composition of Foreign Exchange Reserves: Retrospect and Prospect // IMF Working Paper. WP/00/131. 2000.
2. *Пряжникова О.* Инициатива «Один пояс – один путь»: цели, интересы участников, особенности реализации // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: экономика. Реферативный журнал. 2018. № 3. С. 61–64.
3. *Грибова Н.* Китайский юань включен в корзину резервных валют МВФ. 2016 (ссылка доступа URL: <https://riss.ru/analitycs/35524/>).
4. People's Bank of China (PBC). RMB Internationalization Report. 2020. PBC. Beijing, 2020. Mode of access: <https://www.caixinglobal.com/upload/PBOC-2020-RMB-International-Report.pdf>.
5. *Zhang M., Zhang B.* The Boom and Bust of the RMB's Internationalization: A Perspective from Cross-Border Arbitrage // Asian Economic Policy Review. 2017. Vol. 12. Issue 2. P. 237–253.
6. *Amadeo K.* How the Yuan could become a global currency. China's plan to replace the U.S. dollar // The balance. 2019. 25.06. Mode of access: <https://www.thebalance.com/yuan-reserve-currency-to-global-currency-3970465>
7. *Windsor C., Halperin D.* RMB Internationalisation: Where to Next? // Reserve Bank of Australia. Bulletin. September 2018. Mode of access: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2018/sept/rmb-internationalisation-where-to-next.html>
8. *Пименов В.* Нефтеюаневый «бум» // ТЭК России. 2019. № 1. С. 32–34.
9. *Gasper D.* Pain of tariffs and sanctions behind China and Russia's push to dethrone the US dollar. 2019. 16.06. Mode of access: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3014258/pain-tariffs-and-sanctions-behind-china-and-russias-push-de-throne>

Dmitriy Kondratov (e-mail: dmikondratov@yandex.ru)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russia)

THE INTERNATIONAL USE OF THE CHINESE RENMINBI

The paper examines the prospects of the Chinese renminbi, its impact on the economy of the PRC and the role of the international currency market, these issues being the subject of both professional and the broader public interest. The author focuses on the process of the renminbi development into a global currency that could be, and in some ways already is, an alternative to other reserve assets.

Keywords: Chinese yuan, renminbi, reserve currency, exchange rate, capital market, de-dollarization of trade.

DOI: 10.31857/S020736760016807-6

© 2021

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России и Псковского государственного университета (г. Псков, Россия)
(e-mail: de-888@ya.ru)

О МЕТОДОЛОГИИ МЕЙНСТРИМА: ДЕГРАДАЦИЯ НАУЧНОГО МЕТОДА ИЛИ ЗАЩИТА STATUS QUO В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ?

Дана критическая интерпретация процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии основного направления экономической теории. Высказывается гипотеза, что наблюдаемая девальвация понятия «истина», толерантность к противоречиям частных теорий, etc. есть форма защиты «твердого ядра» экономической теории (и, через это — идеологической защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры). Сделан вывод, что выход из теоретического кризиса экономической теории находится не в размытии тысячелетних стандартов научности, а в возврате к онym.

Ключевые слова: мейнстрим, методология, наука, неоклассическая теория, парадигма, принцип, экономическая теория.

DOI: 10.31857/S020736760016808-7

С последней четверти XX века в мировой экономической науке практически полностью доминирует неоклассическая экономическая теория¹. Ввиду своего особого статуса в последние десятилетия зачастую ее обозначают термином «экономический мейнстрим». Мейнстрим является теоретической основой современного финансово-экономического порядка: идеологией МВФ, ВТО, — и вообще лежит в основе архитектуры мировой экономики. Иными словами, экономический мейнстрим является одним из существенных элементов идеологии глобализации (тех ее форм, которые доминируют в мире после раз渲ала СССР).

В то же время многие авторы, весьма авторитетные и титулованные [4–7], указывают, что современный финансово-экономический порядок организован в мире таким образом, что страны ядра мировой экономики (так называемый «золотой миллиард») имеют существенные экономические преференции. Масштаб и значимость проблемы дисбалансов мировой экономики [8] таковы, что неоднократно озвучивалась и на высшем политическом уровне. Так, в качестве одной из главных целей образования БРИКС декларировано «общее стремление партнеров по БРИКС реформировать устаревшую международную финансово-экономическую архитектуру...» [9].

Задача реорганизации мирового финансово-экономического устройства предполагает адекватный теоретический базис. Экономический мейнстрим

¹ В формах монетаризма [1], теории рациональных ожиданий [2], нового неоклассического синтеза [3], др.

достаточно давно подвергается жесткой критике. Вероятно, главный пункт этой критики – неадекватность аксиом и принципов, лежащих в основе мейнстрима². В настоящей статье предполагается критически рассмотреть другой аспект проблемы адекватности основного течения экономической теории: дать критическую интерпретацию процессов, происходящих в последние десятилетия в методологии мейнстрима. Имеются в виду тенденции к девальвации понятия «истина», толерантности к противоречиям частных теорий, постмодернистским «деконструкциям», etc. [см., например: 13–16].

В частности, текст статьи посвящен обоснованию тезиса: то, что внешне можно интерпретировать как деградацию научного метода, по сути, является защитой «твердого ядра»³ теории мейнстрима (и, через это – защитой всей мировой финансово-экономической архитектуры).

Для адекватного понимания вышеобозначенных процессов и явлений необходимо их рассмотрение в более широком контексте развития философии науки в целом: понимания, что есть наука в своей сущности.

О научном методе (в целом). Мышление – атрибут человека, отличающий его от животных.

Человека можно определить как существо, живущее в 2-х мирах – материальном (назовем его, следуя К. Попперу [17], 1-м миром) и идеальном (2-м мире – то есть, в мире мысли, или идеальных моделей)⁴, и способное свободно переходить из одного мира в другой. Эта свобода есть важнейшее отличие человека от животных – животные тоже могут обрабатывать информацию во 2-м мире (по заданным в виде рефлексов программам), но, в отличие от человека, не могут самостоятельно разрывать поток взаимодействий, чтобы, оперируя знаками в сознании, создать новую модель реальности [18. С. 4–6].

Создание модели реальности, адекватно отражающей оную (то есть создание модели истинной), или заимствование ее (из какого-то источника, признаваемого истинным), есть не просто возможность мышления. Это – условие выживания как отдельного человека, так и человечества в целом. Это то, что сделало человека «царем природы» (поставило на вершину экологической пирамиды питания).

В конечном счете, это экзистенциальная потребность человека.

Любой человек, в том числе человек, никогда не проходивший систематического обучения, имеет модель реальности (картину мира), лежащую в основе его поведения. В случае отсутствия систематического обучения картина

² Большое количество авторов уже не одно десятилетие (особенно активно – после кризиса 2008–2009 годов) указывают на искусственность принципа априорной равновесности рынков в частности и неадекватность неоклассической аксиоматики в целом [7, 10–12]; на то, что даже минимальное несовершенство или асимметрия распределения информации ведет к «провалам рынка» [6] и т.д.

³ В терминах методологии научных программ И. Лакатоса.

⁴ Здесь мы не рассматриваем вопрос о природе этого второго мира – для нас достаточно установления его наличия.

мира индивида состоит из набора образов, в значительной степени связанных с его личностным жизненным опытом. В то же время для повышения эффективности как воздействия на мир, так и взаимодействия, весьма желательно, чтобы модели реальности отдельных индивидуумов были интерсубъективны.

Социальный институт науки служит именно этим целям: верификации, развитию, детализации и передаче интерсубъективной модели реальности. Способ, которым это достигается: замещение в картине мира образов на *теории*. То есть: *формализация* модели мира.

В рамках европейской цивилизации систематически и в явном виде этот процесс был начат в Древней Греции в школах Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Способом получения достоверного и интерсубъективного знания стал теоретический метод (которым поначалу наука и ограничивалась). Идея теоретического метода в том, что для получения истинного знания необходимо: а) принятие за основание для выводов утверждений, несомненно истинных: аксиом и принципов; б) выведение следствий строго по правилам логики, что подразумевает, в том числе однозначное определение всех терминов и понятий⁵.

Важно отметить, что содержащийся в классической логике запрет на противоречие («не может быть одновременно истинными утверждение и его отрицание») имплицитно предполагает принцип единства мира (единства во времени и пространстве законов, лежащих в основе упорядоченности бытия).

От Платона до Декарта [21] идеалом науки было создание целостной аксиоматики, из которой вытекали бы абсолютно достоверные теоремы, описывающие все аспекты реальности. Однако этот заманчивый идеал оказался недостижим: в Новое время становится ясным, что всю совокупность знаний о природе и человеке нельзя вывести из очевидных истин⁶.

В результате, наука вынужденно дополняется эмпирическим методом: теория, построенная на не вполне очевидных основаниях (гипотетико-дедуктивная), принимается, если проходит проверку сопоставлением ее

⁵ Правила логики были эксплицированы и формализованы Аристотелем. Как было показано значительно позже, правила классической (аристотелевой) логики следуют из свойств операций над множествами (см., напр.: [19–20]).

Вопрос следующего уровня а почему мир устроен так, что в нем выполняются аксиомы теории множеств – в целом выходит за рамки нашего исследования; нам достаточно констатации факта соответствия классической логики и онтологии. Однако, важно отметить, что это соответствие логики и теории множеств, с одной стороны, – и мира как такового (как в целом, так и любой его части), с другой, – и есть то, что делает возможным науку как таковую.

⁶ Математика и логика к началу XX века были практически полностью аксиоматизированы. Но уже физика от этого идеала достаточно далека.

Последняя попытка этот идеал реализовать (постановка задачи полной аксиоматизации всех научных дисциплин) была предпринята Гильбертом в начале XX века [22]. Гильберт здесь, впрочем, преуспел не больше Декарта.

В экономической теории попытки полной аксиоматизации имели место во второй половине XX века (на основе теории общего экономического равновесия Эрроу–Дебре [23], а также в рамках праксеологического подхода неоавстрийской школы), – и также безуспешно.

выводов с фактами⁷: до момента, пока очередная опытная проверка ее не фальсифицирует [24].

Важно подчеркнуть: и в эмпирическом методе первичны теории. Эксперимент служит инструментом проверки теории, но в ее отсутствие он просто невозможен (немыслим). То есть, экспериментальный метод (ставший частью науки в Новое время) – это развитие и обогащение способов получения истинного знания, формализованных в античности, а вовсе не разрыв традиции (тем более – не создание ее заново).

Таким образом, научный метод предполагает три условия получения достоверного знания:

1) Принятие при построении теорий оснований, отражающих сущностные свойства предметной области теории⁸.

2) Построение выводных предложений по правилам логики. Это предполагает как строгое определение всех понятий, так и взаимную непротиворечивость теорий: теория должна быть согласована с теориями более высокого (низкого) уровня, что и делает непротиворечивой научную картину мира в целом.

3) Соответствие выводных предложений теории (теорем) и фактов, то есть эмпирическая (по возможности, количественная) проверка истинности.

Каких-то принципиально иных способов получения достоверного знания в рамках научного метода нет⁹.

⁷ Факты получаются либо просто наблюдением, либо наблюдением в специально созданных условиях: это, собственно, и есть эксперимент, или эмпирия, – что и дало название второму главному методу научного познания.

⁸ Аргументом в пользу истинности оснований теории может быть их очевидность (то есть их семантическая истинность). Но выбор очевидных оснований: i) не всегда возможен (так, принципы квантовой механики с точки зрения здравого смысла парадоксальны); ii) «очевидность» может оказаться ложной: так, для разрешения парадоксов в основаниях математики, выявленных к началу XX века, Цермело предложил аксиому выбора. Аксиома эта достаточно «очевидна»: она постулирует возможность выбора из любой совокупности непустых множеств по одному элементу, и образования из отобранных элементов нового множества. Однако из нее прямо следует возможность разбить сферу на 4 части, и из полученных частей собрать 2 новые сферы того же размера, что и исходная [25. С. 138]. Именно из-за этого «парадокса сферы» (очевидно противоречащего здравому смыслу) многие математики отказываются от использования аксиомы выбора.

⁹ Методы можно выделять десятками (названий существует множество); однако при анализе их существа любой частный метод либо сводится к 1–3, либо оказывается за пределами науки. Пример: метод герменевтический (попытка прочувствовать, что автор какого-либо текста «на самом деле» хотел сказать). Это не значит, что мы считаем герменевтический метод «неправильным», – это значит, что мы считаем его не научным, а философским, культурологическим, ибо наукой гуманитарное знание не исчерпывается.

Отметим также в плане дискуссии со сторонниками представлений о том, что формы теории, принятые в естествознании, не годятся для общественных наук, в том числе для экономики [26]: выделенные нами способы построения истинных моделей реальности (теорий) характеризуют науку вообще, а не только лишь естествознание. В естествознании идеал научности был реализован раньше, чем в науках общественных. Но изначально идеал построения теории был реализован не в естествознании, а в рамках математики (геометрия Евклида), и идеал этот был (и остается) прообразом и для естествоиспытателей (Галилей),

Почему научные теории строить сложно. Сформулированные в предыдущем разделе тезисы (1–3) достаточно просты, но из этого не следует, что их практическое применение тоже просто.

Сложности построения теорий можно, по нашему мнению, свести к двум принципиальным проблемам:

А) как найти основания теории (принципы, аксиомы, базовые модели);

Б) что именно следует менять в теоретической картине мира при появлении факта, с ней не согласующегося (проблема Дюгема).

(А) Изначально поиск первичных принципов Платон трактовал как воспоминание души о мире идей¹⁰. Философ (ученый) – это тот, кто обладает свойством непосредственного видения истины, которая затем доносится до других людей в форме доказательства теорем, и вообще теоретического знания. В средние века этот подход выродился в холастический выбор оснований для теорий: их стали формально искать в текстах Библии и работах Аристотеля.

Реакцией на холастику стал эмпиризм Фрэнсиса Бэкона и его последователей: то есть стремление находить принципы теорий индуктивно (обобщением фактов) [28]. В XIX веке Дж. Милль формализовал индуктивную методологию [29. С. 310–323].

Однако этот подход внутренне противоречив: как показал, например, К. Поппер (а ранее – Кант и Юм), только лишь из фактов не следует ничего, потому что «индуктивный вывод» уже предполагает некое общее положение как свое основание (подобно тому, как груда кирпичей в отсутствие проекта никогда «индивидуально» не образует дом). Сам Поппер вопрос о том, откуда берутся принципы теорий, выносил за рамки науки (подчеркивая, однако, что они определенно не являются «индукцией из фактов» [30. С. 299, 336]).

Можно констатировать: и в случае, если мы принимаем ту или иную форму платонизма¹¹, и в случае, если мы трактуем принципы и аксиомы науки как интуитивное конструирование, – нахождение принципов есть процесс неформализуемый. Это акт чистого творчества, а не результат какого-либо универсального интеллектуального алгоритма.

(Б) Проблема Дюгема (в англоязычной литературе именуемая тезисом Дюгема–Куайна) заключается в невозможности «решающего эксперимента», однозначно опровергающего или подтверждающего какую-то конкретную гипотезу: ученый «не может подвергнуть контролю опыта одну какую-нибудь

и для гуманитариев (вспомним Спинозу: его основной труд «Этика» по форме есть очевидное подражание Евклиду).

Конечно, науки общественные имеют свою специфику: зачастую количественная проверка гипотез оказывается весьма сложной (и приходится удовлетворяться проверкой качественной), но это не меняет существа научного метода и его цели (построения модели мира, как можно более адекватной прообразу).

¹⁰ Истинное знание есть «...припомнение того, что некогда видела наша душа, когда она сопутствовала Богу» [27. 249 с.].

¹¹ То есть признаем объективность мира общих идей [31–32].

гипотезу в отдельности, а всегда только целую группу гипотез. Когда же опыт его оказывается в противоречии с предсказаниями, то он может отсюда сделать лишь один вывод, а именно, что, по меньшей мере, одна из этих гипотез неприемлема и должна быть видоизменена, но он отсюда не может ещё заключить, какая именно гипотеза неверна» [33. С. 224].

В течение XX века предпринимались многочисленные попытки решить эту проблему: найти какие-то методологические правила, которые бы ясно указывали, как именно проверять и сравнивать гипотезы, как организовать «решающий эксперимент», etc. Наиболее известные и влиятельные попытки такого рода были предприняты К. Поппером и И. Лакатосом. Вся философия науки К. Поппера есть, в сущности, попытка решить проблему Дюгема путем нахождения неких методологических правил. В частности, Поппер предлагал заранее устанавливать критерии опровержения теории: «следует договориться относительно того, какие наблюдаемые ситуации, если они будут действительно наблюдаться, означают, что теория опровергнута» [24. С. 247]¹², и считал это одним из центральных элементов своей концепции¹³.

Следует признать, что попытки преодолеть проблему Дюгема нормативными предписаниями (создать *универсальный* критерий для выбора предпочтительной теории) оказались утопичными, и утопичны они, по нашему мнению, в принципе¹⁴. Как показал еще ученик Поппера (а впоследствии – его жесткий оппонент) П. Фейерабенд, рациональные стандарты попперовского критического рационализма нарушались в процессе развития науки множество раз, и, что особенно важно, эти стандарты *должны* были нарушаться: «Строгое соблюдение правил не улучшило бы дела, а задержало прогресс науки» [35. С. 473]¹⁵.

¹² Иными словами, К. Поппер предлагал запрет на гипотезы *ad hoc* (в других работах он использовал как синонимы «вспомогательным предпосылкам *ad hoc*» понятия «конвенционалистские стратегемы» и «киммунизирующие стратегемы»(см.: 34. С. 64).

¹³ «...методологические ограничения не являются избыточными приложениями к попперовской философии науки; наоборот, они относятся к ее базовым элементам» [34. С. 64].

¹⁴ Интересно отметить, что К. Поппер прекрасно понимал невозможность существования универсального критерия истины [30. С. 444–447], и справедливо указывал, что «отсутствие критерия истины не в большей степени лишает понятие истины смысла, чем отсутствие критерия здоровья делает бессмысленным понятие здоровья». [30. С. 446]. Однако в области методологии Поппер приложил огромные усилия, пытаясь решить столь же утопическую задачу создания универсального критерия для выбора теорий.

¹⁵ Отметим, что, обоснованно критикуя Поппера за стремление предложить универсальный критерий для выбора предпочтительной теории, сам Фейерабенд дошел до откровенного иррационализма (объявления понятия «истина» «зловредным монстром»). Но из того, что, вероятно, невозможно описать один абсолютный критерий выбора, не следует, что рациональных критериев выбора предпочтительной теории нет вообще.

В реальной практике такой выбор осуществляется на основе комплекса критериев, и это комплекс именно *рациональных критериев*. В своей работе «Наука в свободном обществе» их приводит сам П. Фейерабенд: линейность-нелинейность теории, степень логической последовательности, количество аппроксимаций, согласованность с некоей фундаментальной теорией или метафизическим принципом и т.д. [35. С. 503]. Ранее Е.А. Мамчур на основе исследования истории физики показала, что одним из основных методологических регулятивов в познании выступает принцип простоты, и в то же время отметила: «Не привели

О некоторых аспектах методологии современной экономической науки. Теперь рассмотрим, как проблемы (А–Б) решались последние 50 лет в рамках методологии экономического мейнстрима.

(А) Поиск принципов теорий.

Со второй половины XX века среди экономистов-неоклассиков становится популярной методология инструментализма: «принципы могут быть какими угодно, вплоть до очевидного противоречия онтологии реальности – лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты».

Основоположником современного экономического инструментализма считается М. Фридман, выступивший в 1953 году с программной статьей [38]. Отметим, что сам Фридман занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [38. С. 29]. Сомнительная часть доведения умеренного инструментализма Фридмана до предельного конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

Инструментализм последние десятилетия практически стал методологическим стандартом для неоклассической теории.

Мы считаем, что это такой же перегиб (в эмпиризм), как и абсолютизация рационализма в стиле Гегеля: «Если факты противоречат моей теории – тем хуже для фактов...». Из реальных сложностей философского анализа принципов экономических теорий совершенно не следует, что они могут быть «какими угодно». Что вообще значит – теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя инструментализму (конвенционализму), теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно? Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают¹⁶ какие-то сущностные свойства реальности.

Последние десятилетия наблюдается так называемый «эмпирический поворот» в экономических исследованиях [16], или «эконометриковерие» (доминантация результатов, полученных применением методов математической

к успеху и попытки разработать точные экспликации (исчисления) простоты, способные сыграть роль некоторого идеального канона...» [36. С. 166]. Нами этот вопрос ранее был рассмотрен в [37].

¹⁶ При этом «отражать сущностные свойства реальности» – не значит быть «фотографией» реальности. Геометрия очевидно отражает сущностные свойства пространства, в котором мы живем, но совсем не потому, что реальные линии в самом деле бесконечные и абсолютно ровные. Поэтому первичные принципы не могут быть «какими угодно», они должны быть изоморфны предметной области теории.

статистики, над теорией: теоретические принципы трактуются как условность, не имеющая отношения к реальности [39. С. 16]). По нашему мнению, эта тенденция напрямую связана с многолетним господством в экономическом мейнстриме инструментализма: если принципы теории могут быть «какими угодно», то в конечном счете и теория в целом может быть какой угодно. Но зачем тогда теория вообще нужна? Вполне закономерно, что теоретические принципы начинают восприниматься как условность, не имеющая отношения к реальности, и появляются работы, легитимизирующие такой *status quo* [40].

Мы считаем, что «эмпирический поворот», конечно, трансформация, но отнюдь не развитие, а достаточно очевидная методологическая деградация. Обоснуем этот тезис.

Призыв к фактическому отказу от теоретического метода (и замещения гипотетико-дедуктивных теорий эмпирическими обобщениями) отнюдь не нов: это лозунг позитивистов конца XIX – начала XX веков. Ограниченност и типиковость этого подхода были неоднократно продемонстрированы в XX веке, в частности, в вышеупомянутых работах К. Поппера. Но «эмпирический поворот» является регрессом более глубоким, ибо в его рамках не просто приижается значение общих теорий, но считается вполне допустимым противоречием частных теорий между собой, что приводит к идеям «множественности истин»: «...экономисты не испытывают дискомфорта, находясь в рамках балканализированной реальности и прямо противоречащих друг другу эконометрических оценок» [16. С. 18].

По этому поводу отметим следующее. Наука дает образ мира: в виде иерархии теорий, от фундаментальных до частных. При этом согласованность теорий между собой (через их сводимость к теории фундаментальной) делает образ целостным и непротиворечивым. Ситуация, когда отдельные теории не согласуются между собой, в процессе развития науки, конечно, неоднократно возникала, но всегда трактовалась как кризис и предполагала усилия по созданию более общей теории, снимающей такого рода противоречия. Если же научная картина мира исследователя толерантна к противоречиям (отрицает принцип единства мира), – это есть переход ее носителя от мышления понятийного кproto-логическому мышлению¹⁷: ведь это есть, в сущности, отказ от двух основных законов логики (запрета на противоречие и исключенного третьего). Поэтому, как только начинаются рассуждения о «множественности истин», «субъективности истины», etc, территорию науки (в традиционном смысле этого слова) мы покидаем.

(Б) Во второй половине XX века нормативный подход Поппера к решению проблемы Дюгема (выбора теорий, наилучшим образом соответствующих фактам) активно пропагандировался в экономической теории [34]. В конечном счете

¹⁷ Как у членов архаических племен, в мышлении которых нормы классической логики действительно постоянно нарушаются [41].

попперианский нормативизм научным экономическим сообществом был отвергнут¹⁸ [43. С. 231–235], по нашему мнению, это вполне адекватно и обоснованно. С конца XX века практическим методологическим стандартом в экономике стал методологический плюрализм: исследователь может следовать такой методологии, какую считает наиболее адекватной, при условии, что эту свою методологию он ясно эксплицирует. Однако методологический плюрализм должен оставаться методологическим: мы имеем в виду, что *методологический плюрализм не должен выходить за рамки науки*. А смысл науки – в поиске истины, иными словами, построении истинных моделей реальности.

Отказ от методологического нормативизма в экономической науке привел к тому, что маятник качнулся в противоположную сторону: пришла мода на всякого рода постмодернистские «деконструкции», риторические исследования, etc. [13. С. 51], а это есть тенденция к инфляции понятия «истина»¹⁹.

А теперь вернемся к сформулированным в первой части нашей работы трем условиям получения достоверного знания, к которым сводится научный метод. И обратим внимание на следующий тренд:

- а) инструментализм в своей развернутой форме («принципы теории могут быть какими угодно, и вообще не подлежат обсуждению и проверке») – есть отказ от проверки теорий по условию (1);
- б) «эмпирический поворот» есть отказ от условия согласованности частных теорий между собой, и их сводимости к теории общей, – то есть отказ от условия (2);
- с) «риторический поворот» (в своей крайней форме объявляющий любую теорию просто набором «басен», «вдохновляющих историй» [15; 40. Р. 17]) есть отказ от условия (3).

Это тренд «методологического прогресса»?

Или последовательного разрушения понятийного мышления?

Что означают изменения в методологии экономической теории: наша философская гипотеза. Казалось бы, вышеобозначенные тенденции в методологии современной экономической науки можно охарактеризовать просто как деградацию научного метода. По нашему мнению, однако, это было бы слишком примитивным и не вполне верным объяснением.

Наша гипотеза следующая: обсуждаемые тенденции есть способ защиты «твердого ядра» современного экономического мейнстрима.

Что есть твердое ядро современного мейнстрима? Очевидно, это утверждение об «эффективности рынков», формализованное как теория общего экономического равновесия [23]: «рынок сам по себе обладает свойством приходить

¹⁸ Так же, как и в «большой» философии науки [42].

¹⁹ В исследованиях такого рода отказ от понятия объективности истины может быть как имплицитным, так и демонстративно эксплицитным [15].

в состояние оптимального равновесия». Гипотеза «эффективных рынков» лежит в основе макроэкономического регулирования во многих странах мира²⁰.

Задача «твердого ядра» (парадигмы) может проводиться путем отбрасывания и трансформации частных теорий, выдвижения объяснений *ad hoc* для отдельных «неудобных фактов», etc. Но возможна и другая стратегия: выдвижение таких методологических правил, которые сами по себе будут выводить «твердое ядро» соответствующей парадигмы (в нашем случае – неоклассической) из-под огня научной критики.

Первое, что следует отметить в рамках обоснования нашей философской гипотезы: знаменитое эссе 1953 года М. Фридмана было написано с целью защитить неоклассическую теорию от критики предпосылки (важной для теории совершенной конкуренции) о максимизации прибыли предпринимателями (она не подтверждалась опросами самих предпринимателей). Заметим, что в своей первоначальной форме («принципы не должны и не могут быть “фотографией реальности”») защита неоклассики Фридманом была вполне адекватна. Но между утверждениями «не быть точной фотографией реальности» и «прямо противоречить реальности» – принципиальная разница. Последователи Фридмана трансформировали методологию инструментализма в утверждение, что принципы экономической теории могут быть какими угодно (если есть факты, подтверждающие теорию)²¹. На этом основании критика монетаризма и теории рациональных ожиданий («новой классики») за абсолютную неправдоподобность их предпосылок стала отвергаться «с порога» как «методологически ошибочная»²². Инструментализм стал эффективным средством защиты твердого ядра мейнстрима.

Когда в результате кризиса 2008 года на неоклассическую теорию обрушился вал критики за неспособность предсказать события такого масштаба [47], инструменталистский способ защиты стал неадекватен: речь шла уже не столько о неправдоподобности предпосылок, сколько о вопиющем разладе теории мейнстрим с фактами. И появляется мода на отказ от увязки данных эконометрических исследований с общей теорией («эмпирический поворот»;

²⁰ Это делается в форме предположения о том, что экономика стремится к точке равновесия в будущем, что лежит в основе экономико-математических DSGE-моделей, а они последние 20 лет стали фактически стандартным инструментом большинства ЦБ [см.: 44–45].

²¹ Интересно отметить, что сам Фридман от дальнейших методологических дискуссий, как правило, уклонялся [46. С. 189].

²² Например, авторитетный экономист и методолог М. Блауг в своей известной работе [34] критикует новой классической макроэкономики за неправдоподобие ее принципов обявил «серьезной методологической ошибкой». Далее там же Блауг сделал еще более фантастическое заявление: «История науки (и экономической теории) полна мощных, влиятельных и долгоживущих теорий, основанных на предпосылках, которые стали считать правдоподобными лишь в результате долгого повторения» [34. С. 311]. Здесь следует заметить, что продвижение научной концепции непрерывным повтором тезиса (пока он не проникнет в массовое сознание как «истина»), характерна именно для возврата неоклассической теории в 70–80-е годы XX века: продвижение в СМИ либерально-монетарных идей «обосновывалось» в существенной степени референом «альтернативы нет» (английская аббревиатура TINA).

декларации о «горизонтальном прогрессе» экономического знания [40], etc). Казалось бы, «эмпирический поворот» снижает значимость общей теории (твердого ядра неоклассики). Но в действительности эта методологическая стратегия твердое ядро неоклассики спасает: ведь если признавать необходимость соответствия эконометрических данных и теоретических концепций, то неоклассическая теория после своего провала 2008 года должна подлежать замене (как минимум кардинальной трансформации). Тезисы, что «общая теория вообще не нужна», или что «общая теория, может, и нужна, но ее разработка утопична» (в силу якобы крайней сложности и изменчивости современной экономики) снимают необходимость замены неоклассической теории какой-то иной, и тем самым роль твердого ядра в основном направлении современной экономики за неоклассикой сохраняют²³.

Хотя при проведении конкретных исследований теоретическое ядро мейнстрима последователями «эмпирического поворота» практически игнорируется, именно оно продолжает определять основные черты макроэкономической политики ВБРР, МВФ, и ЦБ большинства государств мира. И именно по неоклассическим учебникам продолжается обучение будущих менеджеров, экономистов, политиков, формируя у них общую картину мира в соответствии с доктриной неоклассики.

Какие выводы мы делаем из вышеизложенного?

Прежде всего, следует отметить, что мы в принципе не согласны с тезисом, что наука — это проект, который был создан некоторыми решениями элит несколько сотен лет назад, а теперь подошел к своему концу [16. С. 33]. Наука — это фундамент нашей цивилизации, заложенный тысячи лет назад. Конец науки — это конец нашей цивилизации.

Основа науки — принцип единства мира. Принятие идеи о «множественности истин» приводит к выходу за рамки науки. Выход из теоретического кризиса экономической теории (а таковой, мы считаем, явно имеет место) находится не в размытии тысячелетних стандартов научности (в форме «эмпирического поворота», «риторического поворота», постмодернизма, etc), а в возврате к онym.

Как именно? Разработкой новой фундаментальной экономической теории микро- и макроуровня²⁴.

²³ Так, апологет «эмпирического поворота» и «горизонтального прогресса» в экономике Д. Родрик, объявляя теоретические модели «баснями», настаивает на наличии у этих басен морали, — и мораль эта оказывается апологетической для мейнстрима: «свободные рынки эффективны...» [40. Р. 17]. Это очевидно коррелирует с известным утверждением лауреата Нобелевской премии по экономике Дж. Стиглица, что западные экономисты уже давно не столько ученые, сколько «группа поддержки капитализма» [6. С. 288].

²⁴ Как могла бы выглядеть такая теория, изложено автором данной статьи в [48–49].

Литература

1. *Фридман М.* Количественная теория денег // М.: Дело, 1996. 132 с.
2. *Lucas R.* Expectations and the Neutrality of Money // Journal of Economic Theory. 1972. No. 4. P. 103–124.
3. *Woodford M.* Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics, 2009. No. 1. P. 267–279.
4. *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности // М.: ИНФРА–М. 1999. 262 с.
5. *Хомский Н.* Прибыль важнее людей: Неолиберализм и мировой порядок // М.: Праксис. 2002. 248 с.
6. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобально-го кризиса // М.: ЭКСМО. 2011. 510 с.
7. *Глазьев С.Ю.* Рынок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах // М.: Книжный мир. 2018. 765 с.
8. *Звонова Е., Кузнецов А.* Фундаментальные дисбалансы в мировой финансовой архитектуре // Российский экономический журнал. 2016. № 4. С. 19–31.
9. Концепция участия России в объединении БРИКС. Утверждена Президентом РФ В. Путиным 21 марта 2013 // URL: www.kremlin.ru/events/president/news/17715 (обращение: 01.06.2021).
10. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег / Кейнс Дж. М. Избранные произведения // М.: Экономика. 1993. С. 224–518.
11. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. 1998. № 1. С. 46–66.
12. *Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics // Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2005. 190 р.
13. *Болдырев И.А.* Экономическая методология сегодня: краткий обзор основных направлений // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 47–70.
14. *Ло Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука // М.: Изд-во Института Гайдара. 2015. 352 с.
15. *Макклоски Д.* Риторика экономической науки // М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Международные отношения. 2015. 328 с.
16. *Кошовец О.Б.* «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструирующей реальностью и технонаукой: Научный доклад // М.: Институт экономики РАН. 2019. 47 с.
17. *Popper K.* Objective knowledge: An evolutionary approach // London, Oxford University Press. 1972. 390 р.
18. *Егоров И.А.* Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. № 3. 2000. С. 2–10.
19. *Григорьев В.Б.* Классическая логика // М.: ВЛАДОС. 1996. 192 с.
20. *Турчин В.Ф.* Феномен науки // М.: ЭТС. 2000. 368 с.
21. *Декарт Р.* Рассуждение о методе с приложениями // М.: АН СССР. 1953. 273 с.
22. *Гильберт Д.* Математическое мышление / Методологический анализ оснований математики // М.: Наука. 1988. С. 97–104.
23. *Arrow K.J., Debreu G.* Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // Econometrica. 1954. V. 22. P. 265–290.
24. *Поппер К.* Логика научного исследования / Поппер К. Логика и рост научного знания // М.: Прогресс. 1983. С. 33–235.
25. *Виленкин Н.Я.* В поисках бесконечности // М.: Наука. 1983. 160 с.

26. Ефимов В.М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики // М.: ИНФРА-М. 2016. 352 с.
27. Платон. Федр – URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/21fedr.htm> (дата обращения: 18.06.2021)
28. Bacon F. Novum organum Instauratio magna // London: John Bill, 1620. 364 р.
29. Миль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования // М.: ЛЕНАНД. 2011. 832 с.
30. Поппер К. Открытое общество и его враги / Т. 2 // М.: Феникс. 1992. 528 с.
31. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании // М.: Институт компьютерных исследований. 2005. 688 с.
32. Целищев В.В. Математический платонизм // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. № 2. С. 492–504.
33. Дюгем П. Физическая теория: её цель и строение // М.: КомКнига. 2007. 328 с.
34. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // М.: НП «Журнал Вопросы экономики». 2004. 416 с.
35. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки // М.: Прогресс. 1986. 542 с.
36. Мамчур Е.А. Проблема выбора теории. К анализу переходных ситуаций в развитии физического знания // М.: Наука. 1975. 231 с.
37. Егоров Д.Г. Если парадигмы несоизмеримы, то почему они все-таки меняются? // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 102–110.
38. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
39. Капелошников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения / Куда движется современная экономическая наука? // М.: Институт экономики РАН. 2018. С. 8–33.
40. Rodrik D. Economic Rules: The Rights and Wrongs of the Dismal Science // New York: W.W. Norton & Company. 2015. 272 р.
41. Леви-Строс К. Первобытное мышление // М.: Республика. 1994. 384 с.
42. Степин В.С. Теоретическое знание // М.: Прогресс-Традиция. 2000. 744 с.
43. Хэндс Д.У. Поппер и Лакатос в экономической методологии / Философия экономики. Антология // М.: изд. Института Гайдара. 2012. С. 227–246.
44. Андрианов Д.Л., Шульц Д.Н., Ощепков И.А. Динамические стохастические модели общего экономического равновесия // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 7(67). С. 31.
45. Автономов В.С. Экономическая теория до и после Великой рецессии / Экономическая теория: триумф или кризис? // СПб.: АНО «Леонтьевский центр». 2018. С. 7–15.
46. Бергин Э. Великая революция идей. Возрождение свободных рынков после Великой депрессии // М.: Мысль. 2017. 326 с.
47. Кэй Дж. Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. № 5. 2012. С. 4–13.
48. Егоров Д.Г. О теоретической альтернативе экономическому мейнстриму // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 7. С. 70–78.
49. Егоров Д.Г., Егорова А.В. О построении неравновесной микротеории // Общество и экономика. № 2, 2020. С. 18–33.

Dmitriy Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Grand Ph.D. in Philosophy Professor,

Academy of Federal Penal Service of Russia (Pskov Branch) & Pskov State University (Pskov, Russia)

ON MAINSTREAM METHODOLOGY: THE DECLINE OF THE SCIENTIFIC METHOD OR THE ADVOCACY OF THE STATUS QUO IN ECONOMICS?

In the article a critical interpretation of the processes taking place in recent decades in the methodology of the mainstream economics is given. It is hypothesized that the observed devaluation of the concept of «truth», tolerance to the contradictions of particular theories, etc. is a form of protection of mainstream economic theory hard core (and, through this – the ideological protection of the entire world financial and economic architecture). It is concluded that the way out of the theoretical crisis of economic theory is not in the erosion of the millennial scientific standards but in the return to them.

Keywords: economic theory, mainstream, methodology, neoclassical theory, paradigm, principle, science.

DOI: 10.31857/S020736760016808-7

© 2021

Игорь Балюк

доктор экономических наук,
доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)
(e-mail: balyuk@bk.ru)

Марина Балюк

кандидат экономических наук,
независимый эксперт (г. Москва, Россия)
(e-mail: baljuk@bk.ru)

ВНЕШНЯЯ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ СТРАН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье содержится анализ динамики и структуры внешнего долга различных стран и групп стран в условиях пандемии коронавируса. Авторы делают вывод о том, что в начале 2021 г. соотношение внешнего долга и ВВП практически достигло уровня, который был отмечен накануне глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Тригером нового глобального кризиса может стать обострение проблем в одном или нескольких сегментах экономики стран Евросоюза, Великобритании, США или ряда крупных развивающихся стран.

Ключевые слова: глобальный внешний долг, мировой ВВП, государственный долг, корпоративный внешний долг, международный долговой рынок.

DOI: 10.31857/S020736760016809-8

В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 произошло дальнейшее обострение проблемы глобальной внешней задолженности. По нашим расчетам, основанным на данных Всемирного банка [1], за девять месяцев 2020 г. величина совокупного мирового внешнего долга возросла на 5,7% и достигла 91,8 трлн долл. США. При этом основной прирост был отмечен в III квартале (особенно в рамках еврозоны).

По итогам 2020 г. соотношение совокупного мирового внешнего долга и величины мирового ВВП (см. Рис. 1) составило 108,3% (для сравнения: в 2019 г. – 98,9%). Такое усиление внешнедолгового бремени мировой экономики существенно повышает риск возникновения нового глобального финансово-экономического кризиса, особенно если принять во внимание тот факт, что внешний долг является лишь частью общей задолженности субъектов экономической деятельности страны.

Величина совокупного внешнего долга десяти стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, отражена на Рис. 2.

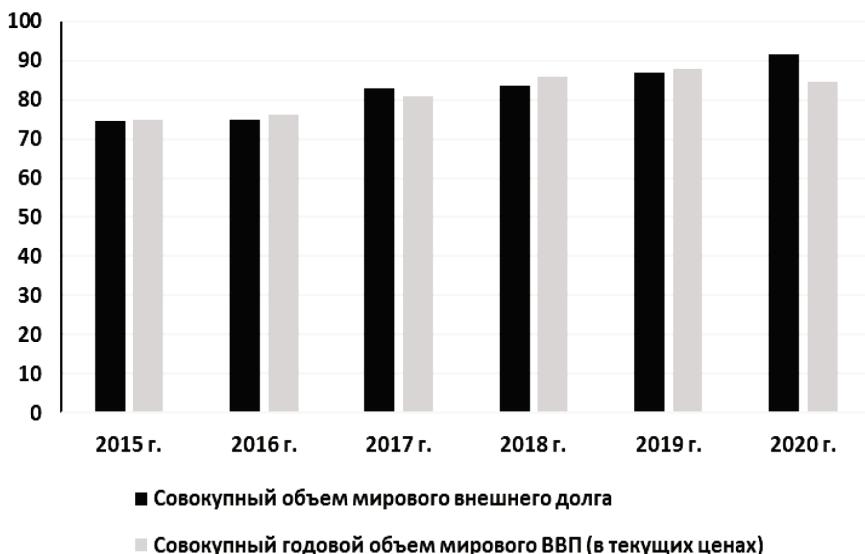

Рис. 1. Динамика совокупного объема мирового внешнего долга и мирового ВВП
(трлн долл. США)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка и Международного валютного фонда [1, 3].

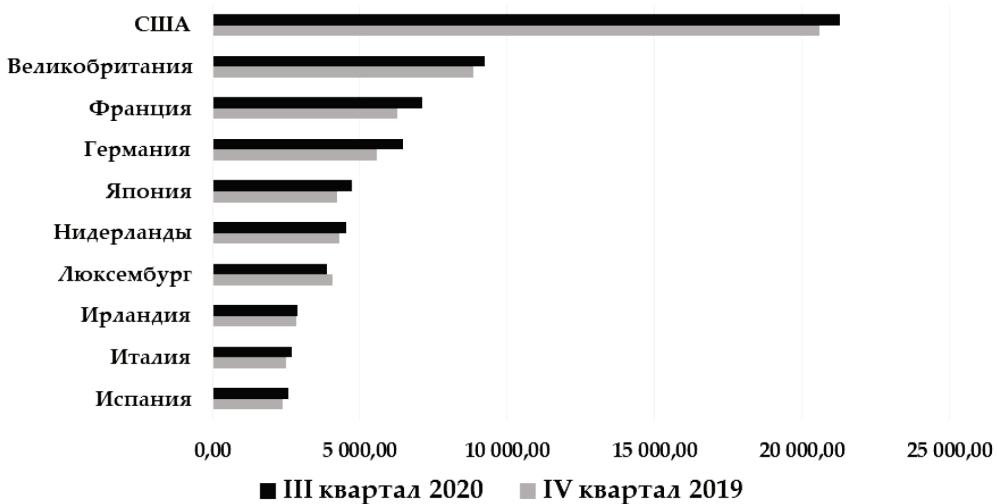

Рис. 2. Величина совокупного внешнего долга десяти стран, лидирующих по этому показателю
в мировом масштабе, в IV кв. 2019 г. и в III кв. 2020 г. (млрд долл. США)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

Как видно из представленных данных, практически во всех странах-лидерах, за исключением Люксембурга, в течение первых девяти месяцев 2020 г. объем совокупного внешнего долга возрос. Из 5 трлн долл. США

прироста глобального внешнего долга за девять месяцев 2020 г. почти 77% пришлось на десять стран, лидирующих по величине совокупного внешнего долга. Максимальный рост отмечен в Германии (почти 16%), во Франции (13,6%) и в Японии (11,8%). Вследствие этого повысилась степень концентрации глобальной внешней задолженности. Удельный вес десяти стран, лидирующих по величине совокупного внешнего долга, увеличился на 0,3% до 71,3%, а доля первых пяти стран – на 0,8% до 53,3%. При этом совокупная величина внешней задолженности десяти стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, возросла на 6,2%, а величина внешней задолженности пяти стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, возросла в среднем на 7,4%.

Распределение первых десяти стран, лидирующих по величине совокупного внешнего долга на душу населения, отражено на Рис. 3. Как видно из диаграммы, наибольшая величина показателя характерна для стран, относящихся к офшорным зонам:

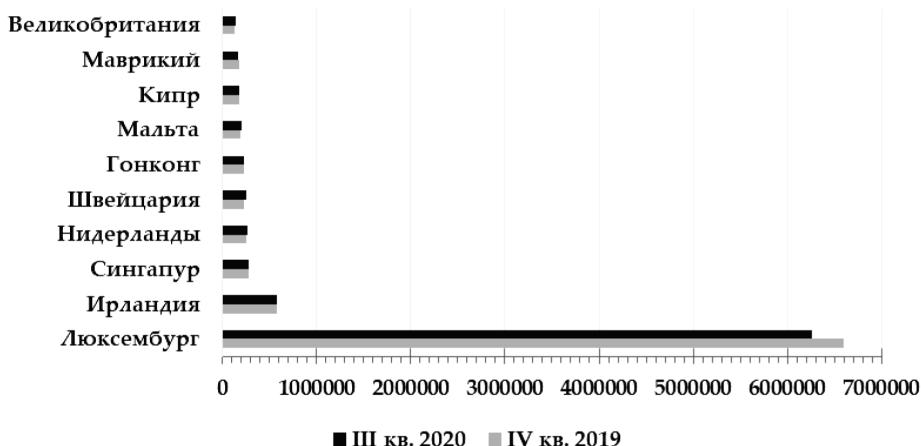

Рис. 3. Величина совокупного внешнего долга на душу населения десяти стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе (долл. США)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

В структуре совокупного внешнего долга в первом полугодии 2020 г. рост корпоративного долга (3,2%) опередил рост государственного внешнего долга (2,8%), а за 9 месяцев 2020 г. ситуация изменилась – корпоративный внешний долг вырос на 5,0%, а государственный – на 6,7%. В результате удельный вес государственного внешнего долга в общем объеме мирового внешнего долга увеличился с 21,9% до 22,1%, а доля корпоративного долга сократилась с 73,2% до 72,7%. Таким образом, в совокупном приросте мирового внешнего

долга за девять месяцев 2020 г. 64,3% было обеспечено за счет корпоративного долга и 25,4% за счет суверенного долга.

С точки зрения типов заемщиков, рост внешнего долга десяти стран, лидирующих по величине совокупного внешнего долга, в конце III квартала 2020 г. был следующим (см. Рис. 4).

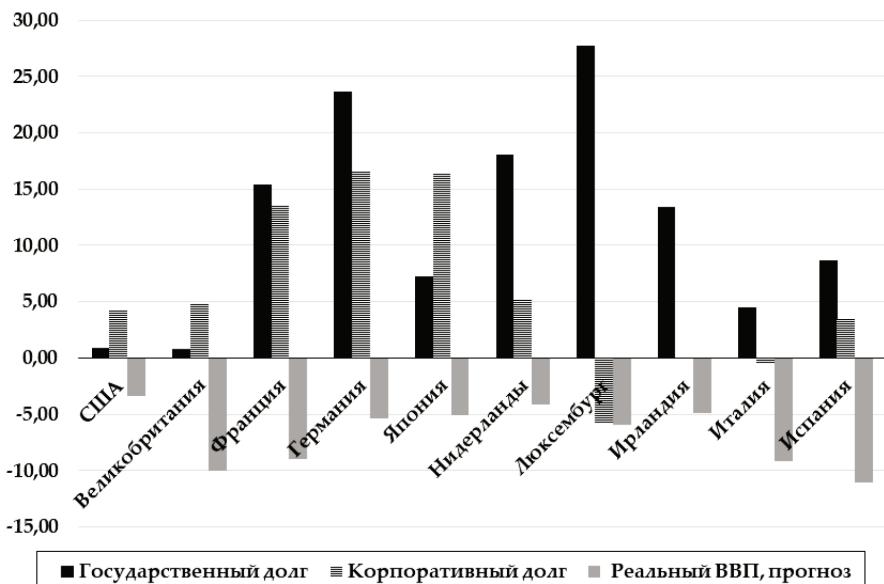

Рис. 4. Прогноз падения ВВП по итогам 2020 г. и динамика совокупного внешнего долга десяти стран, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе, по типам заемщиков по итогам 9 мес. 2020 г. (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка и Международного валютного фонда [1, 3].

Как видно из Рис. 4, рост государственного внешнего долга в странах, лидирующих по величине совокупного внешнего долга, варьировался довольно значительно: от 0,8% в Великобритании до 27,7% в Люксембурге. В США государственный внешний долг увеличился на 58,6 млрд долл. (на 0,9%) и достиг почти 6,9 трлн долл. Темпы роста совокупного суверенного внешнего долга превышали темпы роста совокупного корпоративного внешнего долга во всех странах ЕС, входящих в десятку лидеров по объему внешних заимствований. Темпы роста совокупного корпоративного внешнего долга превышали темпы роста государственного внешнего долга в Японии, Великобритании и США. Сокращение величины корпоративного внешнего долга было отмечено в Люксембурге (-5,9%) и в Италии (-0,4%). Во всех странах, лидирующих по величине внешней задолженности, по итогам 2020 г. ожидается падение ВВП, которое может составить от 3,4% в США до 11,1% в Испании.

По-видимому, существенный рост совокупного государственного внешнего долга связан с необходимостью реализации мер по поддержке экономики вследствие ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции.

Следует отметить, что ни одна из десяти стран, лидирующих по величине совокупного внешнего долга, не оказалась в числе десяти стран, лидирующих по величине роста государственного внешнего долга за 9 месяцев 2020 г. (см. Рис. 5).

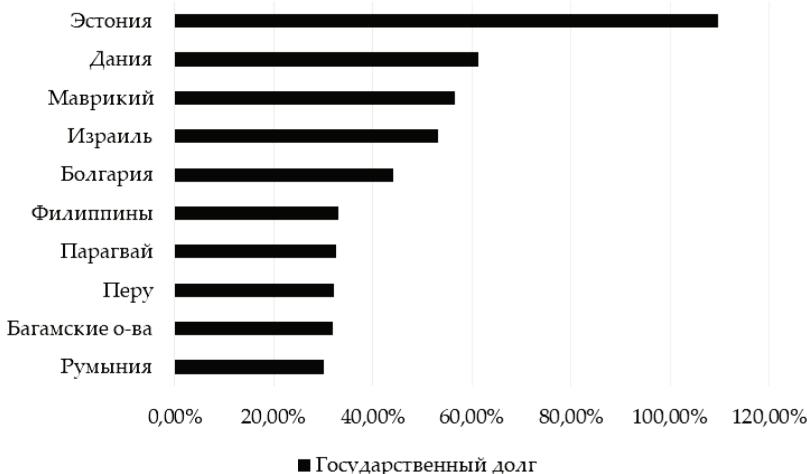

Рис. 5. Страны, лидирующие по величине роста государственного внешнего долга за 9 месяцев 2020 г. (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

В число двадцати стран, лидирующих по приросту суверенного внешнего долга, из десяти крупнейших мировых заемщиков вошли Люксембург (27,7%, 12 место) и Германия (23,6%, 17 место). По состоянию на III квартал 2020 г. в десятку стран, лидирующих по величине государственного внешнего долга, вошли США, Франция, Япония, Германия, Италия, Великобритания, Испания, Канада, Бельгия и Греция (см. Рис. 6).

Среди стран, лидирующих по величине суверенного внешнего долга, максимальный рост за 9 месяцев 2020 г. был отмечен в Германии, Канаде, Бельгии и Франции (23,6%, 20,0%, 17,7% и 15,4% соответственно), что отражено на Рис. 7.

Максимальное сокращение государственного внешнего долга за 9 месяцев 2020 г. было отмечено у следующих стран (см. Рис. 8).

Как видно из Рис. 8, в течение 2020 г. сокращение государственного внешнего долга происходило преимущественно в развивающихся странах. Вероятно, это объясняется их более низкой конкурентоспособностью на международном долговом рынке в условиях возросшего спроса со стороны развитых стран.

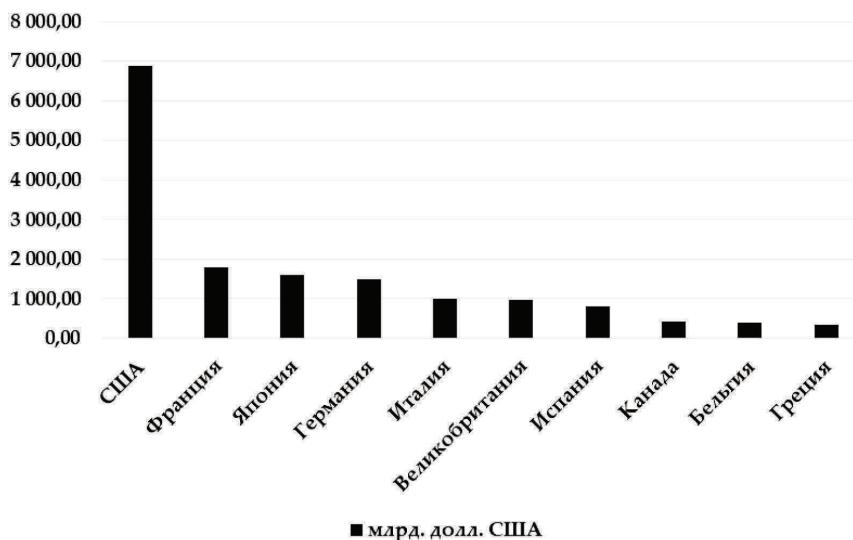

Рис. 6. Страны, лидирующие по величине государственного внешнего долга в III квартале 2020 г. (млрд долл. США)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

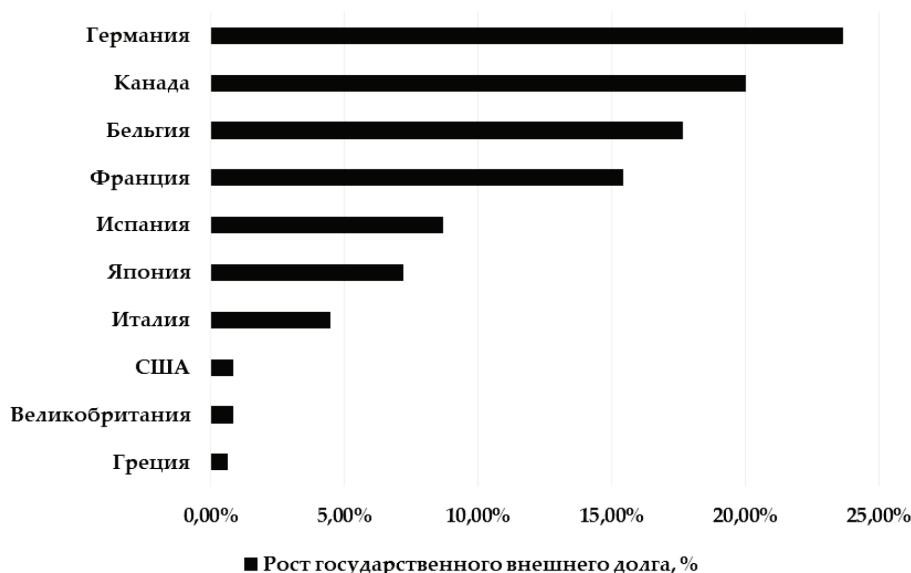

Рис. 7. Рост государственного внешнего долга за 9 месяцев 2020 г. в десяти странах, лидирующих по этому показателю в мировом масштабе (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

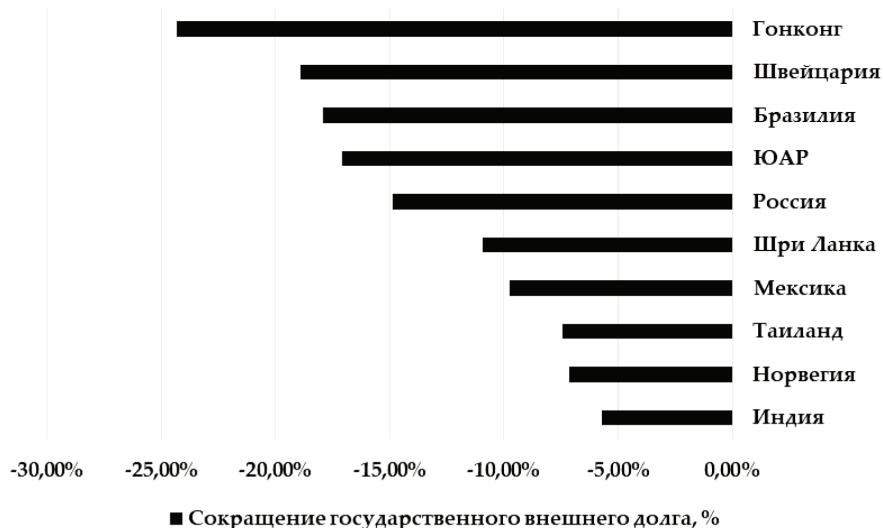

Рис. 8. Страны, лидирующие по темпам сокращения государственного внешнего долга за 9 месяцев 2020 г. (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

На Рис. 9 показано распределение первых двадцати стран, имеющих максимальную величину суверенного внешнего долга на душу населения, в сопоставлении с величиной ВВП на душу населения.

В пятерку лидеров по величине государственного внешнего долга на душу населения входят Ирландия (почти 38 тыс. долл. США), Бельгия (35,2 тыс. долл. США), Греция (31,5 тыс. долл. США), Австрия (31,0 тыс. долл. США) и Франция (26,6 тыс. долл. США). Наиболее сложная ситуация сложилась в Греции, где уже в конце 2019 г. величина внешнего суверенного долга на душу населения в 1,6 раза превышала величину ВВП на душу населения. Учитывая рост внешнего государственного долга с одновременным падением ВВП, можно ожидать, что по итогам 2020 г. ситуация существенно ухудшится.

В России в IV квартале 2019 г. величина суверенного внешнего долга на душу населения составила 484,4 долл. США (96 место в мире), величина ВВП на душу населения – 11 585 долл. США.

По состоянию на III квартал 2020 г. размер государственного внешнего долга на душу населения в России сократился до 412,4 долл. США.

Главным должником мира по-прежнему остаются США. Их доля за 9 месяцев 2020 г. уменьшилась на 0,5 п.п. (с 23,7% до 23,2% мирового внешнего долга), хотя объем совокупной внешней задолженности США увеличился за это время почти на 714 млрд долл. (на 3,5%). Почти 77% прироста совокупного внешнего долга страны пришлось на корпоративный сектор¹.

¹ Более подробно см: Балюк И.А. Проблема внешнего долга США: существует ли решение? // Общество и экономика. 2021. № 5. С. 101–116.

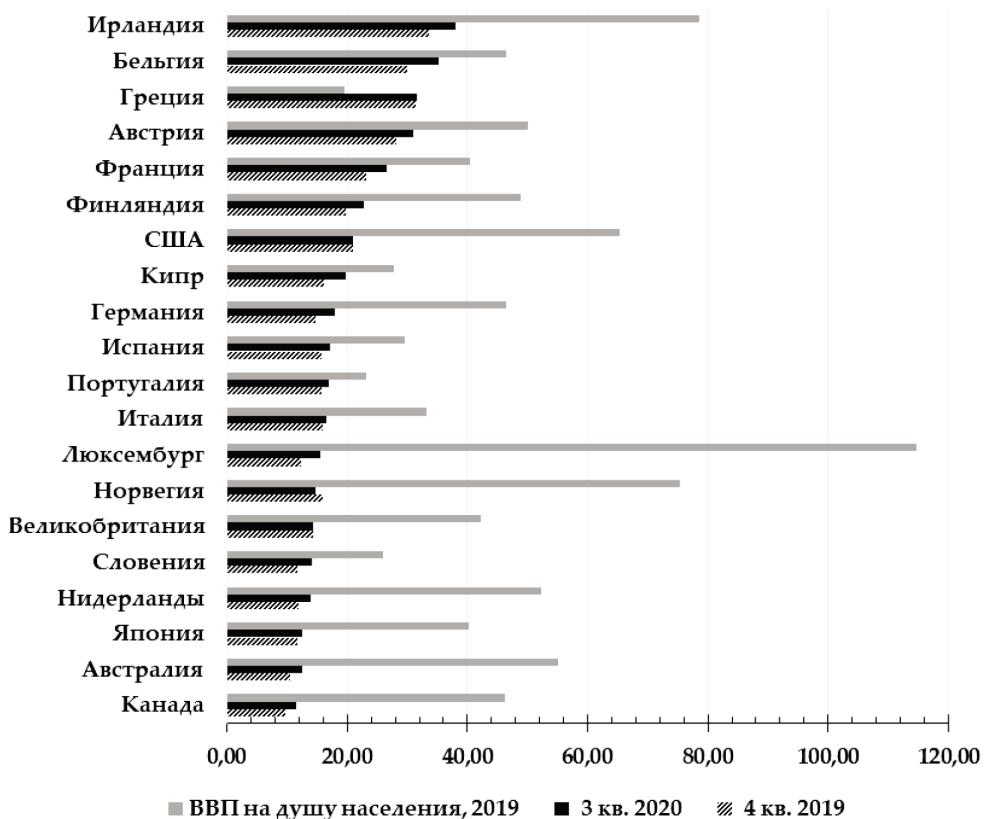

Рис. 9. Страны, лидирующие по величине государственного внешнего долга на душу населения, в IV кв. 2019 г. и III кв. 2020 г. (тыс. долл. США) и ВВП на душу населения (тыс. долл. США) в 2019 г.

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

Удельный вес стран еврозоны во внешней задолженности стран Евросоюза за 9 месяцев 2020 г. сократился с 93,3 до 86,5% (без учета Великобритании), но при этом абсолютная величина задолженности стран еврозоны увеличилась на 2,5 трлн долл. США (почти на 8%), а в совокупном объеме глобального внешнего долга доля внешней задолженности стран зоны евро за рассматриваемый период возросла почти на 4 п.п. и достигла 43,6%. В структуре совокупного внешнего долга стран еврозоны с 48,4 до 48,9% возрос удельный вес внешней задолженности перед странами-кредиторами, входящими в состав еврозоны, т.е. увеличилась доля так называемого «внутреннего» внешнего долга.

Суверенный внешний долг стран еврозоны за 9 месяцев 2020 г. вырос на 13,6%, а корпоративный внешний долг – на 5,7%. В результате в структуре совокупного внешнего долга стран еврозоны доля суверенного внешнего

долга увеличилась с 19,1 до 20,1%. Величина и динамика роста суверенной внешней задолженности стран еврозоны отражены в табл. 1.

Таблица 1

Величина и динамика роста суверенной внешней задолженности стран еврозоны

Страна	Млрд долл. США, III кв. 2020 г.	III кв. 2020 г. по сравнению с IV кв. 2019 г. (%)
Франция	1 782,7	15,4
Германия	1 499,5	23,6
Италия	993,8	4,5
Испания	803,7	8,7
Бельгия	404,6	17,7
Греция	338,0	0,6
Австрия	275,2	10,2
Нидерланды	242,8	18,0
Ирландия [II квартал 2020 г.]	187,4	13,4
Португалия	174,2	7,7
Финляндия	125,3	15,6
Словакия	39,3	20,1
Словения	29,4	20,5
Кипр	23,6	22,1
Литва	21,6	19,1
Латвия	12,2	11,0
Люксембург	9,7	27,7
Эстония	5,0	109,8
Мальта	1,2	14,9

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

При этом следует отметить, что суверенный внешний долг вырос преимущественно за счет заимствований у стран, не являющихся членами еврозоны (за 9 месяцев 2020 г. доля внешних заимствований в структуре госдолга увеличилась на 2,6 п.п. и составила 47,8%). В структуре суверенной внешней задолженности стран еврозоны перед странами-кредиторами, не являющимися членами еврозоны, как и в США, возросла доля краткосрочных обязательств (с 9,6 до 15,4%). На фоне роста внешней задолженности, опережающего рост глобального внешнего долга в 2020 г., и одновременного сокращения ВВП увеличение доли краткосрочных обязательств стран еврозоны создает дополнительные риски с точки зрения обслуживания и погашения текущего внешнего долга.

В Великобритании за 9 месяцев 2020 г. совокупный внешний долг увеличился на 421,5 млрд долл. США (на 4,8%). При этом объем суверенной внешней задолженности возрос на 7,8 млрд долл. США (на 0,8%). Основной прирост был обеспечен за счет корпоративного сектора, удельный вес которого

в совокупной величине внешнего долга страны возрос на 0,1 п.п. до 88,9%. Анализ статистических данных Всемирного банка показывает, что рост корпоративного внешнего долга Великобритании за указанный период времени происходил преимущественно за счет привлечения кредитов и депозитов от нерезидентов, а не в результате эмиссии долговых ценных бумаг.

По данным Банка международных расчетов [4], величина находящихся в обращении международных долговых ценных бумаг корпоративных заемщиков из Великобритании сократилась за 9 месяцев 2020 г. на 4,5 млрд долл. США (по месту регистрации эмитентов) и увеличилась на 69,2 млрд долл. США (по национальной принадлежности эмитентов). На основе этого можно сделать вывод о том, что иностранные банки и компании, зарегистрировавшие свои дочерние предприятия в Великобритании для привлечения на льготных условиях денежных средств на международном долговом рынке, в 2020 г. сократили объемы эмиссий международных долговых ценных бумаг по сравнению с реальными банками и компаниями из Великобритании, которые, напротив, существенно увеличили объемы внешних заимствований на международном долговом рынке. Возможно также, что иностранные банки и компании, зарегистрировавшие свои дочерние предприятия в Великобритании, начали более активно выпускать долговые обязательства через специальные компании (SPV), зарегистрированные в других странах.

В Японии за 9 месяцев 2020 г. совокупный внешний долг увеличился на 501,5 млрд долл. США (на 11,8%). Свыше 80% прироста было обеспечено за счет заимствований корпоративного сектора. Суверенный внешний долг возрос на 7,2%, однако его удельный вес в структуре совокупной внешней задолженности страны сократился с 35,0 до 33,2%. Доля корпоративного внешнего долга увеличилась на 2,4 п.п. до 60,4%.

В условиях коронакризиса центральные банки принимали участие в оказании мер финансовой поддержки экономике своих стран за счет выкупа корпоративных долговых обязательств перед нерезидентами и привлечения дополнительных заемных средств от нерезидентов [5], что привело к росту их внешней задолженности, однако темпы роста внешнего долга существенно различались. За 9 месяцев 2020 г. внешняя задолженность Банка Англии увеличилась на 68,8%, Банка Италии – на 28,3%, Банка Испании – на 20,7%, Центрального Банка Люксембурга – на 17,4%, ФРС США – на 12,8%, в то время как внешний долг ЕЦБ перед нерезидентами стран, не являющимися членами еврозоны, вырос на 5,9%. Следует отметить, что в ряде стран внешняя задолженность центральных банков сократилась (в Нидерландах на 9,7%, в Японии – на 2,9%).

За период коронакризиса совокупная доля США, стран Евросоюза, Великобритании и Японии в структуре глобальной внешней задолженности возросла с 78,4 до 82,1%. В то же время доля внешней задолженности около

80 развивающихся стран и стран с переходной экономикой, по которым приводит соответствующие статистические данные Всемирный банк, сократилась с 12,0 до 8,5% [6].

Вероятно, это было связано с неблагоприятными условиями внешних заимствований для резидентов данных стран в условиях пандемии COVID-19. Поскольку повышенный спрос на заемные денежные средства в этот период предъявляли наиболее развитые страны мира, международные инвесторы не были заинтересованы в приобретении долговых обязательств развивающихся стран и стран с переходной экономикой, считая их недостаточно надежными. В результате этого значительно возрос размер премии, покрывающей страновой и кредитный риски, что существенно снизило привлекательность международного долгового финансирования для указанной группы стран.

Среди стран БРИКС только в Китае совокупный внешний долг вырос на 11,5%, а в остальных странах произошло сокращение величины внешней задолженности (см. Рис. 10). Максимальное сокращение (на 15,4%) было отмечено в ЮАР.

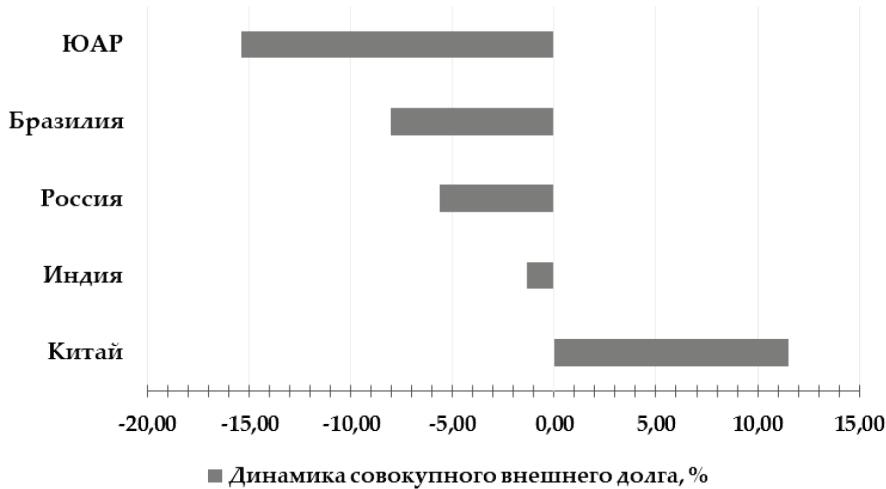

Рис. 10. Динамика совокупного внешнего долга стран БРИКС, III кв. 2020 г. по отношению к IV кв. 2019 г. (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

Среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой, лидирующих по величине государственного внешнего долга (см. Рис. 11), только в Китае, Египте, Пакистане и Турции за 9 месяцев 2020 г. произошло увеличение государственной внешней задолженности (20,8%, 19,1%, 3,8% и 0,5% соответственно). В остальных странах суверенный внешний долг сократился в разной степени – от 17,9% в Бразилии и 17,1% в ЮАР до 1,3% в Индонезии (для сравнения: в России сокращение составило 14,9%).

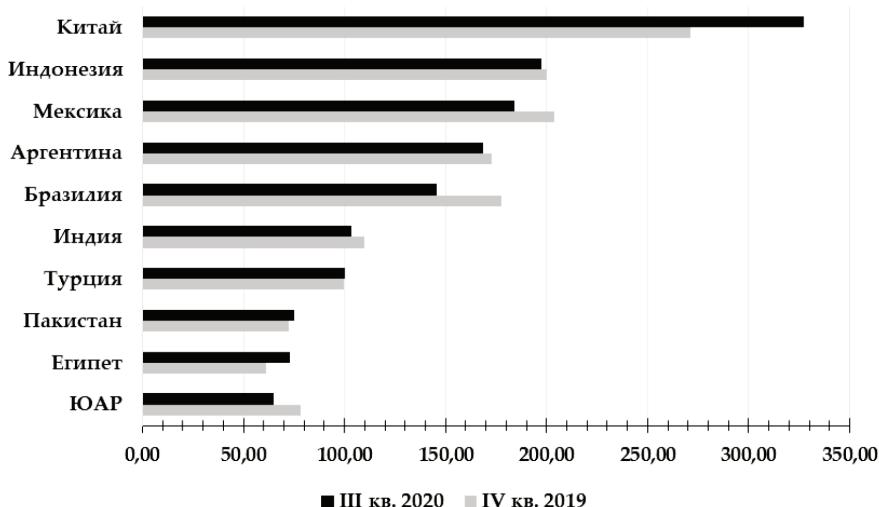

Рис. 11. Развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, лидирующие по величине государственного внешнего долга (млрд долл. США)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

Следует отметить, что удельный вес государственной задолженности в совокупном объеме внешнего долга развивающихся стран и стран с переходной экономикой, лидирующих по величине государственного внешнего долга, заметно дифференцирован – от 14,3% в Китае до 66,1% в Пакистане (для сравнения: в России доля суверенного долга в общем объеме внешней задолженности в конце III квартала 2020 г. составила 12,8%). За 9 месяцев 2020 г. доля государственного внешнего долга возросла в Китае, Турции, Египте и Пакистане (см. Рис. 12).

С нашей точки зрения, в тех странах, где доля государственной задолженности превышает 40% совокупного внешнего долга страны, существует достаточно высокий риск возникновения в ближайшей перспективе потенциальных проблем, связанных с обслуживанием внешней задолженности. Среди крупнейших заемщиков к числу таких стран относятся Пакистан, Аргентина, Египет, Индонезия, ЮАР и Мексика.

К этому следует добавить, что в таких странах, как Пакистан и Аргентина, соотношение суверенного внешнего долга и валового национального дохода на конец 2019 г. составляло 26,6% и 40,4% соответственно. В случае неблагоприятного изменения условий внешнего финансирования указанные страны в перспективе могут оказаться на грани суверенного дефолта по внешнему долгу. В ЮАР на долю государственного внешнего долга пришлось 22,8% ВНД, в Египте – 21,0% (для сравнения: в России соотношение суверенного внешнего долга и ВНД за аналогичный период не превысило 4,3%).

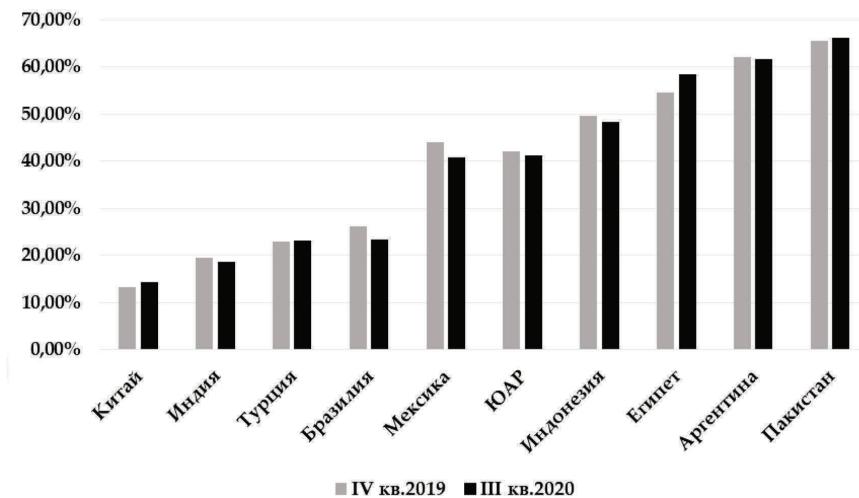

Рис. 12. Доля государственной задолженности в совокупном объеме внешнего долга развивающихся стран и стран с переходной экономикой, лидирующих по величине государственного внешнего долга в IV кв. 2019 и III кв. 2020 (%)

Источник: составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

В современной структуре суверенного внешнего долга развивающихся стран и стран с переходной экономикой, по мнению ряда экспертов, существуют две серьезные проблемы: валютная структура и увеличение доли нерезидентов, владеющих государственными долговыми ценными бумагами, номинированными в местных валютах [7]. В целях минимизации валютного риска правительства многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой стали выпускать долговые ценные бумаги (преимущественно с фиксированной ставкой купона), номинированные в местных валютах, удельный вес которых к началу 2020 г. достиг примерно 80% от совокупного объема находящихся в обращении государственных долговых ценных бумаг [8].

В то же время у некоторых стран значительная часть суверенного внешнего долга номинирована в иностранных валютах, что повышает степень уязвимости этих стран в связи с обслуживанием и погашением внешней задолженности в случае девальвации национальных валют. Увеличение доли нерезидентов, владеющих государственными долговыми ценными бумагами, номинированными в местных валютах (удельный вес инвесторов-нерезидентов возрос в два раза за последние десять лет), с одной стороны, способствует расширению базы инвесторов, обеспечивает финансирование и повышает уровень ликвидности местного рынка государственных облигаций. С другой стороны, резкий рост доходности облигаций, номинированных в местной валюте, зачастую происходит на фоне девальвации данной валюты. В этом случае существенно возрастает стоимость заимствования для правительства данной страны, а иностранные инвесторы начинают активно продавать государственные

облигации, стараясь минимизировать свои риски [9]. Подобная ситуация неоднократно наблюдалась во время пандемии коронавируса (особенно в первой половине 2020 г.) [10].

На фоне других развивающихся стран и стран с переходной экономикой величина и динамика внешней задолженности России в условиях коронакризиса, по нашему мнению, не вызывают серьезных опасений [11]. По данным Банка России, в течение 2020 г. совокупный внешний долг России сократился почти на 5% и в начале 2021 г. составил 467,3 млрд долл. США. Сокращение долговых обязательств произошло как за счет снижения внешней задолженности корпоративных заемщиков (57% сокращения), так и за счет органов государственного управления и банков (43%).

Анализ основных внешнедолговых показателей России показывает, что она находится в зоне относительно низкой степени внешнедолгового риска (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные внешнедолговые показатели России

Индикатор	Начало 2020 г.
Совокупный внешний долг (млрд долл. США)	491,4
Совокупный внешний долг/ВВП (%)	28,9
Международные резервы/Совокупный внешний долг (%)	90,0
Государственный внешний долг (млрд долл. США)	69,9
Государственный внешний долг/ВВП (%)	4,1
Государственный внешний долг/Совокупный внешний долг (%)	14,2
Корпоративный внешний долг/Совокупный внешний долг (%)	82,9
Внешний долг/Экспорт (%)	91,0
Обслуживание внешнего долга/Экспорт (%)	18,0
Краткосрочный долг/Совокупный внешний долг (%)	12,0

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных Всемирного банка [1].

В условиях пандемии COVID-19 основной объем внешнедолговых операций осуществлялся на международном долговом рынке. Однако следует отметить, что в эмиссионном и неэмиссионном сегментах наблюдалась совершенно разная динамика. Если мировой рынок синдицированных кредитов в первой половине 2020 г. сократился на 17% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., показав минимальное значение, начиная с 2012 г., то в эмиссионном сегменте, напротив, был отмечен 15%-ный рост по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [5]. Вероятно, с одной стороны, различие в динамике двух сегментов явилось отражением специфики базы международных инвесторов, поскольку в эмиссионном сегменте основу инвесторов составляют не банки, а различные небанковские финансовые организации, которые решили осуществить портфельные инвестиции на данном этапе, чтобы обеспечить определенный фиксированный уровень дохода на находящиеся в их распоряжении денежные средства, опасаясь серьезного дальнейшего ухудшения

состояния мировой экономики и мировых финансов. Кроме того, как отмечают некоторые эксперты, бурный рост заимствований в эмиссионном сегменте был связан с активной покупкой корпоративных долговых обязательств центральными банками стран с развитой экономикой.

Банки же, в свою очередь, являясь главными кредиторами на рынке синдицированных кредитов, существенно сократили объемы кредитования, опасаясь риска просрочки и невозврата со стороны заемщиков. С другой стороны, потенциальные заемщики на международном долговом рынке решили использовать инструменты не краткосрочных (в виде синдицированных кредитов), а средне- и долгосрочных заимствований (в виде долговых ценных бумаг) в ситуации растущей неопределенности на рынке и желания не подвергать себя риску неплатежа в случае резкого ухудшения условий рефинансирования в краткосрочной перспективе.

Как было отмечено выше, в условиях коронакризиса глобальный внешний долг увеличивался в первую очередь за счет развитых стран, а многие развивающиеся страны были лишены возможности рефинансирования своей внешней задолженности [12]. Из-за пандемии во многих странах мира был отмечен серьезный экономический спад [13], который, по словам Д. Мэлпасса (D. Malpass), президента Группы Всемирного банка, не наблюдался с 1870 г. В результате этого в 2021 г. количество жителей планеты, находящихся за чертой бедности (т.е. имеющих доход на душу населения менее 1,9 долл. США в день), может возрасти до 150 млн [14].

В связи с этим Всемирный банк и МВФ призвали страны, входящие в Группу 20, поддержать Инициативу по приостановке обслуживания долга (Debt Service Suspension Initiative – DSSI). Цель данной инициативы – помочь наиболее нуждающимся странам сэкономить денежные ресурсы и направить их на борьбу с пандемией [15]. Хотя DSSI предполагала приостановку обслуживания двустороннего межгосударственного долга и долга перед международными финансово-кредитными организациями, Группа 20 призвала частных кредиторов также присоединиться к реализации данной инициативы. Одним из условий реализации DSSI стало обязательство правительств стран, нуждающихся в облегчении внешнедолгового бремени, предоставить официальным кредиторам всю информацию, касающуюся имеющихся суверенных долговых обязательств.

DSSI начала действовать с 1 мая 2020 г. Хотя изначально действие DSSI должно было закончиться 31 декабря 2020 г., в процессе реализации данной инициативы было принято решение пролонгировать срок ее действия до июня 2021 г. DSSI в общей сложности распространяется на 73 страны. В начале реализации DSSI 6 стран (Республика Конго, Гренада, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, Сомали и Южный Судан) практически не имели возможности полноценно обслуживать свою внешнюю задолженность, а в 27 странах риск

наступления суворенного дефолта по внешнему долгу оценивался как очень высокий. По оценке Всемирного банка на 01.04.2021, за период с мая по декабрь 2020 г. сумма экономии за счет приостановки обслуживания внешней задолженности у 46 стран-должников, выразивших желание принять участие в DSSI, составила почти 10 млрд долл. США. За первую половину 2021 г. эти страны-должники могут сэкономить дополнительно еще 7,3 млрд долл. США, которые должны быть направлены на обеспечение социальных нужд, охрану здоровья населения и стимулирование экономики в условиях коронакризиса. Во время виртуального саммита G20 под председательством Саудовской Аравии в ноябре 2020 г. министры финансов и главы центробанков договорились весной 2021 г. рассмотреть вопрос продления DSSI до конца 2021 г. Кроме того, во время саммита обсуждались пути расширения механизма DSSI посредством привлечения частных кредиторов, что позволит облегчить погашение долга странами-должниками, присоединившимися к участию в реализации инициативы. Со-гласно опубликованному по итогам встречи министров финансов и глав центробанков пресс-релизу, период погашения долга в рамках новой структуры будет составлять шесть лет.

Если коротко подвести итоги анализа динамики и структуры мирового внешнего долга в условиях пандемии коронавируса, ставшей, по оценке некоторых экспертов, причиной комплекса негативных тенденций, определяющих современное состояние мировой экономики [16], следует отметить следующие основные особенности:

- Соотношение совокупного мирового внешнего долга и величины мирового ВВП в начале 2021 г. стало почти таким же, как в 2007 г. (110,5%), предшествовавшем началу глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Для решения данной проблемы главным странам-должникам необходимо строго контролировать объемы и структуру внешней задолженности (особенно по срокам погашения) и сдерживать величину новых заимствований с учетом реальных финансовых возможностей по их текущему обслуживанию и плановому погашению. В то же время главным странам-должникам в максимальной степени следует использовать все существующие возможности для стимулирования развития национальной экономики и роста ВВП за счет потенциальных внутренних источников.

- В 2020 г. глобальный внешний долг продолжал расти на фоне снижения глобального ВВП, усиливая нестабильность мировой экономики и мировых финанс. В связи с этим Всемирный банк и Международный валютный фонд, являющиеся базовыми элементами мировой финансовой архитектуры, разработали специальный комплекс мер, направленных на решение долговых проблем, среди которых можно отметить Инициативу по приостановке обслуживания долга (DSSI), а также существенное увеличение объемов

отслеживаемых и публикуемых статистических данных с целью повышения прозрачности долгового рынка.

• Проведение комплекса мероприятий, направленных на поддержку экономики в условиях распространения коронавирусной инфекции, привело к существенному росту суверенного внешнего долга, что особенно характерно для стран ЕС. В этой ситуации могут потребоваться дополнительные меры финансовой поддержки тех стран ЕС, которые имеют наибольший объем внешней задолженности как со стороны других европейских стран, являющихся нетто-кредиторами, так и со стороны международных финансово-кредитных институтов.

• Изменение структуры долгового рынка в пользу краткосрочных финансовых инструментов в ближайшей перспективе может способствовать еще большему «разогреву» рынка вследствие необходимости более частого пере кредитования заемщиков в условиях ограниченности финансовых ресурсов. В связи с этим важное значение для стран-заемщиков имеет максимальное сокращение величины краткосрочного фондирования, предоставляемого в первую очередь традиционными кредиторами в лице коммерческих банков, и более активное привлечение средне- и долгосрочных финансовых ресурсов, источниками которых в настоящее время являются преимущественно такие институциональные инвесторы, как страховые компании, инвестиционные и пенсионные фонды и др.

• В условиях возросшей конкуренции за глобальные финансовые ресурсы доступ менее развитых стран к источникам финансирования еще более затруднился, что в дальнейшем может способствовать обострению существующих социально-экономических проблем и усилению мирового неравенства. В этой ситуации может потребоваться более активное участие международных финансово-кредитных организаций (как традиционных, так и недавно созданных) в качестве финансовых доноров для развивающихся стран, имеющих максимальное внешнедолговое бремя. Вероятно, некоторые развивающиеся страны могут столкнуться с необходимостью реструктуризации своей внешней задолженности (включая списание определенной части внешнего долга основными странами-кредиторами).

• Величина и динамика внешней задолженности России, на наш взгляд, не вызывает серьезных опасений. За период коронакризиса совокупная внешняя задолженность сократилась, что в условиях нарастающей экономической и политической нестабильности можно оценить как позитивную тенденцию. Россия входит в число стран с минимальной величиной внешнего долга на душу населения (по данным Всемирного банка, в конце 2020 г. на душу населения РФ приходилось 452 долл. США суверенного долга и 3 241 долл. США совокупного внешнего долга по сравнению с 21 188 долл. США и 65 069 долл. США соответственно в США).

Как известно, в 2008 г. триггером глобального кризиса стал не мировой внешний долг, а рынок ипотечного кредитования в США. Тем не менее, с учетом аналогичного неблагоприятного внешнего фона, накопления серьезных социальных проблем и финансовых дисбалансов, а также снижения темпов роста мировой экономики в условиях продолжающейся пандемии COVID-19 таким триггером вполне может стать обострение проблем в одном или нескольких сегментах экономики стран Евросоюза, Великобритании, США или ряда крупных развивающихся стран. Это может спровоцировать цепную реакцию по всему миру, которая вызовет новый, еще более разрушительный глобальный финансово-экономический кризис, выход из которого будет долгим и болезненным и приведет к глубокой перестройке мировой экономики в целом и ее финансовой архитектуры в частности. Смягчить остроту грядущего мирового кризиса для российской экономики можно путем дальнейшего сокращения внешних заимствований, ускорения начавшегося процесса дедолларизации, максимально возможной диверсификации международных резервов на основе регулярного мониторинга мировой финансово-экономической ситуации с учетом странового риска и поддержания их на уровне, обеспечивающем устойчивость к внешним шокам.

Литература

1. Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://databank.worldbank.org>
2. International Monetary Fund. World Economic Outlook Update January 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/01/26/2021-world-economic-outlook-update>
3. Официальный сайт Международного валютного фонда. URL: <https://www.imf.org>
4. Статистический портал Банка международных расчетов. URL: <https://www.bis.org/statistics>
5. Goel T., Serena J.M. Bonds and syndicated loans during the Covid-19 crisis: decoupled again? // BIS Bulletin. no 29, 14 August 2020, pp. 1–7.
6. World Bank. Debt Report 2021 Edition I. URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/202241611602419508/Debt-Report-2021-Edition-I.pdf>
7. Cantú C., Goel T., Schanz J. EME government debt: cause for concern? // BIS Quarterly Review. June 2020. Pp. 15–16.
8. Micic K. Recent trends in EME government debt volume and composition // BIS Quarterly Review. September 2017. Pp. 22–24.
9. Hofmann B., Shim I., Shin H.S. Emerging market economy exchange rates and local currency bond markets amid the Covid-19 pandemic // BIS Bulletin, no 5, 7 April 2020. Pp. 1–7.
10. Hördahl P., Shim I. EME bond portfolio flows and long-term interest rates during the Covid-19 pandemic // BIS Bulletin, no 18, 20 May 2020. Pp. 1–7.
11. Балюк И.А. Влияние внешних санкций на долговую политику России // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 4(13). С. 29–43.
12. Malpass D. Foreword. International Debt Statistics 2021. World Bank Group, p. vii. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34588/9781464816109.pdf>
13. Rucaj E., Hamaden N., Fu H. Understanding global debt: Relieving the COVID-19 impact on the most vulnerable. URL: <https://blogs.worldbank.org/opendata/understanding-global-debt-relieving-covid-19-impact-most-vulnerable>

14. *Malpass D.* To Cope With Covid, the World's Poor Need Debt Relief // Wall Street Journal, Nov. 4, 2020.
15. COVID 19: Debt Service Suspension Initiative. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/debt/brief/covid-19-debt-service-suspension-initiative>
16. Звонова Е.А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 4(13). С. 6–19.

Igor Balyuk (e-mail: balyuk@bk.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor

Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Marina Balyuk (e-mail: baljuk@bk.ru)

Ph.D. in Economics, Independent Expert (Moscow, Russia)

GLOBAL EXTERNAL DEBT DURING COVID-19 PANDEMIC

The article contains an analysis of the dynamics and structure of the external debt of various countries and groups of countries in the context of the coronavirus pandemic. The authors conclude that at the beginning of 2021, the ratio of external debt to GDP almost reached the level that was noted on the eve of the global financial and economic crisis of 2008–2009. A trigger for a new global crisis may be the exacerbation of problems in one or more segments of the economy of the European Union, Great Britain, the United States, or a number of large developing countries.

Keywords: global external debt, world GDP, government debt, corporate external debt, international debt market.

DOI: 10.31857/S020736760016809-8

© 2021

Максим Стыров

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (Сыктывкар, Россия)
(e-mail: styrovmm@mail.ru)

Леонид Носов

кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой Института точных наук и информационных технологий ФГБОУ ВО «Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар, Россия)
(e-mail: nosovvv@yandex.ru)

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ОТ ПРИБЫЛИ К ЧЕЛОВЕКУ

В статье представлен новый подход к оценке конкурентоспособности видов экономической деятельности. Суть его состоит в исчислении всех основных показателей в расчёте на одного занятого и в ориентации анализа, прежде всего, на внутреннюю цельность хозяйственной системы. Проанализирована в динамике однородность экономических подсистем новым способом: через коэффициент вариации в трёх разрезах – межрегиональном, межотраслевом и между показателями. На примере промышленности северных регионов России выявлены сверхвысокие межотраслевые и межрегиональные диспропорции. Выдвигается тезис о необходимости внутреннего духовно-нравственного преображения управленцев и самих работников для преодоления сложившихся проблем.

Ключевые слова: человек, нравственность, духовность, сотрудничество, конкурентоспособность, регион, промышленность, Север.

DOI: 10.31857/S020736760016811-1

Конкурентоспособность стала одним из ключевых девизов современной экономики. Майкл Портер пишет: «Не подлежит сомнению тот факт, что конкуренция и впредь будет основным залогом нашего процветания и развития и предметом, постоянно занимающим наши умы» [1].

Вместе с тем история этого понятия отнюдь не старше общей истории размышлений о сути человека и его хозяйственной деятельности, поэтому не должна восприниматься безоговорочно. К тому же, несмотря на превалирование капиталистического уклада экономики, звучит немало голосов с его критикой и предложением альтернативных парадигм. По словам М. Хазина, «сегодня ключевым моментом является поиск нового механизма развития

и нового языка, на котором это развитие можно описать. Тот, кто это сделает, станет цивилизационным чемпионом на ближайшие лет двести-триста»¹. Поэтому рассмотрим применимость и возможности совершенствования современной теории конкурентоспособности на примере промышленности северных регионов России.

Важность данного объекта исследования определяется, с одной стороны, возрастающим вниманием к этим территориям, особенно к их арктической части. С другой стороны, данным регионам присущи как объективные – природно-географические, так и субъективные – законодательные особенности, вызывающие удорожание производства и жизнеобеспечения и потому побуждающие искаль альтернативы рыночному мировоззрению. Также не решён до конца вопрос о целесообразности масштабного проживания людей на Севере и об отношении к происходящей сейчас в северных регионах демографической убыли.

Целью статьи является обоснование и апробация нового подхода к оценке конкурентоспособности видов экономической деятельности, направленного на повышение солидарности в производственно-распределительных отношениях. Новизна и значимость исследования усматриваются авторами в совершенствовании теоретико-методологического базиса новой, социально-ориентированной экономики на христианском мировоззрении.

Отраслевой уровень оценки конкурентоспособности обоснован тем, что именно внутри видов деятельности существуют глубокие технологические и маркетинговые сходства, способные перенастроить организации от соперничества к единству. Разумеется, при наличии соответствующих данных эти подходы могут распространяться и на микро-, и на макроуровень.

Теоретико-методологические подходы к анализу конкурентоспособности промышленности. Анализ конкурентоспособности видов экономической деятельности (отраслей) является предметом внимания многих исследователей, однако единой общепризнанной методики оценки не существует. Широко известен подход Ганса Лизнера и Белы Балассы через сравнение доли отрасли с долей страны в мировом экспорте – индекс RCA (Revealed Comparative Advantage), а также через оценку сальдо внешней торговли [2]. Данная формула имеет много различных модификаций. Современная международная статистика позволяет рассчитывать также участие конкретной отрасли в мировых цепочках добавленной стоимости [3]. Однако эти методы исходят из заведомо невыгодной по природно-географическим особенностям для России идеологии глобализации и неприменимы к видам деятельности, ориентированным на внутренний рынок.

Для решения последней задачи Т. Власенко предлагает использовать показатель ICIM (Industry Competitiveness in Internal Market) как отношение доли, занимаемой продукцией отрасли на внутреннем рынке и взвешенной по доле

¹ Хазин М.Ю. Мир на пороге новых времен. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1000041> (дата обращения 15.12.2020).

данной отрасли в мировом объёме производства, к доле ВВП страны в мировом ВВП. Ею также предлагается анализировать показатели RCA и ICIM одновременно [4].

Популярен также расчёт индексов локализации как отношение удельного веса отрасли в экономике региона к удельному весу той же отрасли в стране по валовой продукции, основным фондам, численности занятых и т.д., например [5]. С. Белоглазова указывает на неточность данных формул для небольших территорий и предлагает использовать модифицированный полулогарифмический коэффициент локализации [6]. А. Сафиуллин считает нужным сопоставлять коэффициент локализации с динамикой его изменения матричным методом [7]. Но всё же тут, на наш взгляд, не раскрываются внутренняя эффективность видов деятельности и их взаимоотношения с другими секторами и контрагентами. Отчасти сию задачу решает предложенный этим же учёным метод анализа мультифакторной производительности, но он представляется слишком сложным для применения на практике.

Отечественными авторами часто цитируется, хотя редко применяется методика Р. Фатхутдинова, состоящая в расчёте средневзвешенного по сумме количественных и качественных характеристик 60% крупнейших предприятий отрасли². Однако в силу специфики многих показателей и невнимания к малым и средним организациям, этот подход вряд ли пригоден для всестороннего анализа.

В этой и многих других подобных методиках (например, Н. Савельевой [8] и др.), иногда именуемых также анализом инвестиционной привлекательности, анализ проводится, прежде всего, с позиции маркетинга, т.е. выбора фирмой стратегии своей рыночной деятельности для достижения превосходства над другими организациями и максимизации благосостояния своих учредителей. Для этой же цели иногда используется SWOT-анализ [9]. Идеологически они опираются на труды М. Портера [1], А. Томпсона и А. Стриклэнда и других представителей современной англо-американской экономической школы, которым присущи такие выражения: «в условиях жесткой конкуренции со стороны продуктов-субститутов фирмы данной отрасли промышленности должны внушить потребителям, что их продукт имеет больше преимуществ по сравнению с заменителем» [10. С. 128]. Исходя из учения А. Смита и других теоретиков здесь подразумевается, что поиск личной выгоды автоматически ведёт к повышению всеобщего блага, а межотраслевого анализа в целях устойчивого развития в них почти не встречается. Выживание видов деятельности ставится как бы в зависимость от их финансовой привлекательности, без учёта неэкономических факторов. Не является ли это негласным признанием денег главным правителем жизни?

² Фатхутдинов Р.А. Стратегический маркетинг / Учебник // М.: ЗАО "Бизнес-школа "Интел-Синтез". 2000. С.71–72. 640 с.

В противовес этому подходу, в отечественной экономической школе даже при ориентации на извлечение прибыли всё-таки подразумевается неразрывная связанность всех видов деятельности и территорий между собой, поэтому больше внимания уделяется поиску внутреннего единства и целостности между ними.

Так, например, О. Акулич в систему показателей на примере рыбной отрасли включает численность занятых, удовлетворённость спроса населения, налоговую отдачу, освоение выделенных квот, показывая тем самым ориентацию на интересы не только инвесторов, но и работников, и покупателей, и государства, и даже природы [11]. Далее выстраивается общий рейтинг конкурентоспособности между одинаковыми отраслями различных регионов. В российском научном поле представлено немало аналогичных балльно-рейтинговых оценок, имеющих на выходе некий интегральный показатель сравнения между собой отраслей одного региона или регионов по одной отрасли, например, [12; 13; 14].

Впрочем, при немалой познавательности практическая польза этих методик не всегда очевидна, т.к. ни для частных инвесторов, ни для правительства они, скорее всего, не могут быть действенным инструментом принятия решений. Ведь сейчас участие организаций чаще всего определяется их отдачей для учредителей или значимостью для ситуативных государственных задач. А было бы желательно проводить анализ с позиции интересов всех окружающих сторон, в т.ч. сравнения между различными видами деятельности в пределах одного или нескольких регионов.

Попытка сделать это представлена в работах А. Даваасурэна и И. Кузнецовой с использованием экспертных оценок по восьми критериям [15]. Но из набора показателей и теоретической части статьи видно, что данный подход также ориентирован именно на выявление наиболее преуспевающих с точки зрения частной выгоды секторов.

Для сравнения разнородных отраслей В. Мосейко предлагает использовать интегральный индекс конкурентоспособности, основанный на критериях функциональности, системности, проактивности и органичности. В свою очередь, оценка по ним производится через удельный вес отрасли в общем обороте организаций, в валовой добавленной стоимости, в инвестициях в основной капитал и в численности организаций региона соответственно [16]. Автор справедливо отмечает, что большинство существующих подходов используют необоснованно большой перечень слишком коррелированных между собой показателей и ошибочно воспринимают конкурентоспособность как некое заведомое преимущество, а не как управленческую задачу. Однако представленная им методика, на наш взгляд, этих проблем до конца не решает.

М. Старикова выдвигает шесть критериев оценки конкурентоспособности разнородных отраслей: производительность, использование информационно-

коммуникационных технологий, инновационное развитие, экологичность, прогрессивность основных фондов [17]. По каждому критерию предлагается ряд статистических показателей. Но в результате исследования автор всё же признаёт ограниченность набора показателей и преобладание «на выходе» отраслей, дающих наибольший вклад в ВВП.

Итак, обзор существующих методик оценки конкурентоспособности видов экономической деятельности показывает, что большей частью они ориентированы на материальные интересы отдельного субъекта и спорное отношение к экономике как к главному благу жизни. Во многом этот подход присутствует ныне и в государственных программах социально-экономического развития, в которых показатель душевого ВВП обозначен как первостепенный и целевой.

Мы же исходим из евангельского убеждения, что истинная жизнь человека «не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15) и заключается, главным образом, не в обладании земными богатствами, а в духовных добродетелях – вере, надежде, любви. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21). Эти слова Иисуса Христа определяли уклад жизни русского и других народов на протяжении многих веков и нет основания отбрасывать их. В Стратегии национальной безопасности России и других документах и публикациях сегодня также часто звучит мысль о необходимости поворота к человекосберегающей, высоконравственной экономике. С. Глазьев, например, пишет: «Историческая духовная традиция русского народа предопределяет стержневую роль принципа социальной справедливости в любой идеологической конструкции инвариантно к политическому, экономическому и социальному устройству общества. Нарушение императива социальной справедливости делегитимизирует государственную власть в глазах народа, влечет дезинтеграцию общества, социальный протест и революцию» [18. С. 717].

Доброжелательное сотрудничество помимо моральной составляющей может приносить также и значительную практическую пользу. Примерами тому в современном мире являются технологические кластеры, технопарки, система унификации и стандартов, научно-исследовательские коллективы, совместное финансирование (краудфандинг) и использование ресурсов (краудсорсинг), пулы страховщиков и многие другие.

Развивается теория конкурентного сотрудничества территорий, которая, полагаем, является промежуточным звеном на пути становления альтруистической экономики. В российской науке к ним относятся, например, Т. Ускова и Е. Лукин [19], И. Важенина и С. Важенин [20] и многие другие. «Можно надеяться, что в отличие от идеологий «рыночного фундаментализма» и этатизма, философия сотрудничества будет способствовать выработке эффективной политики,

соответствующей общественным целям», – пишет В. Полтерович [21. С. 23]. Есть сторонники переключения от конкуренции к сотрудничеству и даже служению и в зарубежной науке: А. Бранденбургер и Б. Нейлбафф [22], Ф. Лалу [23] и др.

При таком подходе искомая методика, как и вся методология экономической науки, должна ориентироваться, во-первых, на человека как обладателя бессмертной богоподобной души, во-вторых, на любовь как главный императив личной и общественной жизни. В. Катасонов утверждает: «В “религии денег” идеалом социально-экономического устройства человеческой жизни является индивидуализм, разъединение людей и борьба их между собой (в сфере экономики – конкуренция); в христианстве – коллективизм и общинные формы жизни (в сфере экономики – сотрудничество и взаимопомощь)» [24. С. 150].

Методика анализа. Исходя из вышеуказанных положений, мы предлагаем исчислять все анализируемые показатели в расчёте на одного занятого – как труженика, семьищина, создателя духовных и материальных благ. Используются следующие данные: оборот организаций, средняя заработная плата, налоговые поступления в бюджетную систему, инвестиции в основной капитал, сальдируванная прибыль, величина активов (валюта баланса). В совокупности они комплексно характеризуют воспроизводственный хозяйствственный цикл.

При анализе и сопоставлении мы исходили из древней мудрости: «сила – в единстве», т.е. поиска гармоничности, внутренней цельности и сбалансированности показателей во всех плоскостях. Соответственно, наилучшую выживаемость в долгосрочной перспективе будет иметь та хозяйственная система, которая имеет в себе и вокруг себя наименьшее число разрывов и противоречий, объединяет своих участников стремлением к общим высоким и благородным целям – как к обеспечению человека насущными средствами для поддержания физического бытия, так и к наилучшей реализации его душевных способностей, к совершенствованию окружающего мира. «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, новые блага, новые знания, новые чувства, новую красоту, – он творит культуру», – писал С. Булгаков [25. С. 173].

Наиболее простым методом оценки является сравнение: отраслей и регионов друг с другом и со средним показателем по стране, динамики изменения во времени. Применялась также визуализация данных, корреляционный и кластерный анализ. Ключевым методом стала динамическая оценка целостности экономических систем через коэффициент вариации, рассчитанный в разрезе показателей, отраслей и территорий.

Вместе с тем в настоящей работе не даётся единой завершённой методики, а обозначается сам подход к анализу. Мы не ставили задачу искать некий целевой показатель эффективности или роста, поскольку экономика в данном

случае становится не целью, а средством, испытанием человека на человечность.

Поясним также, что цельность некой системы не обязательно означает полной одинаковости её составляющих, ведь и в организме все клетки выполняют не одни и те же, но присущие именно им специфические функции ради общего блага. Речь идёт о как бы единодушии и взаимном согласии действующих лиц. В этом смысле наши оценки равномерности являются только предварительной попыткой выявить степень этого единства.

Эмпирический анализ. Исходя из указанного теоретико-методологического подхода, нами проведён анализ конкурентоспособности промышленности северных регионов России. Под промышленностью, согласно приказу Минпромторга России от 27.12.2016 N 4785, подразумевается совокупность следующих разделов Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОК 029-2014): раздел В «Добыча полезных ископаемых», раздел С «Обрабатывающие производства», раздел D «Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха», раздел Е «Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений». Для краткости они далее будут именоваться: добывающие, обрабатывающие производства, энергетика, водоснабжение.

Анализ проведён за период с 2017 по 2019 гг. Источником сведений послужила Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата³ (далее – ЕМИСС).

Массив данных составил более полутора тысяч единиц наблюдений. Но, как было сказано, *исходным методом является наблюдение*, позволяющее через простое знакомство с данными в табличной форме и их сравнение увидеть наиболее важные тенденции интуитивным путём. Для примера приведём таблицу с одним из наиболее неравномерных показателей – инвестициями (табл. 1).

Вложения в основной капитал на одного занятого в северных регионах достигают почти 2 млн руб., это почти втрое выше среднего по экономике и в 4–5 выше среднего по стране. В добывающих отраслях в силу их капиталоёмкости и инвестиционной привлекательности показатель ещё значительнее – более 3 млн руб. Следовательно, наибольшие вложения направляются в экспортно-ресурсные проекты, что даёт ощутимую денежную отдачу, но вряд ли способствует всестороннему развитию человека.

Обрабатывающие производства также существенно опережают среднероссийский уровень, однако заметно снижение показателя во многих субъектах, от чего и суммарное значение по Северу сокращается. Это, возможно, говорит о сокращении производственного потенциала, некотором неверии

³ Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата. [Электронный ресурс]. URL: <http://fedstat.ru>

предпринимателей в будущее этих земель. Однако нам видится в этом и позитивный момент: ведь сама идея освоения высоких широт именно как источника материальных богатств и промышленного плацдарма представляется не совсем правильной в исторической ретроспективе. Другими словами, приблизилось время признания ошибок прошлого, поворота к более природосберегающей экономике.

Таблица 1

**Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности
северных регионов России за 2017–2019 гг. (тыс. руб. в год на одного занятого)**

Регионы	Промышленность всего		Добывающие		Обрабатывающие		Энергетика		Водоснабжение	
	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2017	2019	2017	2019
Россия	394	463	2 152	2 313	211	238	452	667	106	137
Москва	207	281	120	153	131	134	855	1433	432	657
северные регионы	1 924	1 993	3 456	3 669	976	803	380	433	101	70
Республика Карелия	384	304	658	854	368	184	292	331	57	68
Республика Коми	1 012	1 038	2 517	2 532	336	534	192	186	16	21
Ненецкий АО	11 874	7 606	15 756	10 144	13	27	70	83	461	0
Архангельская область	280	284	506	556	313	296	100	214	7	17
Мурманская область	526	712	1 484	2 019	300	284	328	824	419	151
Ханты-Мансийский АО	2 355	2 340	2 539	2 711	3 104	2 373	665	586	69	77
Ямало-Ненецкий АО	3 983	5 050	5 001	6 465	4 167	3 416	261	279	3	27
Республика Саха	383	441	464	1 003	281	179	542	379	30	42
Камчатский край	332	402	1 572	1 044	176	365	171	245	47	184
Магаданская область	1 424	1 136	2 287	1 635	21	0	685	689	0	0
Сахалинская область	4 490	3 572	17 541	13 161	219	244	275	370	1	10
Чукотский АО	603	590	854	831	0	0	300	312	0	0

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>)

Существенное отставание инвестиционной активности фиксируется в энергетической отрасли. К вышеуказанным тенденциям здесь добавляется централизация финансовых потоков в федеральных структурах. Если это ведёт

к большей консолидации, «семейственности» национальной энергетической системы, то это неплохо. Хуже, если за благими декларациями скрываются властолюбие, коррупционные интересы, пренебрежение периферией и простыми людьми.

К сожалению, крайне низка инвестиционная активность в водопроводном хозяйстве, хотя качество поставляемой воды напрямую влияет на здоровье человека. Копеечная экономия на тарифах по политическим мотивам может обернуться миллионными затратами на лечение заболеваний. В это же время огромные деньги направляются в передовые технологии в других отраслях, но не с целью улучшения качества жизни исконно живущих и трудящихся на Севере, а с целью удовлетворения не всегда здоровых потребностей людей в дальних зарубежных странах и извлечения из этого сверхприбылей для хозяев данных предприятий.

Подобным образом огромен разброс между регионами и видами деятельности и по другим показателям. В отношении прибыли, например, он колеблется от отрицательных значений до положительных в десятки миллионов рублей. При этом в некоторых регионах на фоне всеобщего изобилия декларируются убытки, даже в нефтедобыче (!). Это, вероятно, следствие холдинговых или оффшорных операций, дискриминирующих развитие местных территорий. Одновременно по всем видам деятельности очевидна неестественная концентрация финансовых ресурсов в г. Москве.

Общий вывод отсюда таков, что при ориентации организаций на максимизацию прибыли рыночное саморегулирование не преодолевает несправедливости хозяйственного уклада, вразрез с классическими теориями не ведёт к переливу капитала и выравниванию уровня доходности.

Вторым методом исследования выступает *визуализация изучаемых данных*. На Рис. 1 представлены основные компоненты добавленной стоимости в целом по промышленности в расчёте на одного занятого. Наглядно видны очень высокие различия между регионами, основным фактором чего выступают налоги и прибыль.

Заработная плата в пространственном отношении более равномерна, однако и в ней разрывы достигают 3–4 раз в пределах одного субъекта и 5–7 раз между видами деятельности в разных регионах. Доля её в добавленной стоимости на Севере существенно ниже, чем в среднем по экономике страны: 13 против 27%. При этом в динамике её удельный вес снижается на 3–4%, что вряд ли свидетельствует о росте уважения к людям труда. Отрадно то, что в большинстве рассматриваемых субъектов федерации, кроме Республики Карелии, превышение оплаты труда над среднероссийским значением перекрывает «северное» удорожание, исчисляемое через величину прожиточного минимума.

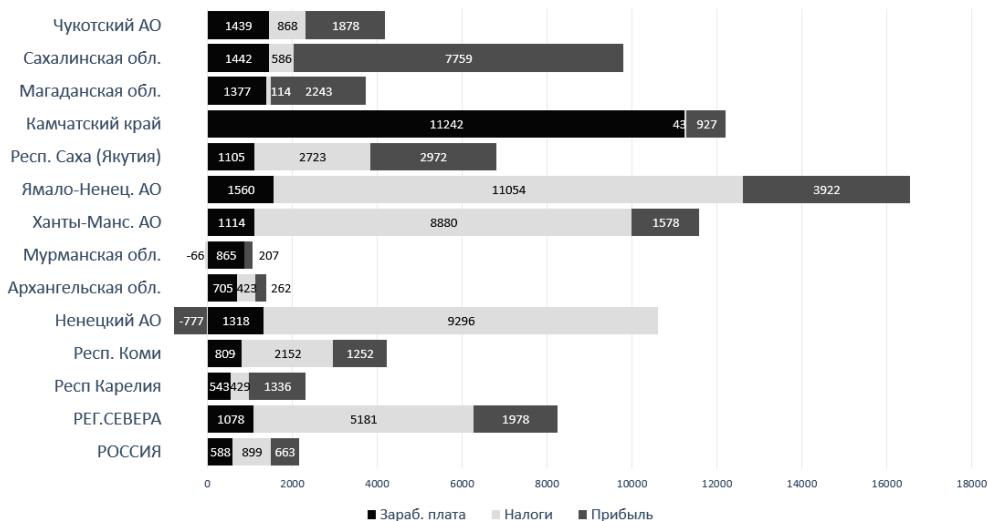

Рис. 1. Соотношение заработной платы, налоговых платежей и сальдированной прибыли на одного занятого в промышленности регионов Севера России в 2019 г. (тыс. руб.)

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>).

Однако, заработная плата как бы неэластична к увеличению доходности отраслей: при очень высоком уровне налогов и прибыли в некоторых регионах (Сахалинской области, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском АО и других), оплата труда в них не столь сильно отличается от других субъектов. Иначе говоря, рентные сверхдоходы большей частью уходят учредителям и в бюджет и лишь в малой степени достаются своим непосредственным создателям.

Ещё один парадокс: заработная плата на Севере выше в силу большей стоимости жизнеобеспечения, но производительность труда, рассчитанная как оборот организаций на одного занятого, в большинстве регионов и видов деятельности уступает среднероссийской. Здесь вскрывается давняя нерешённая проблема: условия производства в этих широтах заведомо менее благоприятны как в силу объективных природно-климатических факторов удорожания, так и по причине возложенных законодательством дополнительных социальных обязательств – более высокого МРОТ, удлинённого отпуска, сокращённой продолжительности рабочей недели для женщин и оплаты проезда к месту отдыха и обратно. Из-за этого в условиях провозглашаемой «свободной конкуренции» без должного государственного регулирования происходит постепенное ослабление предприятий, особенно малого и среднего бизнеса.

Представим также данные в виде графической блок-схемы, где площади фигур примерно пропорциональны финансовым величинам. Рассмотрим три такие картинки (Рис. 2). Представленный рисунок позволяет ещё острее понять огромные отраслевые и пространственные диспропорции в развитии промышленности регионов Севера.

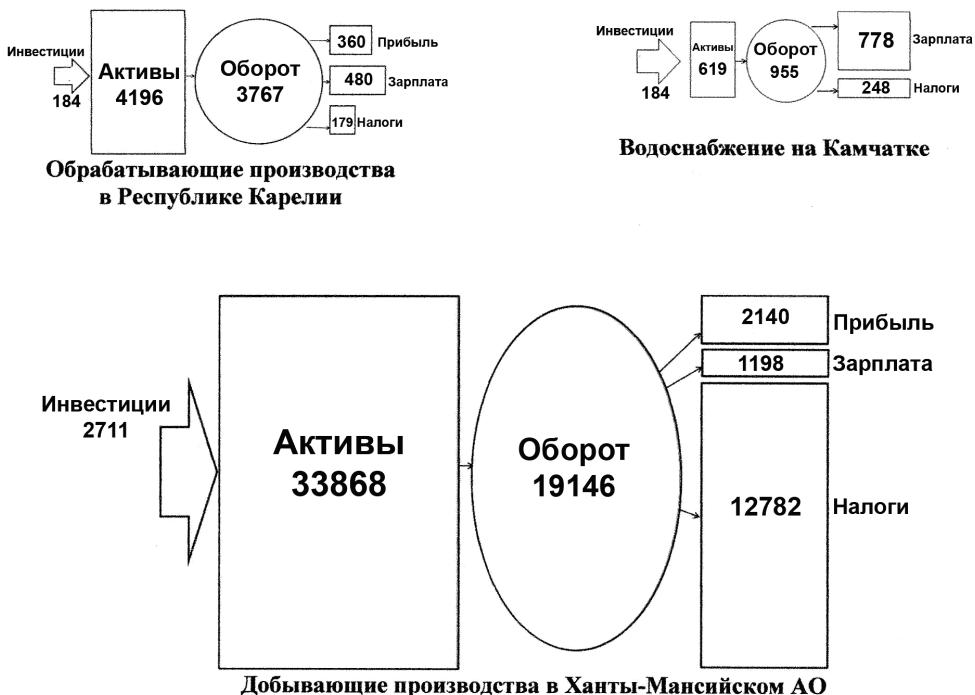

Рис. 2. Основные экономические показатели на одного занятого

в промышленности отдельных регионов Севера России в 2019 г. (тыс. руб.)

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>).

Третий метод – оценка корреляций. В основном взаимосвязи между показателями довольно высоки, что ожидаемо: высокая экономическая активность обычно затрагивает все звенья хозяйственной цепочки (табл. 2). Однако, некоторые пониженные коэффициенты свидетельствуют о некоторых застойных явлениях в деловом организме. Как ни странно, самая нечёткая взаимосвязь – между прибылью и налогами, что можно расценить как несовершенство налоговой системы. Также не очень высокие значения между активами, с одной стороны, и инвестициями и прибылью – с другой. Возможно, многие капиталистические предприятия индустриальной эпохи (например, водоснабжающие), содержащие также значительную социальную инфраструктуру, имеют низкую рентабельность и испытывают недостаток вложений. Также в некоторых субъектах при высоких инвестициях отмечается заниженная величина активов, что может быть связано с регистрацией последних в иных юрисдикциях ради ухода от налогов.

Одной из главных задач статьи являлось обоснование показателя, который бы комплексно характеризовал гомогенность (однородность) хозяйственной системы в разных плоскостях. Полагаем, что таковым может считаться

коэффициент вариации. Поскольку все шесть показателей анализа имеют единую размерность, этот коэффициент был рассчитан нами в трёх аспектах: между показателями, отраслевом и территориальном.

Таблица 2

Сводная таблица коэффициентов корреляции

Показатели	Обороты	Зарплата	Налоги	Инвестиции	Прибыль
Зарплата	0,796	x	x	x	x
Налоги	0,702	0,588	x	x	x
Инвестиции	0,821	0,706	0,626	x	x
Прибыль	0,845	0,708	0,413	0,573	x
Активы	0,677	0,615	0,752	0,427	0,504

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>)

Если говорить о *самых показателях*, то наибольшая неравномерность наблюдается по величине инвестиций на одного занятого, сальниченной прибыли и уплаченным налогам – коэффициент вариации составляет более 100%, но есть некоторая тенденция к сглаживанию. В заработной плате, которая является самым гомогенным показателем (коэффициент вариации 30–40%), идёт, наоборот, конвергенция, т.е. усиление различий в энергетической сфере и в обрабатывающей промышленности. Оборот организаций различается во всё большей степени в добывающих производствах (рост коэффициента с 84 до 91%), в других видах деятельности он сравнительно равномерен.

В *отраслевом разрезе* коэффициент вариации показывает наибольшую и при этом увеличивающуюся цельность в энергетике – в среднем по всем показателям около 80%. Далее следуют добывающие производства – 90%. В обрабатывающих видах деятельности вариация примерно на том же уровне, но неустойчива и имеет склонность к увеличению. Самой же неравномерной отраслью является водоснабжение, где средняя вариация всех показателей превышает 100%, что связано, очевидно, с убытками во многих субъектах.

В *региональном аспекте* средний по всем шести показателям и всем регионам коэффициент вариации возрос за эти годы с 122 до 127%, т.е. расслоение стало чуть больше. По регионам можно выделить три основных типа. Первый – со средним уровнем вариации, коэффициент в которых составляет около 100%. К ним с достаточно стабильными значениями относятся Архангельская область и Ханты-Мансийский АО. Также сюда вошла Карелия, но в ней показатель заметно увеличивается из-за падения инвестиций в обрабатывающие производства в пользу добывающих и резкого увеличения налоговой отдачи в последних. В 2019 г. к этой группе присоединилась Чукотка за счёт, наоборот, благоприятной тенденции: активы и оборот росли в других видах деятельности быстрее, чем в добывающих, из-за чего произошло общее выравнивание.

Вторая группа – территории с довольно высокой однородностью. К ним относятся Камчатский край и Ненецкий АО. В первом из них средний коэффициент вариации наиболее низок из всех и дополнительно снижается с 77 до 74%, причём минимальные расхождения отмечаются по всем параметрам. Добывающие производства здесь развиты довольно слабо и потому не «рас-средоточивают» общую картину. А в Ненецком АО показатель увеличивается и сигнализирует о действительных странностях. Активы в добывающих производствах растут, но декларируется убыток. В обрабатывающих производствах финансовые ресурсы снижаются, а инвестиции в водоснабжении свелись к нулю.

Наконец, третья группа регионов – с наиболее высокой степенью вариации между отраслями промышленности. В Республике Коми, Ямало-Ненецком АО и Магаданской области средний по всем показателям и видам деятельности коэффициент вариации составляет 115–130%, но он стабилен, разнонаправленные тенденции в экономике уравновешивают друг друга. В Мурманской области ситуация требует внимания: сильный рост со 89 до 140%. Причины таковы: возникновение убытка у обрабатывающих предприятий при резком росте прибыли в добывающих, двукратный рост инвестиций в добывающих производствах и энергетике при снижении в обрабатывающих и водоснабжении, вынужденное возмещение из бюджета налогов обрабатывающим предприятиям. В Якутии – показатель самый высокий из всех с дополнительным увеличением: прибыль в добывающих растёт вдвое, в обрабатывающих – на оклонулевой отметке, в энергетике и водоснабжении резко падает, в инвестициях и налогах – похожая картина. На Сахалине средний коэффициент вариации резко снизился со 165 до 138%, но в основном вследствие резкого сокращения показателей в добывающих производствах, что может являться лишь документарным переоформлением активов из-за сторонних интересов. Таким образом, три региона демонстрируют рост экономической разобщённости.

Иллюстрации коэффициента вариации в некоторых регионах приведены на Рис. 3. Считаем, что подобный подход помог бы и самим регионам, и выше-стоящим органам грамотно управлять уровнем экономической целостности.

Ещё один из популярных в современной науке методов – *многомерная кластерная группировка*. В нашем случае она была выполнена в программном продукте RStudio⁴ с использованием языка R⁵ (библиотека cluster) методом Варда (для выбора количества кластеров) и методом k-средних (для непосредственной кластеризации) по квадрату расстояния Евклида. Графики также строились в RStudio с использованием библиотеки ggplot2. В результате довольно чётко выделились три типа хозяйственных систем (Рис. 4).

⁴ URL: <https://www.rstudio.com/>

⁵ URL: <https://www.r-project.org/>

Рис. 3. Изменение коэффициента вариации по отдельным показателям промышленности северных регионов России в 2017–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>).

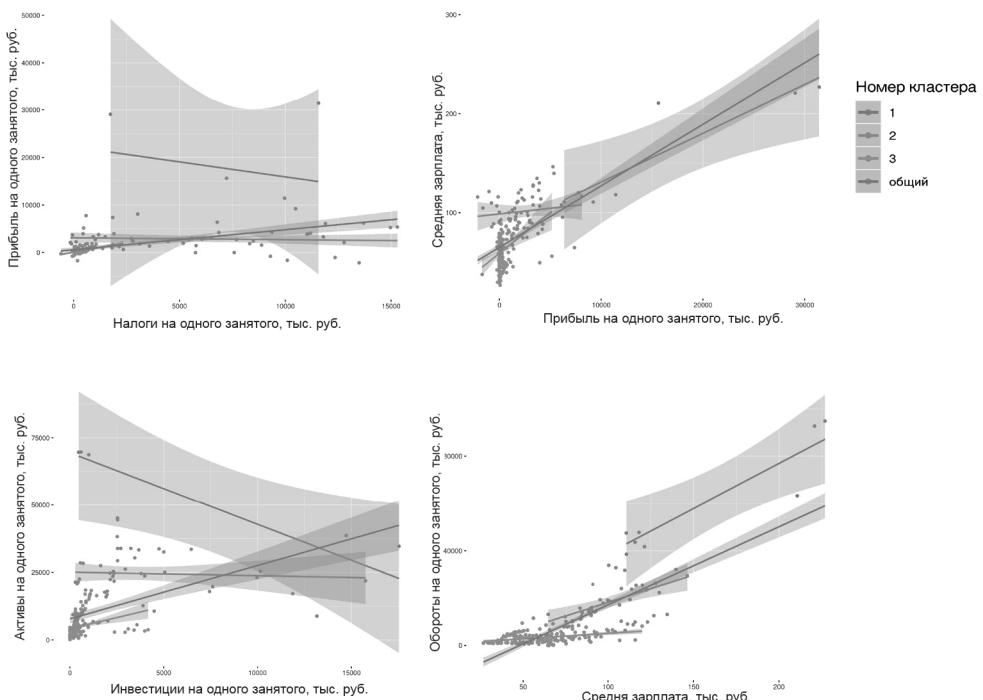

Рис. 4. Кластеры (группы) видов экономической деятельности промышленности северных регионов России в 2017–2019 гг.

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (<http://fedstat.ru>).

В первый вошли добывающие производства Якутии и Сахалинской области. Они характеризуются чрезвычайно высокими значениями по большинству параметров, но налоговая отдача отнюдь не столь велика. По инвестициям Якутия также не в лидерах, но это скорее не минус, а свидетельство

об осуществляемом там переходе от индустриальной к цифровой экономике. Во втором кластере оказались добывающие производства остальных регионов, кроме Камчатского края. Здесь также очевиден весомый фонд природной ренты, наполняющий все хозяйствственные процессы. Но чёткой положительной корреляции между доходностью и пополнением госбюджета всё же нет. В третью группу вошли все остальные виды деятельности. При сравнительно невысоких финансовых значениях, основные корреляции в ней отвечают здравому смыслу. Например, средняя заработная плата зависит в большей степени от оборота предприятий, т.е. от производительности труда, что неплохо. Это значит, что в большей степени повышение благосостояния работников определяется не финансовой политикой менеджеров, а самой продуктивностью работы.

Вместе с тем, столь явная «отделённость» добывающих производств от других отраслей свидетельствует о некотором нездоровье экономической системы, о формировании в ней своеобразного изолированного сектора, ревниво защищающего свои интересы. Со стороны правительства, конечно, эта ситуация трактуется иначе: как «драйвер» всеобщего развития и источник денег для решения социальных задач. Однако думается, что общение между слоями общества должно быть более цельным, не сосредоточенным лишь на финансовых перетоках. Ибо людям для спокойствия и расцветания души важно чувствовать не только «меры поддержки» в виде пособий, но и воспринимать всякую деятельность как общее дело по преображению родной земли.

И действительно, имея лидирующие позиции по отдельным параметрам экономического развития, северные регионы одновременно занимают непривлекательные места в рейтингах алкоголизации, криминогенности, демографического положения и т.п.⁶ Полагаем, что именно ценностная растерянность народа и является главной причиной социальных девиаций, а далее, уже как следствие, и материальных проблем: нищеты, безработицы и т.д. Нами также эмпирически показана описанная Питиримом Сорокиным [26] отрицательная корреляция между отдельными показателями духовно-нравственного состояния народа и уровнем его творческой активности [27].

Впрочем, вопрос о взаимовлиянии экономической и морально-психологической сторон бытия довольно сложен и тонок, требует масштабного углублённого изучения. Пока лишь можно с уверенностью утверждать, что рост денежного благосостояния сам по себе ещё не ведёт к увеличению разумности и ответственности человека.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Итак, развиваемая нами парадигма конкурентоспособности как всеобщего взаимного служения не-проста в изучении и осуществлении. Она требует коренного пересмотра многих устоев современного экономического уклада, а самое главное —

⁶ См., например, Национальный рейтинг трезвости регионов за 2020 г. URL: <http://www.trezyros.ru/calendar/953>

добровольного поворота самого человека от себялюбия к жертвенности. Но мы убеждены, что эта идея в большей степени отвечает высокому человеческому достоинству и потому заслуживает сугубого внимания. Анализ показал искажённость сложившихся хозяйственных отношений, явный отрыв высокорентабельных экспортноориентированных добывающих отраслей от других видов деятельности. Требуется дальнейшее углубление исследований в данном направлении — совершенствование статистики в части открытости первичных данных организаций, развитие методического аппарата межотраслевых и межрегиональных исследований, изучение взаимосвязей материальной и духовной сторон жизни. Вполне возможна и работа с первичной финансовой отчётностью предприятий, что позволит более точно выявлять их направленность на благожелательное сотрудничество или на обособление. Чётких доказательств экономической целесообразности предлагаемых взглядов в данной статье не предполагается, поскольку сама по себе выгода перестаёт при таком подходе быть целью хозяйственной деятельности, но занимает подобающее ей подчинённое положение по отношению к главной задаче — совершенствованию человека.

Литература

1. Портнер М. Конкуренция // М.: Вильямс, 2005. 608 с.
2. Balassa B., Noland M. “Revealed” Comparative Advantage in Japan and the United States // Journal of International Economic Integration, 1989, vol. 4(2). P. 8–22.
3. Haiying S., Fangmiao H., Yixin Y., Zheng H., Can L. An assessment of the international competitiveness of China’s forest products industry // Forest Policy and Economics, 2020, vol. 119. P. 1–8. DOI: 10.1016/j.forepol.2020.102256
4. Власенко Т.И. Комплексная оценка уровня конкурентоспособности отрасли // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2006. № 5. С. 13–18.
5. Павлова С.Ю. Оценка конкурентоспособности отраслей региона на основе расчета показателей специализации // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 183–187.
6. Белоглазова С.А. Выявление хозяйственной специализации регионов ЮФО в контексте кластеризации: развитие методики и актуальные результаты // Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2018. Vol. 8, Is. 11A. С. 148–157.
7. Сафиуллин А.Р. К вопросу методологии оценки региональных конкурентных преимуществ по видам деятельности // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 102–108.
8. Савельева Н.А. Формирование конкурентоспособности в отраслях промышленного производства: теория и методология. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. докт. экон. наук. Ростов-на-Дону. 2005. 48 с.
9. Irfan M., Hao Y., Kumar Panjwani M., Khan D., Ali Chandio A., Heng Li. Competitive assessment of South Asia’s wind power industry: SWOT analysis and value chain combined model // Energy Strategy Reviews, 2020, vol. 32, pp. 1–15. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100540
10. Томпсон А.А., Стрикленд Дж. Стратегический менеджмент // М.: Юнити, 2007. 928 с.
11. Акулич О.В. Методические подходы к оценке конкурентоспособности рыбной отрасли // Baikal Research Journal. 2011. № 2. С. 1–6.

12. Смолейчук И.М. Организационно-экономические основы повышения конкурентоспособности легкой промышленности Дальневосточного региона. Диссертация на соискание уч. степ. докт. эк. Наук // Владивосток. 2003. 48 с.
13. Макаренко Т.Д. Оценка конкурентоспособности субъектов предпринимательской деятельности Забайкальского края // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 3. С. 1–12. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(3).15
14. Вояхянин И.А. Оценка конкурентоспособности лесных комплексов территорий // Проблемы развития территории. 2017. № 2(88). С. 77–91.
15. Даваасурэн А., Кузнецова И.А. Оценка конкурентоспособности отраслей экономики Монголии // Шинжлэх Ухааны Академийн Мэдээ, 2014, № 03(211). С. 60–72. DOI: 10.5564/pmas.v54i3.647
16. Мосейко В.О. Оценка конкурентоспособности регионов: методология, модели, инструменты // Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2013. 89 с.
17. Старикова М.С. Оценка и направления повышения конкурентоспособности отраслей российской промышленности // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова 2016. № 9. С. 199–205.
18. Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах // М.: Книжный мир. 2018. 768 с.
19. Лукин Е.В., Ускова Т.В. Межрегиональное экономическое сотрудничество: состояние, проблемы, перспективы // Вологда: ИСЭРТ РАН. 2016. 148 с.
20. Важенина И.С., Важенин С.Г. Конкурентное сотрудничество территорий в современном экономическом пространстве // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 406–419. DOI: 10.17059/2020-2-6
21. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 5–23.
22. Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. Co-Opetition: A Revolution Mindset That Combines Competition and Cooperation // New York. 1996. 304 р.
23. Лалу Ф. Открывая организации будущего // М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 432 с.
24. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации» // М.: Институт русской цивилизации. 2013. 1072 с.
25. Булгаков С.Н. Философия хозяйства // М.: Институт русской цивилизации. 2009. 464 с.
26. Сорокин П.А. Американская сексуальная революция // М.: Международный институт П. Сорокина–Н. Кондратьева. 2006. 152 с.
27. Стыров М.М. Развитие творческого потенциала северных регионов России через укрепление целостности семьи // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: материалы всероссийской научно-практической конференции (23–24 ноября 2017 г.). В 4 ч. Ч. 1. Ухта: УГТУ, 2018. С. 198–203. 260 с.

Maxim Styrov (e-mail: styrovmm@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,
Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North ,
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russia)

Leonid Nosov (e-mail: nosovvv@yandex.ru)

Ph.D. in physical and mathematical sciences,
Department Head,
Institute of Exact Sciences and Information Technologies,
Pytyrim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)

THE COMPETITIVENESS OF INDUSTRY IN THE NORTHERN REGIONS OF RUSSIA: FROM PROFITS TO PEOPLE

The article presents a new approach to assessing the competitiveness of economic activities. The author proposes a calculation of all the main indicators per employee in order to analyze the internal integrity of the economic system. The homogeneity of economic subsystems is analyzed in a new dynamics through the coefficient of variation in three aspects - interregional, interindustry and between indicators. On the example of the industry of the northern regions of Russia, ultra-high intersectoral and interregional disparities are revealed. The thesis is put forward about the need to overcome the existing problems through the spiritual and moral transformation of managers and employees.

Keywords: man, morality, spirituality, cooperation, competitiveness, region, industry, North.

DOI: 10.31857/S020736760016811-1

© 2021

Алексей Седлов

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: sedlovap@bk.ru)

ДЕФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕШЕВОЙ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ: РЕИММИГРАЦИЯ И ТРУДОВЫЕ СТАНДАРТЫ

В глобальном измерении рассмотрены алгоритмы реиммиграции в странах реципиентах и донорах. Показано, что в России дешевые трудовые ресурсы из стран СНГ являются причиной низкой цены рабочей силы, а реиммиграция не стала точкой отсчета для пересмотра норм минимальных трудовых стандартов и предпочтений национальным кадрам. Отмечено, что реиммиграция усилила дефицит рабочих кадров, а миграционная политика под давлением бизнеса закрепила курс на привлечение дополнительных людских ресурсов из бедных стран ЦА. Предложена методология оценки и произведены расчеты спроса и предложения иностранной рабочей силы на российском рынке труда, учитывающие его конъюнктуру, нелегальную миграцию и возможности замещения иностранцев россиянами.

Ключевые слова: дешевая рабочая сила, деформации рынка труда, реиммиграция, потребность в иностранной рабочей силе, нелегальная миграция, стандарты условий и оплаты труда, приоритеты найма.

DOI: 10.31857/S020736760016810-0

Конец второго десятилетия XXI века ознаменован сменой тренда глобальной интеграции на главенство суверенитетов, политику протекционизма и торговые войны. Для России траектория антиглобализма выразилась в многовекторной конфронтации со странами Западного альянса, в том числе в экономических санкциях, снижении инвестиционной и миграционной активности. Роль аутсайдера с низкой миграционной привлекательностью на европейском и мировом рынках квалифицированного труда проявилась в структуре миграционного баланса, в которой стала преобладать неквалифицированная трудовая миграция из бедных стран СНГ.

Весьма значительная доля неквалифицированного рынка труда породила его деформации, в первую очередь определенные низкой ценой рабочей силы. Дешевые и, как правило, избыточные трудовые ресурсы представляют для бизнеса своеобразную гарантию нормы прибыли при несущественных затратах на средства, оплату и условия труда. Атрибутами этих деформаций являются низкие стандарты трудовых норм, отсутствие заинтересованности работодателя в инновациях и совершенствовании технических средств замены ручного труда.

Пандемия COVID-19 вызвала обратные потоки рабочей силы из богатых развитых стран с наибольшей трудовой иммиграцией в направлении более

бедных стран-доноров. В России процесс реиммиграции породил дефицит неквалифицированного труда и, соответственно, создал уникальный шанс для технологического прорыва в отраслях с большой долей ручного труда. Разумеется, инновационные процессы не одномоментны, они имеют дискретный характер и лаг времени. Однако миграционная политика России, по существу, закрепила сложившиеся деформации, возведя привлечение дешевой рабочей силы из стран ЦА в ранг государственной «догмы» – стратегии, определяющей перспективу.

В условиях новой волны пандемии миграционная политика Правительства направлена на усиление административного ресурса в контакте с лидерами стран СНГ и на торопливый поиск внутренних трудовых ресурсов, способных временно заменить неквалифицированных мигрантов из этих стран.

По-прежнему распространенным явлением остается нелегальная миграция, в том числе за счет граждан СНГ, которые не смогли выехать на родину из-за прерванного воздушного сообщения и которым Указом президента РФ было продлено пребывание в России до 15 июня 2021 года. Очевидно, что рострикционные меры, запланированные по истечении этого срока, могут лишь усугубить наметившийся дефицит рабочих кадров и, по нашему мнению, должны быть дополнены мерами экономического характера, в том числе за счет развернутой системы подбора и профессиональной ориентации мигрантов в странах происхождения, избирательной амнистии нелегалов на территории России, укрепления государственных территориальных служб занятости населения с целью координации этой работы.

Основная цель исследования состоит в оценке масштабов, направлений и последствий реиммиграции, спроса на рынке труда и возможностей новой волны иммиграции из стран СНГ, и, в первую очередь, из стран «большой тройки» (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан). Задачи исследования представлены анализом алгоритмов квалифицированной и массовой реиммиграции, влияния трудовых стандартов на систему распределительных отношений и инновационного развития; оценкой миграционной политики в формате привлечения дешевых трудовых ресурсов; расчетами потребностей в иностранной рабочей силе из стран СНГ с учетом нелегальной миграции.

Для оценки масштабов реиммиграции и этапов восстановления экономики важным представляется верно определить базу для отсчета – показатели иммиграции, предшествующие началу пандемии, в качестве маркеров для сравнения используются данные за 2019 г., некоторые периоды 2020 г., январь–май и июнь 2021 г.

Реиммиграция и изменения институциональных основ рынка труда. Традиционно российская экономика опирается на дешевые материальные и трудовые ресурсы. По мере интеграции России в мировое хозяйство ископаемые природные ресурсы дорожали, трудовые ресурсы длительное время оставались

дешевыми в меру закрытости и слабой миграционной привлекательности российского рынка труда. Особая роль в консервации низких стандартов оплаты труда принадлежит историческому Бишкекскому соглашению о свободном перемещении граждан стран СНГ в пределах Содружества (2001 г.), в соответствии с которым российский рынок труда на долгое время, оказался под давлением избыточной массовой трудовой иммиграции из бедных стран ЦА.

Следствием распространения COVID-19 явилась реиммиграция, которая представляет отток населения, или процесс, обратный иммиграции, сущность которого заключена в возврате населения на родину из стран иммиграции¹. Разумеется, эти перемещения вносят определенный диссонанс в конъюнктуру рынков труда в странах пребывания и происхождения. Так, в период отмены карантина и начала восстановления экономики, чаще возникает дефицит рабочей силы в странах оттока и безработица в стране происхождения.

Однако процессы реиммиграции имеют лаг времени от события и принятия решения до реального трансграничного перемещения индивида. В России, в отличие, большинства развитых стран, в начале карантина процесс реиммиграции был блокирован жестким закрытием границ, в результате которого большинство мигрантов из стран ЦА не смогли вернуться на родину. Ождалось, что армия бедных неустроенных неквалифицированных кадров спровоцирует криминогенную ситуацию во время карантина и усугубит российскую безработицу. Однако ничего подобного не произошло, мигранты адаптировались к условиям быта и эластичного рынка труда.

Вместе с активизацией реиммиграции,² снятием ограничений и началом восстановления экономики, в 40% российских компаний (октябрь 2020 года)³ был отмечен дефицит иностранной рабочей силы. К началу 2021 года, по данным московских властей, численность трудовых мигрантов сократилась на 20%⁴, однако, есть основания полагать, что многие мигранты из стран ЦА остались в России на нелегальном положении, а их численность может недооцениваться.

Наконец, к маю–апрелю 2021 года Правительство РФ зафиксировало существенную нехватку в экономике неквалифицированных кадров, в первую очередь, в связи с отъездом мигрантов из стран СНГ, и обозначило контуры миграционной политики на ближайшую перспективу. В формате экстенсивного развития первый вице-премьер РФ М. Хуснуллин озвучил официальную позицию регулятора, заявив, что для покрытия дефицита рабочей силы на ближайшую перспективу до 2024 потребуется «не менее 5 миллионов

¹ Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов / Учеб. Пособие // М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007.

² К этому времени воздушное сообщение со странами ЦА только начало восстанавливаться.

³ URL: <https://thebell.io/sobyanin-moskva-poteryala-40-migrantovСобянин>

⁴ URL: <https://regnum.ru/news/economy/3225232.html>

трудовых ресурсов»⁵. Предоставленный пандемией шанс использовать дефицит мигрантов для инновационного прорыва, роста зарплат, улучшения условий труда и привлечения национальных кадров (например, в формате национального проекта или стратегии развития) не получил со стороны регулятора должной оценки и адекватных решений.

В который раз в СМИ, в специальных публикациях вновь поднят сакральный вопрос о дилемме использования дешевого труда иностранцев из стран СНГ и местных кадров из числа граждан РФ⁶. Официальная государственная позиция не дает четкого ответа о приоритете национальным кадрам и ограничении труда нерезидентов⁷ и представлена в основном многочисленными поручениями соответствующим органам управления (определение потребностей в иностранцах, ограничения в ряде отраслей, условия предоставления гражданства и др.)⁸.

Либеральная позиция государства дает работодателям основание для решения дилеммы использования труда иностранцев или россиян в пользу дешевого труда мигрантов, что является причиной системных диспропорций российской экономики, которые выражены в низких стандартах условий и оплаты труда, росте безработицы среди национальных кадров, а главное – в консервации низкого технологического уровня производства и услуг.

Согласно теории двойного рынка труда, разработанной американским социологом М. Пире, в развитых странах рынок труда неквалифицированной рабочей силы из бедных стран занимает обособленное положение, определенное низкой заработной платой мигрантов, которая, как правило, не изменяется вместе с движением экономики, оставаясь на прежнем низком уровне [1]. Такое положение определено кратным превышением норм оплаты труда и социальных выплат по безработице в экономике страны-реципиента, а также низким уровнем, сложившимся в ограниченном профессиональном секторе неквалифицированного рынка труда иностранцев.

Использование данной теории в условиях российской экономики встречается как минимум два возражения. Первое определено гораздо более широким отраслевым спектром использования труда мигрантов из бедных стран, а второе – частым пересечением низких заработных плат и пособий по безработице в российской экономике – с оплатой труда мигрантов, которая во многих случаях бывает выше, чем у россиян. В последнее время многие экономисты начинают отмечать сближение заработных плат местных работников и мигрантов в идентичных условиях [2].

⁵ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4869832>

⁶ URL: <https://zen.yandex.ru/media/sberbook/spad-migrantov-rabotu-razdaiut-mestnym-narod-p>

⁷ Вопрос об ограничениях передан в юрисдикцию субъектов Федерации, для них устанавливаются лишь общие квоты.

⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622.

Эти обстоятельства позволяют считать рынок труда иностранной рабочей силы органичной частью рынка труда страны в целом, а следовательно, и низкие стандарты условий и оплаты труда – неотъемлемой частью экономических отношений.

На фоне относительно большой доли низкоквалифицированного мало-производительного труда в экономике России, низкая цена рабочей силы⁹ является причиной перекосов структуры вновь создаваемой стоимости, где в ущерб оплате труда превалируют налоги государству, доходы от собственностии и прибыль работодателя, что не создает условий для развития человеческого потенциала и инноваций¹⁰. В контексте низких стандартов оплаты труда вполне уместны слегка забытые замечания о невыполнении заработной платой функции не только расширенного, но простого воспроизводства. Следствием, логическим продолжением низких социальных стандартов являются существенные различия в крайних децильных группах по оплате труда и весьма существенная доля бедного населения. Так, в России об этом свидетельствуют данные о почти 20 миллионах бедных, доходы которых в 2020 году были ниже прожиточного минимума [3].

В условиях давления иммиграции из бедных стран возможны варианты более приемлемых соотношений оплаты труда и произведенной продукции, которая, однако, часто неконкурентоспособна на мировом и европейском уровнях. В этом контексте дешевый труд мигрантов в экономике России, можно выразить метафорой созвучной с «нефтяной иглой», суть одинакова – дешевые ресурсы позволяют достигать результатов без вложений в человеческий капитал, науку, прогрессивные технологии, цифровизацию, зеленую экономику.

Особенности реиммиграции на российском рынке труда в глобальном измерении. Теория международной миграции основана на экономических законах Э.Г. Равенштайна, который указывает на то, что миграция предполагает императив обратного движения населения [4]. Для настоящей ситуации с пандемией характерно форс-мажорное движение населения в обратном направлении (реиммиграция)¹¹. Всего в мире в 2019 году насчитывалось 272 млн мигрантов. Эти данные определяют масштабы реиммиграции в мире. Сравнения можно провести на основе данных Рис. 1.

Наиболее развитые страны имеют и большую зависимость от иностранной рабочей силы, отток которой грозит диспропорциями на рынке труда как в стране реципиенте, так и в стране-доноре. В «лидерах» стран, с наибольшей иммиграцией оказались США, Германия, Великобритания, Франция,

⁹ В России имеет место непропорционально низкий уровень заработной платы рядовых работников в сравнении с развитыми странами. URL: https://www.rbc.ru/own_business/11/10/2018/5bbdeeb89a7947ababfb36ce

¹⁰ В России национальный доход на душу населения на 54% ниже показателей 10 развитых стран мира. URL: https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/04/issledovanie-ier_dohody-grazhdan.pdf

¹¹ Если этому не препятствуют закрытые границы участников миграционного обмена.

Италия – страны с диверсифицированным составом мигрантов по квалификации и странам происхождения. Рынки труда квалифицированной рабочей силы в развитых странах адаптивны, а мигранты из числа их агентов более вариативны в выборе места проживания, работы и перемещения. Большая часть нерезидентов в этих странах имеет длительные трудовые контракты и демонстрирует выбор в перемещениях (многие имеют возможность остаться в стране пребывания, многие – вернуться по ситуации), а значит, и лучшие возможности возобновить деятельность на рынке труда.

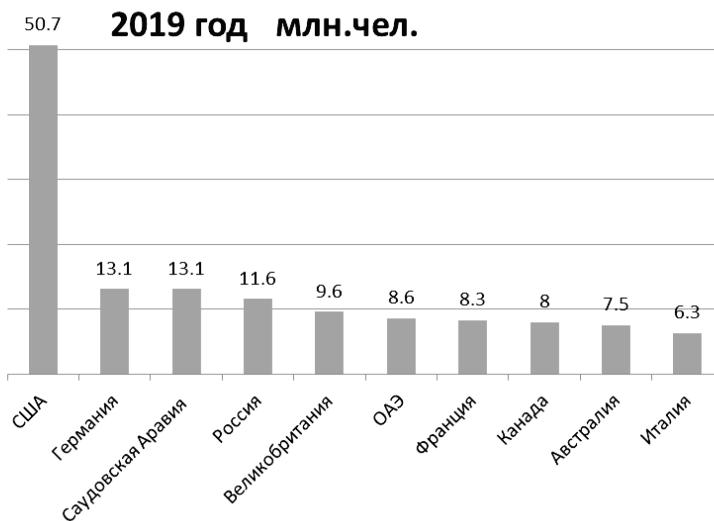

Рис. 1. Десять стран мира с наибольшим числом иммигрантов

Источник: рассчитано на основе United Nations, Department of Economic and Social Affairs; Population Division (2019); International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019); Workbook: UN_MigrantStockTotal_2019.xlsx.

Меньшие значения и распространение квалифицированная иностранная рабочая сила получила в странах с локальным характером массовой миграции с бедными странами региона: в Саудовской Аравии, России, Объединенных Арабских Эмиратах. Очевидно, что трансграничное перемещение большого количества мигрантов в бедные страны происхождения представляет значительные трудности (отсутствие средств, прерванное регулярное воздушное сообщение, отсутствие жилья и заработка в стране пребывания). Однако, бедные мигранты демонстрируют высокую степень адаптивности на рынках труда стран пребывания, которая определена эластичностью неформальной занятости.

Вектор реиммиграции отражает движение населения из богатых стран пребывания в бедные страны происхождения¹², имеющее следствием волнообразное распространение вируса. Так, на европейском пространстве страны СНГ

¹² Разумеется, линейной зависимости быть не может – это общая направленность.

во главе с Россией получили COVID-19 в последнюю очередь, после форс-мажорного возвращения граждан из стран Западной и Восточной Европы [5]. Разумеется, что вернувшиеся из трудовой эмиграции по большей части вливаются в трудовой потенциал страны происхождения.

Россия в настоящее время находится в переходном состоянии от положительного миграционного баланса, характерного для стран принимающих, к отрицательному, имеющему место в странах-донорах [6]. Точка равновесия, когда число въезжающих в страну равно числу из нее выезжающих, Россией еще не пройдена¹³, однако используя терминологию американского социолога Э. Ли, миграционное притяжение современной России можно определить доминантой «факторов выталкивающих» над «факторами притягивающими» [7], более характерной для бедных стран с большим населением.

Россия имеет давние традиции иммиграции из бедных стран региона [8] и на европейском рынке квалифицированного труда стабильно занимает положение аутсайдера. Продолжающееся снижение иммиграции из развитых стран определяет существенные диспропорции. Так, в России удельный вес неквалифицированной трудовой иммиграции составляет около 90%, в развитых странах эта категория мигрантов примерно в равных долях делит рынок труда нерезидентов с квалифицированными кадрами [9]. В общем совокупном международном обмене России более 75% участников представляют страны, не входящие в число развитых. Потенциал реэмиграции в Россию в период пандемии COVID-19 определен стартовыми позициями эмиграции в других странах мира [10].

На Рис. 2 представлены страны-доноры потенциального возврата соотечественников, причиной которого является пандемия COVID-19. В первую очередь это страны СНГ: Украина, Казахстан и Узбекистан. Однако лаг времени от принятия мигрантом решения о возвращении в страну до стадии его реального перемещения, а также более позднее распространение в этих странах коронавируса дают основание для оценок реально вернувшихся в значительно меньших масштабах, чем ранее эмигрировавших. Возможно, часть мигрантов вернется позже, часть останется или перейдет на нелегальное положение.

Вернувшиеся в Россию способны пополнить рынок труда востребованными рабочими кадрами и квалифицированными работниками. К этой потенциальной «форс-мажорной прибавке» трудоспособных в прогнозных расчетах можно виртуально присоединить временную остановку «утечки умов» – квалифицированных работников, ученых, представителей творческих профессий, не уехавших за рубеж из-за прерванного воздушного сообщения и ограничений в экономике. Разумеется, что открытие границ, будет способствовать восстановлению сложившихся ранее пропорций, которые могут меняться соразмерно смене условий в странах въезда и выезда.

¹³ С 2017 года отмечена тенденция роста выезжающих из страны при сокращении числа лиц в нее въезжающих.

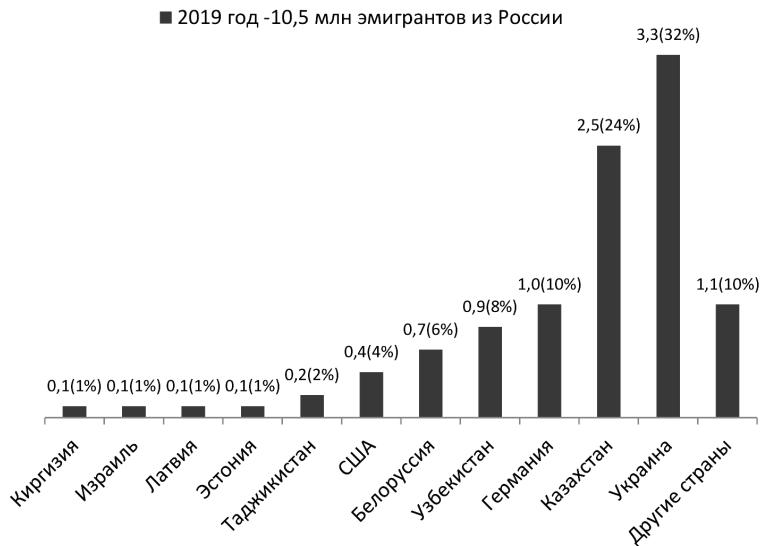

Рис. 2. Распределение эмигрантов из России по странам пребывания
(человек и % к общему числу эмигрантов из страны)

Источник: Рассчитано на основе United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division (2019); International Migrant Stock 2019 (United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2019); Workbook: UN_MigrantStockByOriginAndDestination_2019.xlsx.

Оценка потребностей в иностранной рабочей силе. По некоторым источникам можно предположить, что в начальный период подавляющее большинство нерезидентов из развитых стран покинули Россию. В то же время большинство мигрантов из стран большой тройки (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан), основных доноров неквалифицированной рабочей силы в Россию, остались в России (возможно, с учетом нелегалов около 7 миллионов). К началу осени 2020 года из этих 7 млн мигрантов из России выехали лишь сотни тысяч, возможно 5–10%¹⁴. Однако, на начало второго квартала 2021 года страну покинули уже порядка 20% выходцев из стран СНГ¹⁵. По словам заместителя мэра Москвы, на начало второго квартала 2021 года нехватка мигрантов в городе составила 300 тысяч человек¹⁶.

В 2021 году получили развитие крупные инфраструктурные проекты (строительство жилья нового 340 километрового участка БАМа, скоростных автотрасс, благоустройство городских территорий, капитальный ремонт ветхого жилья и другие). Дефицит работников, потенциально необходимых для освоения новых инфраструктурных проектов оценивается в 1 млн человек¹⁷.

¹⁴ Такие оценки приведены на основе мониторинга данных о воздушных перевозках, полулегальных перемещениях через границу Казахстана, выбытия в третьи страны.

¹⁵ URL: <https://regnum.ru/news/economy/3225232.html>

¹⁶ URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/06/03/13619528.shtml>

¹⁷ Вице-премьер правительства РФ М. Хуснуллин в интервью RTVI на полях ПМЭФ. URL: <https://newssearch.yandex.ru/news/search?text=ввоз+мигрантов>

Национальный проект «Жилье и городская среда», предполагает строительство 120 млн кв м к 2024 году (плюс 30% к 2018 году). Минстрой в мае 2021 года сообщает о нехватке в отрасли 300 тысяч иностранцев, в Москве на строительных площадках неукомплектованность рабочими кадрами достигает 50%¹⁸. При этом крупные строительные компании не рассматривают варианты роста заработной платы и снижения рентабельности, аргументируя это и без того высокой стоимостью жилья на первичном рынке, которая в сравнении с прошлым годом увеличилась на 12,5%¹⁹. Кроме того, пандемия привела к естественному росту себестоимости за счет «приобретения санитайзеров и тестов на COVID-19²⁰». Этими данными бизнес транслирует, что замена, даже частичная, мигрантов на россиян, приведет к удорожанию услуги, а завершение программы льготной ипотеки, в контексте падения спроса, не позволит выполнить программу строительства, которая уже перенесена с 2024 на 2030 год²¹.

Отвечая на запросы бизнеса, правительство «рассматривает вопрос об упрощенном завозе мигрантов и их вакцинации»²². В контексте нашего исследования важно отметить, что трудовая иммиграция из стран ЦА должна осуществляться на принципах оргнabora, для чего в странах-донорах предстоит организовать специализированные центры, в задачи которых входит подбор, профориентация и профподготовка соискателей рабочих мест в России. Однако прежде предстоит решить вопрос о возобновлении транспортного сообщения между странами-участницами миграционного обмена, прерванного распространением эпидемии. Предстоит принять во внимание факты новых вспышек COVID-19 в странах и необходимую вакцинацию мигрантов в Россию. Эти вопросы стали предметом недавней встречи Президента РФ В. Путина с главами стран «большой тройки»²³.

Дефицит кадров отмечен *в сезонных отраслях*: так, ежегодная потребность агросектора в мигрантах оценивается в 100 тысяч человек²⁴. Однако, закрытие границ не позволило нерезидентам в 2020 году заполнить эти вакансии, по крайней мере на легальном рынке труда, из-за чего было потеряно 20% урожая²⁵. Частично дефицит рабочих кадров в сельском хозяйстве был покрыт гражданами РФ, в основном из числа безработных и студентов²⁶.

Очевидно, что потребности АПК в иностранной рабочей силе в 2021 году не могут быть удовлетворены, что непременно приведет к удорожанию продукции отрасли. Так, уже значительно сокращены посадки ягод, в меньшей

¹⁸ Там же.

¹⁹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4568024>

²⁰ URL: <https://svpressa.ru/realty/article/285686/>

²¹ Там же.

²² RBK.RU, 7 июня 2021.

²³ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4818553>

²⁴ Журнал «агроинвестор», июнь 2021

²⁵ Там же.

²⁶ Например, в Астраханской области около 7 тысяч безработных и студентов были заняты на уборке овощей и других сельхозработах.

мере овощей и фруктов. Теперь мигрантов предстоит завозить на уборку урожая. На совещании, проведенном в середине июня 2021 года в Минсельхозе, были приведены реальные заявки на завоз 38,2 тыс. мигрантов²⁷. Такое количество мигрантов из Таджикистана и Узбекистана предполагается завезти на основе договоров с РЖД. При этом были отклонены варианты оплаты их завоза воздушным транспортом (80 тыс. руб. за одного работника), в то время как по железной дороге – 12,5 тыс. руб.²⁸

Представляет интерес оценки *возможности замещения мигрантов гражданами России*. Так, в начальный период пандемии COVID-19 в результате международной реиммиграции российский рынок труда примерно в равных долях ощутил отток и приток рабочей силы. Официальная статистика не дает четкого представления о масштабах этих процессов. Так, московские власти утверждают, что до 40% мигрантов покинули Россию²⁹. Нет единства в оценках экспертов и специалистов: работу потерял каждый второй, но никто не платит возвращаться домой [11].

Вероятно, большая часть мигрантов из стран СНГ, которые не смогли покинуть Россию, находится в серой зоне занятости. Тем не менее, бизнес, желающий добиться более выгодных условий использования труда нерезидентов³⁰, на площадках обсуждения с государством «правил игры» заявляет о дефиците иностранной рабочей силы.

Представляется, что ни властные структуры, ни бизнес и представители научного сообщества не рассматривают категорию российских реиммигрантов в качестве реальных соискателей рабочих мест в ЖКХ, на стройках, прочих непривлекательных работах. Прежде всего, вернувшись в Россию имеют иные профессии. Главное состоит в том, что менталитет и недооцененные статистикой доходы большей части российских граждан титульной нации, усиленные угрозой заражения, лежат в основе *нежелания занимать непрестижные рабочие места в ЖКХ, на стройках и сельхозработах*. При этом подчеркнем еще раз, что пересечения возможны и имеют место.

Выявляемый, по мере восстановления экономики России, дефицит кадров на тяжелых физических работах заставляет искать дополнительные альтернативные труду мигрантов из бедных стран источники внутри страны. В этом направлении Правительство России рассматривает предложения ФСИН по использованию труда заключенных. Оставляя в стороне вопросы исторической памяти и эффективности принудительного труда, укажем на тот факт, что максимальная численность контингента осужденных, труд которых может

²⁷ У трудовой миграции начинается агония. Газета Коммерсант №103 от 18.06. 202, стр. 1.

²⁸ Там же.

²⁹ С.С. Собянин: URL: <https://tass.ru/obschestvo/9747737>; URL: <https://tass.ru/obschestvo/9747737>

³⁰ Налоги на использование труда нерезидентов, штрафы за нелегалов довольно высоки. Вся политика государства, в отношении внешней миграции, в большей мере основана на полицейских методах учета и контроля, чем на экономических законах.

быть использован в контексте необходимых ограничений, составляет 188 тыс. чел.³¹ В настоящий момент строительство нового участка БАМа, осуществляют железнодорожные войска, в остальных случаях *привлечение россиян требует новых стандартов условий и оплаты труда*.

Анализируя спрос и предложение на рынке труда дешевой рабочей силы, нельзя оставить без внимания весьма существенные масштабы *нелегальной трудовой миграции*, представители которой трудятся без патентов или находятся вне сферы договорных отношений. Так, по официальным данным МВД РФ численность нелегалов из стран СНГ составляет свыше 1 млн человек, которые представлены по странам в порядке убывания: Узбекистан – свыше 332 тыс. чел.; Таджикистан – 247; Украина – 152; Азербайджан – 120; Киргизия – 115; Армения – 61; Молдавия – 56; Казахстан – 49³². Представленная последовательность в целом соответствует рейтингу представительства стран СНГ в миграционной палитре России, что определено численностью их населения и степенью отставания доходов граждан страны-донора от российских показателей. Весьма важным представляется отметить, что практически все нелегалы, находящиеся на территории России, заняты в экономике, поэтому их депортация может усилить дефицит рабочих кадров в экономике страны.

Официальная позиция в отношении нелегальных мигрантов дана в контексте внесенных в середине декабря 2020 года дополнений в Указ Президента РФ, в соответствии с которым, в связи с пандемией, мигранты могли временно находиться на территории РФ до 15 июня 2021 года³³. До истечения этого срока все нелегальные мигранты должны покинуть территорию России. Вместе с тем, очевидно, что их реиммиграция сдерживается трудностями восстановления транспортного сообщения между странами-участницами миграционного обмена, решить которые в полном объеме в ближайшее время не представляется возможным. С 16 июня 2021 года Указом Президента РФ от 15.06.21 г. № 364 в очередной раз были продлены сроки пребывания иностранцев на территории РФ. При этом для граждан, не имевших оснований для пребывания в РФ до 15 марта 2021 года, предусмотрена возможность пребывания до 30 сентября 2021 года по заявлению в МВД об урегулировании их правового положения. Очевидно, что эту меру следует рассматривать как шаг на пути к их легализации или депортации на родину.

В мировой и отечественной практике миграционной политики известен способ их легализации – *амнистия*, которая позволяет сократить расходы на депортацию и другие меры рестрикционного характера, обеспечив при этом возможность включения труда нелегалов в сферу налогового регулирования. Очевидно, что часть нелегальных мигрантов работает, находясь вне сферы

³¹ И вновь срока огромные идут в работы длинные. Газета Коммерсант, № 85 от 21.05.2021, стр. 4.

³² URL: https://1prime.ru/state_regulation/20210416/833482597.html

³³ URL: <https://rg.ru/2021/06/15/komu-iz-inostrancev-mozhno-ostatsia-v-rossii-posle-15-iiunia.html>

договорных отношений, налогового регулирования³⁴, часть занята криминальным бизнесом и полулегальной деятельностью, часть предпочитает временные и сезонные работы на строительстве дач, ремонте квартир, сельхозработах, предоставлении мелких услуг населению, которые трудно включить в сферу государственного регулирования. Исключая криминальную, вся эта деятельность требует экономической организации, практика же свидетельствует о том, что миграционная служба, находясь в ведении МВД, в большей мере нацелена на контроль с целью выявления нарушений.

Нелегальную миграцию можно рассматривать как неотъемлемую составляющую экономических отношений, которая, с одной стороны, создает неучтеннюю часть ВВП, национального дохода, но с другой, в формате не уплаченных в бюджет налогов, представляет коррупционную ренту теневого бизнеса и контролирующих правоохранительных органов. Легализация позволит перевести часть незаконной ренты в бюджет, может изменить структуру занятости нерезидентов, однако реально не снизит дефицит иностранной рабочей силы на рынке труда.

Используя приведенные статистические данные, оценки экспертов и запросы бизнеса, реальный *совокупный спрос на трудовую иммиграцию из стран СНГ* на второе полугодие 2021 г. составит около 8,0 млн чел. Примерный расчет можно представить суммой трех категорий иностранных работников из стран СНГ:

- находящихся в России на легальном положении – 5,5 млн чел.;
- находящихся на нелегальном положении и в серой зоне экономики – около 1,5 млн чел.;
- работников, потенциально необходимых для сезонных работ и освоения новых инфраструктурных проектов – около 1,0 млн чел.

Следует отметить, что 1 млн человек могут быть привлечены в текущем году при благоприятной транспортной компоненте, реализации политических договоренностей между странами-участниками миграционного обмена и реальном наличии соискателей российских рабочих мест в странах ЦА. Специального рассмотрения требует проблема оценки трудового потенциала иммиграции в Россию из стран ЦА. Однако, амбициозная задача привлечь не менее 5 млн человек до 2024 года (даже с учетом мобилизации российских пенсионеров и заключенных) представляется нереальной, что в очередной раз ставит перед регулятором вопросы поиска возможностей для интенсивного развития экономики России.

Стандарты найма и условий труда. В период восстановления экономики в условиях безработицы и снижения доходов населения усиливаются основания для конкурентных пересечений мигрантов и местных работников,

³⁴ Однако возможно и иное толкование. Мигрант переходит на нелегальное положение, когда у него закончился срок легального пребывания в стране и трудовые отношения выходят из сферы налогового регулирования. Этую категорию значительно легче подсчитать.

которые требуют защиты на рынке труда. Вместе с тем дополнительный импульс получает и главный мотив предпринимателей – экономическая целесообразность найма дешевой рабочей силы. Очевидно, что в период антиковидных ограничений работодатели чаще будут отдавать предпочтение мигрантам, которые в связи с пандемией будут более сковорчивы при выборе условий и места работы. Императивы прибыли и экономии на дешевом труде гастарбайтеров являются главной причиной консервации в российской экономике низкой заработной платы и плохих условий труда.

На условия труда, пандемия оказывает влияние в двух направлениях, которые определяют потребности в иностранной рабочей силе. Первое, переход большей части условий труда в зону риска, и второе, создание безлюдных технологий и производство роботов, вытесняющих человека из процесса труда. В российских реалиях оба направления рассматриваются бизнесом в контексте увеличения потребностей в иностранной рабочей силе.

В условиях пандемии особую значимость приобретает готовность мигрантов к работе в экстремальных условиях труда. Эти трудовые установки соискателей рабочих мест отмечены в сфере строительства, такси, розничной торговле, клининге.

Практика показывает, что система запретов на использование и ограничение труда мигрантов не способствует улучшению условий труда и провоцирует нелегальную занятость. Представляется, что основным рычагом воздействия общества на бизнес при найме работников является механизм, основанный на разработке соответствующих стандартов условий, оплаты труда и защиты от коронавируса. Очевидно, что риски заражений могут быть снижены за счет не только элементарных средств защиты (дезинфекция, маски, перчатки, антисептики и т.д.), но и инженерных решений (вентиляции, новых покрытий контактных поверхностей, организации процессов обслуживания, исключающих нежелательные контакты и др.). Главным в механизме стандартизации, являются ограничения, регламентирующие рамочные решения о начале и условиях работы предприятий и организаций в условиях пандемии COVID-19.

Государство, в значительной мере, устранилось от вопросов условий и оплаты труда, чаще становясь партнером бизнеса, нежели его регулятором. Давно требуют радикального решения низкие значения минимальной оплаты труда и минимального пособия по безработице, которые значительно ниже заработной платы трудовых мигрантов, а предписанные работодателю обязательные предпочтения местным соискателям и вовсе остаются «за кадром». Российские профсоюзы в условиях либерализации трудовых отношений в должной мере не способны стать достойным оппонентом работодателям и представлять интересы работников в многоуровневой системе трехсторонних отношений, которые по-прежнему являются единственным реальным механизмом их регулирования.

Алгоритмы безопасности и ответственности за заражение COVID-19, а также предоставления преимуществ местным кадрам, могут быть приняты за основу трехсторонних *тарифных соглашений* о работе после карантина. На соответствующих уровнях взаимодействия работодателя и профсоюзов (Российская Трехсторонняя Комиссия, отраслевые тарифные соглашения, коллективные договоры, индивидуальные трудовые контракты) администрация гарантирует условия труда, а работник – выполнение соответствующих требований. Разумеется, требования и ответственность должны быть обеспечены разработкой соответствующей отраслевой нормативной базы условий труда, методиками и рекомендациями по организации и оплате труда в условиях возможности заражения COVID-19.

В контексте жестких ограничений регламентируется деятельность отраслей, чрезмерная активность которых лежит в основе угрозы новой волны заражения (туристический и ресторанный бизнес, воздушные перевозки, театры, фитнес-клубы, спортивные мероприятия и сфера развлечений). Предприятия этих отраслей требуют жесткого регламента со стороны государства (санитарные нормы, социальная дистанция потребителей услуг, ограничение часов работы и др.) и значительных затрат на обеспечение противоэпидемических мер, однако, не являются приоритетными для использования труда мигрантов.

В ответ на угрозу заражения многие развитые страны ускорили освоение и внедрение новых технологий производства, обслуживания населения, исключающих непосредственные контакты персонала и клиентов. Налажено производство и использование беспилотных такси, дронов для доставки товаров, роботов для уборки и дезинфекции помещений. В российских реалиях заказ бизнеса на новации рассматривается в контексте низкой цены живого труда, особенно мигрантов из стран СНГ. В значительной мере этому способствует слабый контроль государства за использованием труда мигрантов, введением нормативов и стандартов средств защиты, безлюдных технологий.

Следует констатировать, что в период выхода из карантина дешевый труд мигрантов оказывает на российскую экономику разнонаправленное воздействие. С одной стороны, он способствует низким стандартам условий и оплаты труда, с другой – компенсирует повышенные затраты на защиту от COVID-19 и низкую рентабельность, являясь своеобразным амортизатором рассогласованности экономической выгоды предпринимателей и здоровья наемных работников.

Выводы и предложения:

1. Ресурсный (затратный) характер реальной экономики России на фоне западных санкций и ее технологического отставания закрепляет гипертрофированный спрос на дешевый физический труд в ряде трудоемких отраслей (строительство, ЖКХ и городское хозяйство, дорожные и сезонные работы, агросектор, транспорт и др.).

2. Дешевая рабочая сила для работодателя представляет своеобразную индульгенцию на получение гарантированной нормы прибыли при относительно низких затратах на оплату, средства и условия труда, а для государства – гарантию выполнения важных инфраструктурных проектов и налоговых поступлений в бюджет.

3. Сформированная в до-ковидный период низкая цена рабочей силы не создает условий для развития человеческого потенциала и деформирует систему распределительных отношений, в полной мере не обеспечивая воспроизводственную функцию заработной платы и являясь причиной бедности населения.

4. Вызванная пандемией реиммиграция сменила избыток дешевой рабочей силы из стран СНГ на их дефицит, создав условия для инноваций и пересмотра низких стандартов использования рабочей силы. Вместе с тем, государственная миграционная политика делает акцент на административных мерах по привлечению дешевой рабочей силы из стран ЦА («большой тройки»).

5. Попытки правительства в форс-мажорном режиме заменить россиянами мигрантов, занятых неквалифицированным и непrestижным трудом, не имеют экономической базы и не могут рассматриваться как долговременное решение (привлечение неработающих пенсионеров, труд заключенных, ж/д войска). Исключение могут составлять общественные оплачиваемые работы в сельском хозяйстве и на благоустройстве территорий.

6. Дополнение рестрикционных мер, в отношении мигрантов из бедных стран, экономическими (изучение спроса и предложения, оргнабор через специализированные центры, амнистия нелегалов) позволят снизить расходы на подбор соискателей, депортацию нарушителей и направить в бюджет часть теневой ренты от использования труда нелегальных мигрантов.

7. Представляется, что на среднесрочную и долгосрочную перспективу целесообразно уменьшить зависимость от дешевой иностранной рабочей силы. Регулятору предстоит принять важные решения по улучшению условий и оплаты труда в контексте программ, проектов инновационного развития отраслей экономики, традиционно ориентированных на массовую иммиграцию из бедных стран ЦА.

Литература

1. *Piore M. Birds of passage. Migrant labor and industrial societies // New York: Cambridge University Press. 1979.*
2. *Denisenko M., Chernina E. Labor migration and migrant earnings in Russia. Voprosy Ekonomiki. 2017;(3):40-57. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-40-57>*
3. *Кубшин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. Проблема бедности в Российской Федерации в социально-профессиональном и региональном аспектах в условиях пандемии // Общество и экономика. 2021. № 3. С. 65.*
4. *Ravenstein E.G. The Laws of Migration /Journal of the Statistical Society of London, Vol. 48, No. 2. (June, 1885). P. 167–235.*
5. *Седлов А.П. Императивы европейских миграционных процессов // Общество и экономика. 2019. № 9. С. 67.*

6. Седлов А.П. Миграция населения и пандемия COVID-19: исторические маркеры и императивы в международных сравнениях // Общество и экономика. 2010. № 11. С. 109.
7. Lee E.S. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3(1).
8. Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. (изд.) Новый энциклопедический словарь // Изд-во Ст.-Петербург. 1914. Том 18. С. 491.
9. Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. №1(37). С. 187.
10. Шербакова Е.М. Международная миграция по оценкам ООН 2019 года // Демоскоп Weekly. 2019. № 835-836. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0835/barom01.php>, рис. 17.
11. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Трудовая миграция во время коронакризиса [Электронный ресурс] // Эконс. Экономический разговор [веб-сайт] – 2020. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/trudovaya-migratsiya-vo-vremya-koronakrizisa/>

Alexey Sedlov (e-mail: sedlovap@bk.ru)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Institute of Economics of RAS (Moscow, Russia)

DEFORMATIONS OF THE RUSSIAN LABOR MARKET IN THE CONTEXT OF THE USE OF CHEAP FOREIGN LABOUR: RE-IMMIGRATION AND LABOR STANDARDS

The algorithms of re-immigration in recipient and donor countries are considered by the author in the global context. The author maintains that in Russia cheap labor resources from the CIS countries are the reason for the low price of labor, and re-immigration has not become a starting point for the revision of the norms of minimum labor standards and preferences for national personnel. It is noted that re-immigration has increased the shortage of workers, and the migration policy, under the pressure of business, has fixed the course towards attracting additional working hands from the poor countries of Central Asia. The assessment methodology is proposed and calculations of the demand and supply of foreign labor in the Russian labor market are made, taking into account its conjuncture, illegal migration and the possibility of replacing foreigners with Russians.

Keywords: cheap labor, labor market deformations, re-immigration, the need for foreign labor, illegal migration, standards of working conditions and remuneration, hiring priorities.

DOI: 10.31857/S020736760016810-0

Сергей Михневич

доктор экономических наук, Институт экономики Национальной академии наук

Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь)

(e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: БЛАГО ИЛИ ВЫЗОВ?

В статье на основе статистических данных исследуется поведение основных макроэкономических показателей у одиннадцати стран, присоединившихся к Всемирной торговой организации в период с 1996 г. по 2008 г.

В группу стран для настоящего исследования были включены Болгария, Монголия, Кыргызстан, Латвия, Эстония, Грузия, Литва, Молдова, Армения, Вьетнам, Украина (располагаются в порядке очередности их присоединения к ВТО). Главной целью исследования было увидеть объективную картину того, как факт присоединения страны к многосторонней торговой системе повлиял на её экономическое развитие.

Группу исследуемых макроэкономических показателей составили: валовой внутренний продукт на душу населения; экспорт товаров и услуг; приток прямых иностранных инвестиций; уровень инфляции; уровень безработицы; объем золотовалютных резервов.

Исследования показали, что присоединение к многосторонней торговой системе ГATT/ВТО не влекло ярко выраженных негативных последствия для процессов развития ни для одной из изученных стран. Такие макроэкономические показатели, как валовой внутренний продукт на душу населения, объем привлечения прямых иностранных инвестиций, объем экспорта товаров и услуг, объем золотовалютных резервов, имели тенденцию роста у всех изученных в статье государств.

Показатели уровня безработицы и инфляции были менее стабильны, однако главными причинами их переменчивого поведения являлись, прежде всего, негативные явления, происходившие в мировой экономике, а также внутриполитические события, имевшие место в некоторых из стран.

Ключевые слова: Всемирная торговая организация, многосторонняя торговая система, полноправное участие в ВТО, макроэкономические показатели, тенденции развития.

DOI: 10.31857/S020736760016812-2

Присоединение к многосторонней торговой системе ГATT/ВТО¹ стран бывшего социалистического сообщества, включая страны, образовавшиеся

¹ Многосторонняя торговая система ГATT/ВТО (или многосторонняя система регулирования международных торгово-экономических отношений) – это глобальная правовая система регулирования торговли, основными элементами которой являются:

– многосторонние соглашения по торговле товарами, особое место среди которых занимает Генеральное соглашение по тарифам и торговле;

– Генеральное соглашение по торговле услугами, призванное регулировать на основе принципа недискриминации, режима наибольшего благоприятствования и национального режима такую динамично развивающуюся отрасль мировой экономики, как услуги;

– Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, которое определяет пределы применимости основополагающих принципов ГATT к правам интеллектуальной собственности.

в результате распада Советского Союза, проходило в целом стандартно. Вместе с тем, имели место случаи, когда некоторые из этих стран устанавливали своеобразные рекорды или по скорости присоединения (Киргизстан), или по количеству проведенных заседаний Рабочей группы (Грузия). На фоне такого развития событий формировались не всегда объективные мнения, суть которых заключается в том, что многие из упомянутой группы стран по итогам присоединения к Всемирной торговой организации² (ВТО) взяли на себя завышенные обязательства, вследствие чего полноправное участие в многосторонней торговой системе негативно сказалось на экономическом развитии этих стран. Так ли это на самом деле?

В группу рассматриваемых в статье государств включены Болгария, Монголия, Киргизстан, Латвия, Эстония, Грузия, Литва, Молдова, Армения, Вьетнам, Украина (располагаются в порядке очередности их присоединения к ВТО).

Следует напомнить, что другие страны бывшего социалистического блока, такие как, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния, Куба, фактически являются соучредителями ВТО, поскольку они были Договаривающимися Сторонами Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), на основе которого и создавалась новая Организация.

Россия, Казахстан, Таджикистан присоединились к ВТО на более позднем этапе, поэтому не включены в настоящее исследование. Азербайджан, Беларусь, Узбекистан, Туркменистан находятся на пути присоединения.

Вначале обратим внимание на некоторые важные факты, отраженные в итоговых документах о присоединении рассматриваемых стран к многосторонней торговой системе.

Болгария. Рабочая группа по присоединению Болгарии к ГАТТ была образована 20 февраля 1990 г. Первое ее заседание состоялось 15–16 июля 1991 г. Всего в рамках процесса присоединения Болгарии к ГАТТ/ВТО состоялось восемь официальных заседаний Рабочей группы.

2 октября 1996 г. Генеральный совет³ ВТО принял решение о том, что Болгария может присоединиться к ВТО на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией итоговых документов, 1 декабря 1996 г. Болгария стала полноправным участником ВТО [1]. Таким образом, процесс присоединения Болгарии длился более шести с половиной лет.

Монголия. Рабочая группа по присоединению Монголии к многосторонней торговой системе была образована 8 октября 1991 г. Первое ее заседание состоялось 3–4 июня 1993 г. В рамках процесса присоединения Монголии к ГАТТ/ВТО состоялось пять официальных заседаний Рабочей группы.

² Всемирная торговая организация начала функционировать с 1 января 1995 г.

³ Генеральный совет является исполнительным органом ВТО, который созывается по мере необходимости.

18 июля 1996 г. Генеральный совет ВТО принял решение о том, что Монголия может присоединиться к ВТО на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией документов о присоединении, 29 января 1997 г. Монголия стала полноправным членом ВТО [2]. Процесс присоединения этой страны длился пять лет и три месяца.

Кыргызстан. Присоединение Кыргызстана к ВТО началось 16 апреля 1996 г., когда была образована соответствующая Рабочая группа. Первое заседание Рабочей группы прошло 10–11 марта 1997 г. В дальнейшем состоялось еще пять официальных заседаний.

Решение Генерального совета о том, что Кыргызстан может присоединиться к ВТО было принято 14 октября 1998 г. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией документов о присоединении, 20 декабря 1998 г. Кыргызстан стал полноправным членом многосторонней торговой системы [3]. Следует подчеркнуть, что эта страна присоединилась к ВТО в рекордно короткие сроки (за два года и восемь месяцев).

Латвия. Рабочая группа по присоединению Латвии к ГАТТ была учреждена 17 декабря 1993 г. Первое ее заседание состоялось 28–29 марта 1995 г., т.е. после создания Всемирной торговой организации. Всего было проведено шесть официальных заседаний Рабочей группы.

14 октября 1998 г. Генеральный совет ВТО принял решение о том, что Латвия может присоединиться к ВТО на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией итоговых документов, 10 февраля 1999 г. Латвия стала полноправным участником ВТО [4]. Весь процесс присоединения Латвии длился немногим больше пяти лет.

Эстония. Эстония начала процесс присоединения к ГАТТ 23 марта 1994 г., когда Совет представителей⁴ Организации принял решение создать соответствующую Рабочую группу. Первое заседание состоялось 25 ноября 1994 г. Всего в рамках процесса присоединения Эстонии к ГАТТ/ВТО состоялось восемь официальных заседаний Рабочей группы.

Решение Генерального совета о том, что Эстония может присоединиться к ВТО на условиях, отраженных в Протоколе Рабочей группы, было принято 21 мая 1999 года.

Полноправным членом многосторонней торговой системы Эстония стала 13 ноября 1999 г. [5]. Процесс присоединения длился пять с половиной лет.

Грузия. Рабочая группа по присоединению Грузии к ВТО была образована 18 июля 1996 г. Первое ее заседание состоялось 3 марта 1998 г. В рамках процесса присоединения Грузии состоялось три официальных заседания Рабочей группы.

⁴ Совет представителей ГАТТ являлся исполнительным органом Организации.

14 июня 2000 г. Генеральный совет ВТО принял решение о том, что Грузия может присоединиться к ВТО на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией документов о присоединении, 14 июня 2000 г. Грузия стала полноправным членом ВТО [6]. Процесс присоединения занял менее четырех лет.

Литва. Рабочая группа по присоединению Литвы к многосторонней торговой системе была учреждена 22 февраля 1994 г. Первое ее заседание состоялось 10 ноября 1995 г. Всего в рамках процесса присоединения Литвы было проведено пять официальных заседаний Рабочей группы.

31 марта 2001 г. Генеральный совет ВТО принял решение о том, что Литва может присоединиться к многосторонней торговой системе на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией итоговых документов, 31 марта 2001 г. Литва стала полноправным членом ВТО [7]. Процесс присоединения длился немногим больше семи лет.

Молдова. Молдова начала процесс присоединения к многосторонней торговой системе 17 декабря 1993 г. В этот день Совет представителей ГАТТ принял решение о создании соответствующей Рабочей группы. Первое ее заседание состоялось 17 июня 1997 г. Всего в рамках процесса присоединения Молдовы было проведено пять официальных заседаний Рабочей группы.

Решение Генерального совета о том, что Молдова может присоединиться к ВТО на условиях, отраженных в Протоколе Рабочей группы, было принято 8 мая 2001 г. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией итоговых документов, 26 июля 2001 г. Молдова стала полноправным участником ВТО [8]. Процесс присоединения продолжался немногим более семи с половиной лет.

Армения. Датой начала процесса присоединения Армении к многосторонней торговой системе является 17 декабря 1993 г. В этот день Совет представителей ГАТТ принял решение о создании соответствующей Рабочей группы.

Первое заседание группы состоялось 24 января 1996 г. (уже после создания ВТО). Всего в рамках процесса присоединения Армении к ВТО было проведено пять официальных заседаний Рабочей группы.

Решение Генерального совета о том, что Армения может присоединиться к ВТО на условиях, отраженных в Протоколе Рабочей группы, было принято 10 декабря 2002 г. [9].

Полноправным членом Организации Армения стала 5 февраля 2003 г. Процесс присоединения длился немногим более девяти лет.

Вьетнам. Рабочая группа по присоединению Вьетнама к ВТО была образована 31 января 1995 г., когда Генеральный совет Организации принял соответствующее решение. Первое заседание состоялось 30–31 июля 1998 г. В рамках

процесса присоединения Вьетнама к многосторонней торговой системе состоялось четырнадцать заседаний Рабочей группы.

7 ноября 2006 г. Генеральный совет принял решение о том, что Вьетнам может присоединиться к ВТО на условиях, изложенных в Протоколе Рабочей группы. После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией документов о присоединении, 11 января 2007 г. Вьетнам стал полноправным участником ВТО [10]. Процесс присоединения Вьетнама занял почти двенадцать лет.

Украина. Начало процесса присоединения Украины к многосторонней торговой системе приходится на 17 декабря 1993 г., когда Совет представителей ГАТТ принял решение о создании соответствующей Рабочей группы.

27–28 февраля 1995 г. состоялось первое заседание. Всего в рамках процесса присоединения Украины к ВТО было проведено семнадцать официальных заседаний Рабочей группы.

Решение Генерального совета о том, что Украина может присоединиться к ВТО на условиях, отраженных в Протоколе Рабочей группы, было принято 5 февраля 2008 г.

После завершения юридических формальностей, связанных с ратификацией итоговых документов, 16 мая 2008 г. Украина стала полноправным участником ВТО [11]. Процесс присоединения продолжался почти четырнадцать с половиной лет.

Таким образом, мы видим, что из одиннадцати исследуемых стран одна (Кыргызстан) присоединилась к многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО менее чем за 3 года, еще одна страна (Грузия) – менее чем за 4 года, трем странам понадобилось менее 6 лет (Монголия, Латвия, Эстония), одной (Болгария) – менее 7 лет, двум (Литва, Молдова) – менее 8 лет, одной (Армения) – менее 10 лет, одной (Вьетнам) – менее 12 лет, одной (Украина) – менее 15 лет. При этом важно отметить, что у четырех стран (Латвия, Молдова, Армения, Украина) формально процесс присоединения начался одновременно: 17 декабря 1993 г.

В рамках процессов присоединения изучаемых нами стран минимальное количество официальных заседаний Рабочей группы было проведено у Грузии (3 заседания), а максимальное – у Украины (17 заседаний).

Для успешного завершения переговорного процесса четырем странам достаточно было пяти официальных заседаний Рабочей группы (Монголия, Литва, Молдова, Армения), двум странам (Кыргызстану и Латвии) понадобилось шесть официальных заседаний, еще двум странам (Болгарии и Эстонии) – восемь заседаний. Рабочая группа по присоединению Вьетнама к ВТО официально заседала четырнадцать раз.

Полноправное участие страны в многосторонней торговой системе сопровождается, прежде всего, трансформацией национальных механизмов

регулирования торгово-экономических отношений, приведением их в соответствие с правовыми нормами и правилами ВТО. У стран, которые являются объектом данного исследования, процесс трансформации протекал без видимых макроэкономических потрясений, в чем мы сможем убедиться, проанализировав статистические данные по каждой стране⁵. Для этого рассмотрим динамику изменения шести основных макроэкономических показателей развития:

- валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения;
- экспорт товаров и услуг;
- приток прямых иностранных инвестиций;
- уровень инфляции;
- уровень безработицы;
- объем золотовалютных резервов (ЗРВ).

Болгария (1 декабря 1996 г.⁶). В период полноправного участия Болгарии в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО валовой внутренний продукт на душу населения последовательно увеличивался с 1361,4 долл. США в 1997 г. до 9828,1 долл. США в 2019 г. Незначительные колебания данного макроэкономического показателя наблюдались во время мирового финансово-экономического кризиса 2009–2010 гг. Вместе с тем в исследуемый нами период совокупный среднегодовой темп роста валового внутреннего продукта на душу населения в Болгарии составил 8,6 %.

Действующие в рамках ГАТТ/ВТО механизмы поощрения и защиты инвестиционной деятельности оказали благоприятное воздействие на процесс привлечения иностранного капитала в экономику Болгарии.

В период с 1997 г. по 2007 г. приток прямых иностранных инвестиций ежегодно увеличивался. Если в 1997 г. их объем составил 504,8 млн долл. США, то в 2007 г. этот показатель достиг рекордного уровня в 13875,3 млн долл. США. Существенное снижение объема ПИИ наблюдалось в период 2008–2010 гг., что было связано с негативными процессами в мировой экономике (Рис. 1 BGR).

В дальнейшем инвестиционная активность в экономике Болгарии стабилизовалась. В период с 2010 г. по 2019 г. ежегодный приток ПИИ составлял в среднем 1722 млн долл. США.

Присоединение Болгарии к ВТО благоприятно отразилось на динамике экспорта товаров и услуг. Если в 1997 г. объем экспорта этой страны составлял 4819,3 млн долл. США, то в 2019 г. он достиг величины 43167,6 млн долл. США. На Рис. 2 BGR представлена динамика изменения данного показателя.

Совокупный среднегодовой темп роста экспорта Болгарии в рассматриваемый период составил 10,0%.

⁵ В статье используются статистические данные Всемирного банка. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator>

⁶ После названия страны в скобках указана дата ее присоединения к ВТО.

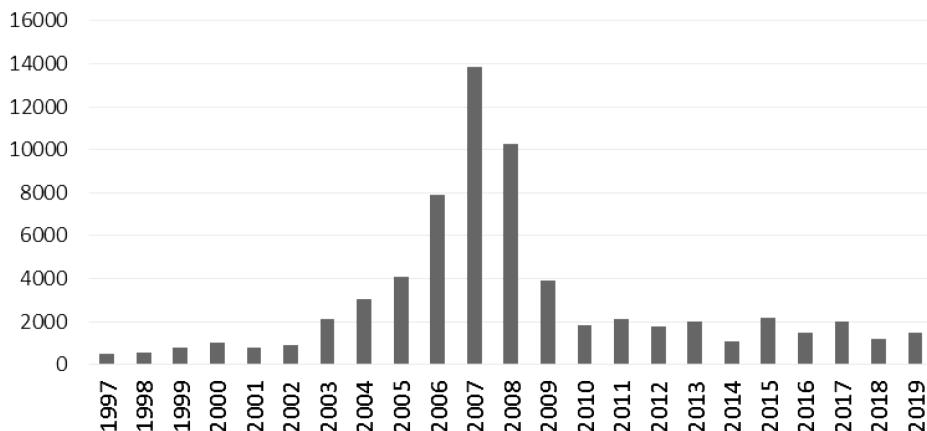

Рис. 1 BGR. Динамика движения прямых иностранных инвестиций (млн долл. США)

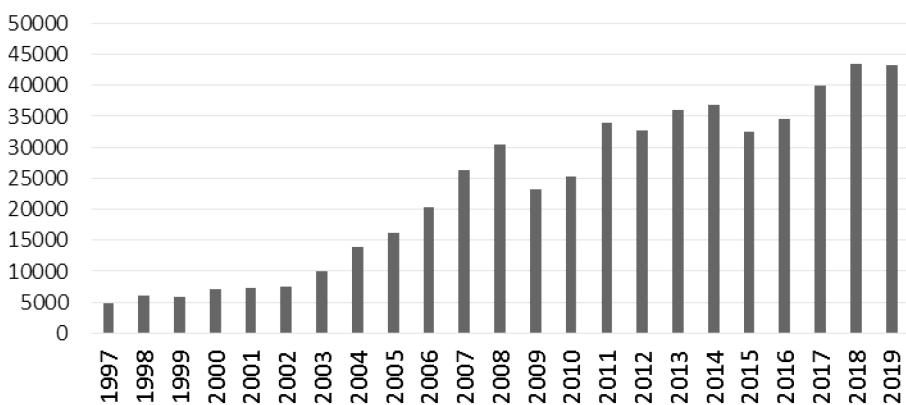

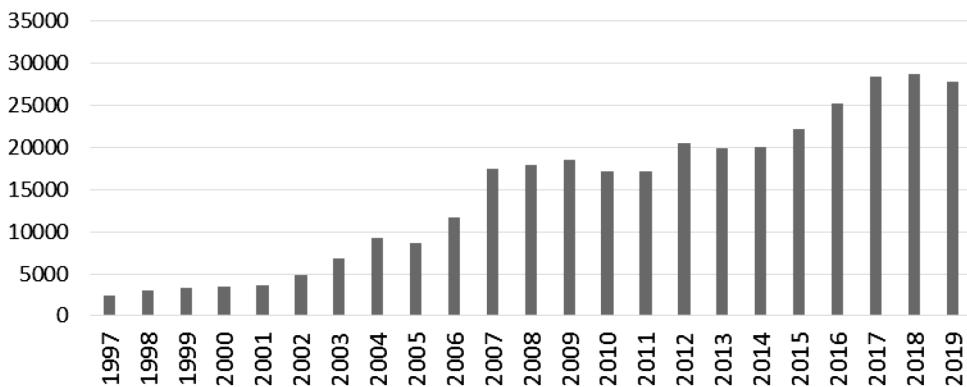
Рис. 2 BGR. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Показатель уровня безработицы характеризовался переменчивостью. В первые пять лет участия Болгарии в ВТО наблюдался рост безработицы: с 13,7% в 1997 г. до 19,9% в 2001 г. В период с 2002 г. по 2008 г. имел место процесс снижения показателя безработицы, который в 2008 г. составил 5,6%. Однако мировой финансово-экономический кризис спровоцировал рост безработицы, который продолжался до 2013 г., когда был достигнут очередной пик (12,9%). Потом ситуация стабилизировалась и сформировалась устойчивая тенденция снижения уровня безработицы. К 2019 г. этот показатель достиг величины 4,2%, что является минимумом за весь рассматриваемый период.

Показатель уровня инфляции в Болгарии в период полноправного участия этой страны в ВТО в целом имеет тенденцию к снижению. После гиперинфляции 1997 г. (уровень инфляции зафиксирован на отметке 1058,4%)

наблюдается стабилизация и устойчивое снижение величины данного показателя. Начиная с 2009 г. инфляция не превышала 4%. Более того, в период с 2014 по 2016 гг. наблюдалось явление, которое называется дефляция, т.е. отрицательная инфляция.

В исследуемый период золотовалютные резервы Болгарии стабильно увеличивались, что можно видеть на Рис. 3 BGR.

**Рис. 3 BGR. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)**

Если в 1997 г. объем ЗВР составлял 2485,4 млн долл. США, то в 2019 г. этот показатель достиг значения в 27901,8 млн долл. США.

Совокупный среднегодовой темп роста объемов золотовалютных резервов Болгарии в рассматриваемый период составил 11,1%.

Монголия (29 января 1997 г.). В первые три года участия Монголии в ВТО валовой внутренний продукт на душу населения незначительно снижался с 505,6 долл. США в 1997 г. до 445 долл. США в 1999 г. Начиная с 1999 г. имел место устойчивый рост данного показателя до величины 2136,6 долл. США в 2008 г. В период мирового финансово-экономического кризиса показатель ВВП на душу населения подвергся незначительным колебаниям. К 2013 г. его величина достигла максимальной отметки 4366,1 долл. США, однако в дальнейшем наблюдалось несущественное снижение показателя (Рис. 1 MNG). За исследуемый период участия Монголии в деятельности многосторонней торговой системы совокупный среднегодовой темп роста валового внутреннего продукта на душу населения составил 9,8%.

Действующие в рамках ВТО механизмы поощрения и защиты инвестиций способствовали активизации деятельности в Монголии иностранных инвесторов, начиная с момента присоединения этой страны к многосторонней торговой системе. Объемы прямых иностранных инвестиций в монгольскую экономику выросли с 25 млн долл. США в 1997 г. до 4571,2 млн долл. США

в 2011 г. Причем рост данного показателя сохранялся даже в период мирового финансово-экономического кризиса. Начиная с 2012 г. наблюдался резкий спад инвестиционной деятельности, спровоцировавший даже существенный отток прямых иностранных инвестиций (4156,4 млн долл. США) в 2016 г. Однако с 2017 г. в Монголии вновь фиксируется рост объемов ПИИ.

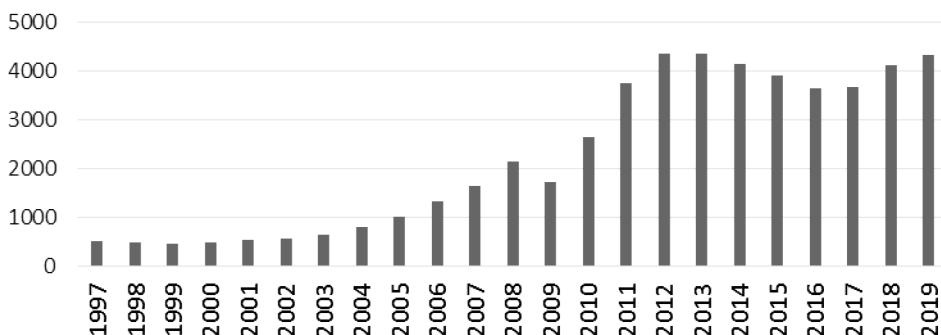

Рис. 1 MNG. Динамика изменения ВВП на душу населения
(долл. США)

Полноправное участие Монголии в ВТО благоприятно сказалось на динамике экспорта товаров и услуг.

Если в 1997 г. объем экспорта этой страны составлял 621,2 млн долл. США, то в 2019 г. он достиг величины 8,4 млрд долл. США, т.е. увеличился почти в 13,6 раз. На Рис. 2 MNG представлена динамика изменения данного показателя за период с 1996 по 2019 гг.

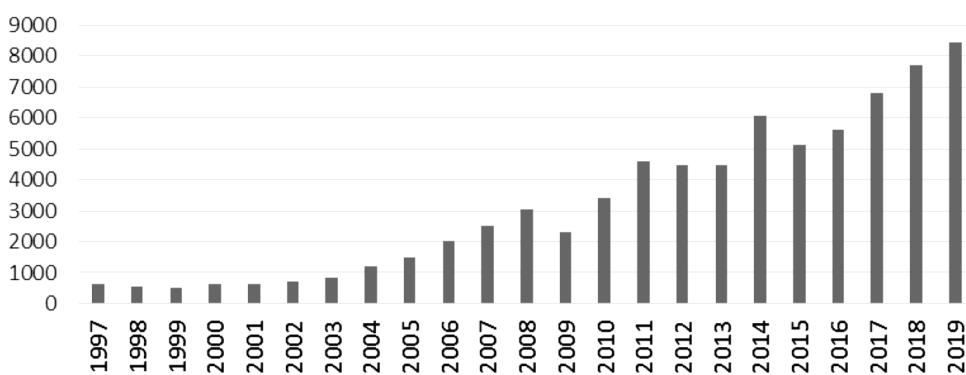

Рис. 2 MNG. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Динамика безработицы в Монголии характеризовалась некоторой нестабильностью, что в целом характерно для данного макроэкономического

показателя. Следует отметить, что доступная статистика, касающаяся уровня безработицы в Монголии, охватывает период, начинающийся с 2007 г. (табл. 1 MNG).

Таблица 1 MNG
Динамика изменения уровня безработицы в Монголии (в %)

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
%	7,2	5,6	5,9	6,5	4,8	3,9	4,2	4,8	4,9	7,2	6,4	5,4	10

Источник: Данные Всемирного банка.

Как можно видеть из таблицы, минимальный показатель безработицы был зафиксирован в 2012 г. (3,9%), а максимальный – в 2019 г. (10%). Существенное увеличение уровня безработицы наблюдалось и в 2016 г., когда имел место стремительный отток иностранных инвестиций.

Показатель уровня инфляции в Монголии в исследуемый период в целом имеет неустойчивую тенденцию. Если в 1997 г. он составлял 36,6%, то уже в последующие годы наблюдалась тенденция снижения. После присоединения к ВТО минимальный показатель инфляции в Монголии был зафиксирован в 2002 г. (0,9%), однако потом наблюдался его рост до 28% в 2008 г. (влияние мирового финансово-экономического кризиса) и последующее снижение до 0,7% в 2016 г. В дальнейшем показатель инфляции не превышал уровня 7,3%.

В период полноправного участия Монголии в ВТО ее золотовалютные резервы увеличились с 200,4 млн долл. США в 1997 г. до 4363,7 млн долл. США в 2019 г. На Рис. 3 MNG представлена более полная картина изменения данного макроэкономического показателя. Как можно видеть, в 2013–2016 гг. имело место существенное колебание объема золотовалютных резервов, причины которого требуют отдельного изучения. Вместе с тем совокупный среднегодовой темп роста данного показателя в исследуемый период составил 14,3%.

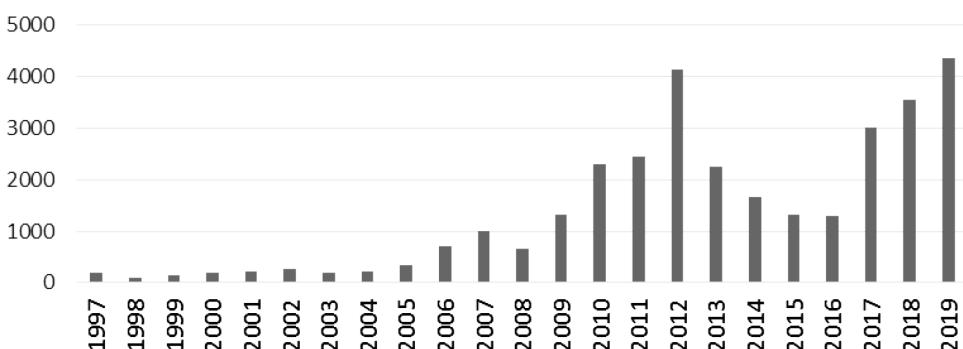

Рис. 3 MNG. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)

Кыргызстан (20 декабря 1998 г.). В период полноправного участия Кыргызстана в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО валовой внутренний продукт на душу населения последовательно увеличивался с 258 долл. США в 1999 г. до 1309,4 долл. США в 2019 г.

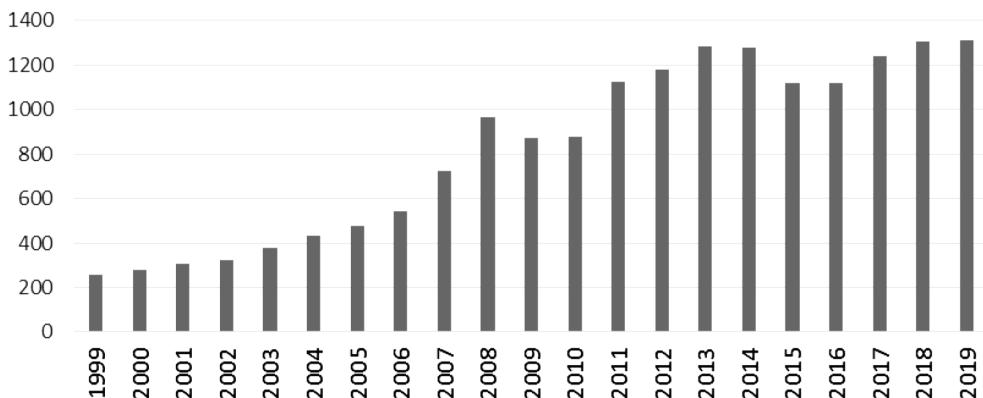

Рис. 1 KGZ. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Незначительные колебания этого показателя наблюдались в период 2008–2011 гг. и в период 2014–2017 гг. (Рис. 1 KGZ). Совокупный среднегодовой темп роста валового ВВП на душу населения составил 8,0%.

Первые годы полноправного участия Кыргызстана в многосторонней торговой системе характеризовались активизацией инвестиционной деятельности в этой стране, чему способствовало наличие предсказуемых и понятных механизмов поощрения и защиты инвестиционных сделок.

Объемы прямых иностранных инвестиций увеличились с 44,4 млн долл. США в 1999 г., до 685,8 млн долл. США в 2011 г.

В период 2011–2014 гг. наблюдалась нестабильность инвестиционной деятельности, что проявлялось как в снижении объема ПИИ, так и в его росте. Пик активности иностранных инвесторов приходится на 2015 г. (1144,1 млн долл. США), однако в следующие два года наблюдался процесс ее угасания и даже оттока ПИИ (-107,2 млн долл. США). Период 2018–2019 гг. характеризовался ростом показателя прямых иностранных инвестиций.

Присоединение Кыргызстана к ВТО благоприятно отразилось на динамике экспорта товаров и услуг. Если в 1999 г. объем экспорта этой страны составлял 527,5 млн долл. США, то в 2019 г. он достиг величины 3086,9 млн долл. США.

Как можно видеть на Рис. 2 KGZ, максимальный показатель объема экспорта товаров и услуг Кыргызстана приходится на 2013 г. и составляет 3815,7 млн долл. США. В 2014–2016 гг. имело место значительное колебание

показателя объема экспорта Кыргызстана, причины которого требуют отдельного изучения.

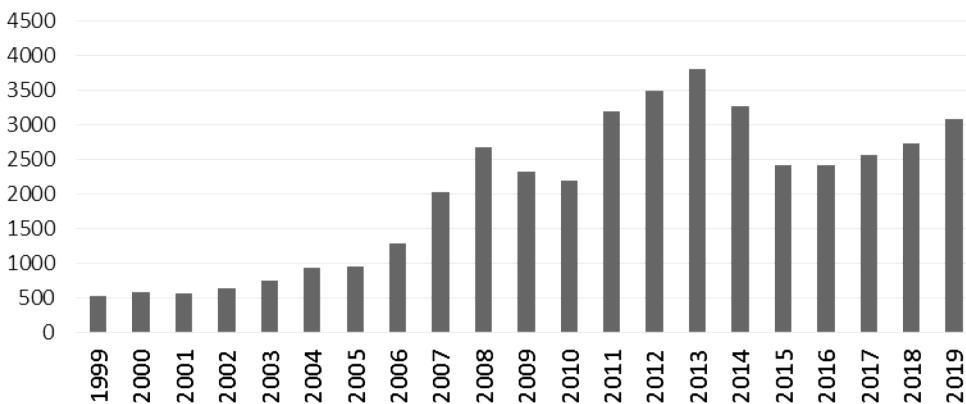

Рис. 2 KGZ. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Совокупный среднегодовой темп роста экспорта товаров и услуг в исследуемый период составил 8,8%.

Показатель уровня безработицы в Кыргызстане в период полноправного участия этой страны в ВТО не являлся критическим. Максимальный уровень безработицы был зафиксирован в 2002 г. и составлял 12,6% экономически активного населения, минимальный – в 2018 г., и составлял 4,5%. Временной отрезок с 2004 по 2019 гг. характеризуется относительной стабильностью. Среднегодовой показатель уровня безработицы в этот период времени не превышал 8%.

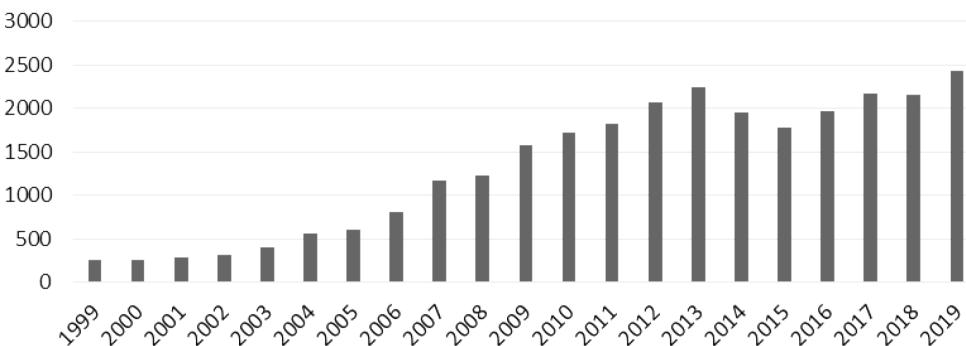

Рис. 3 KGZ. Динамика накопления золотовалютных резервов (млн долл. США)

Показатель уровня инфляции в целом имеет тенденцию к снижению. Максимальный уровень инфляции был зафиксирован в 1999 г. и составлял 37%.

Затем наблюдался процесс понижения до 2,1% в 2002 г. Всплески инфляции фиксировались в 2008 г. (24,5%) и в 2011 г. (16,6%). В дальнейшем данный показатель стабилизировался и не превышал среднегодового уровня в 3,7%.

В период с 1999 г. по 2019 г. золотовалютные резервы Кыргызстана увеличились с 253,8 млн долл. США до 2428,6 млн долл. США. На Рис. 3 KGZ представлена динамика изменения этого макроэкономического показателя. За время полноправного участия Кыргызстана в деятельности многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО, совокупный среднегодовой темп роста объема золотовалютных резервов этой страны составил 11,4%.

Латвия (10 февраля 1999 г.). Участие Латвии в деятельности многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО позитивно повлияло на увеличение показателя валового внутреннего продукта на душу населения. Если в 1999 г. он составлял 3148,1 долл. США, то к 2008 г. достиг величины в 16422,1 долл. США.

В период мирового финансово-экономического кризиса (2009–2010 гг.) величина ВВП на душу населения снизилась до отметки 11383,5 долл. США, но вследствии опять наблюдался рост данного макроэкономического показателя до уровня 17828,9 долл. США в 2019 г.

В течение исследуемого периода совокупный среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в Латвии составил 8,6 %.

С присоединением Латвии к ВТО активизировалась инвестиционная деятельность в этой стране, хотя она не отличалась стабильностью.

Заметный приток прямых иностранных инвестиций зафиксирован в период с 2002 г. по 2007 г., затем, вследствие мирового кризиса наблюдается резкий спад инвестиционной активности. Однако в целом действующие в рамках ГАТТ/ВТО механизмы поощрения и защиты инвестиций оказали благоприятное воздействие на процесс привлечения иностранного капитала в экономику Латвии. Начиная с 2010 г. среднегодовой объем ПИИ в экономику Латвии составлял 890 млн долл. США.

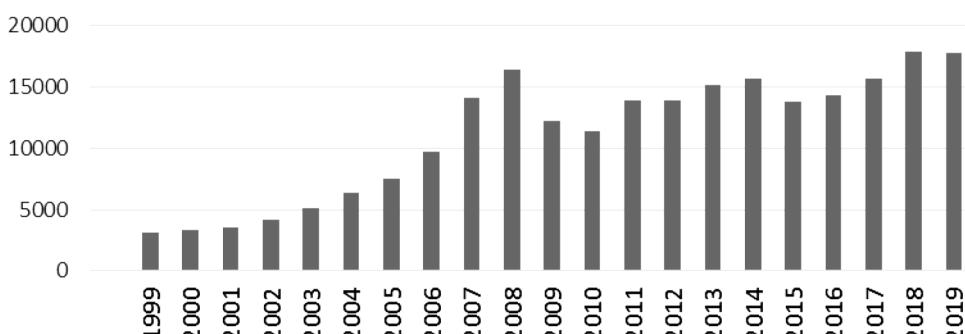

Рис. 1 LVA. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Полноправное участие Латвии в многосторонней торговой системе позитивно отразилось на динамике экспортной деятельности этой страны. В исследуемый период объемы экспорта товаров и услуг выросли с 2648 млн долл. США в 1999 г. до 20502,5 млн долл. США в 2019 г., т.е. в 7,7 раза. Более подробная информация об изменении данного макроэкономического показателя отражена на Рис. 2 LVA.

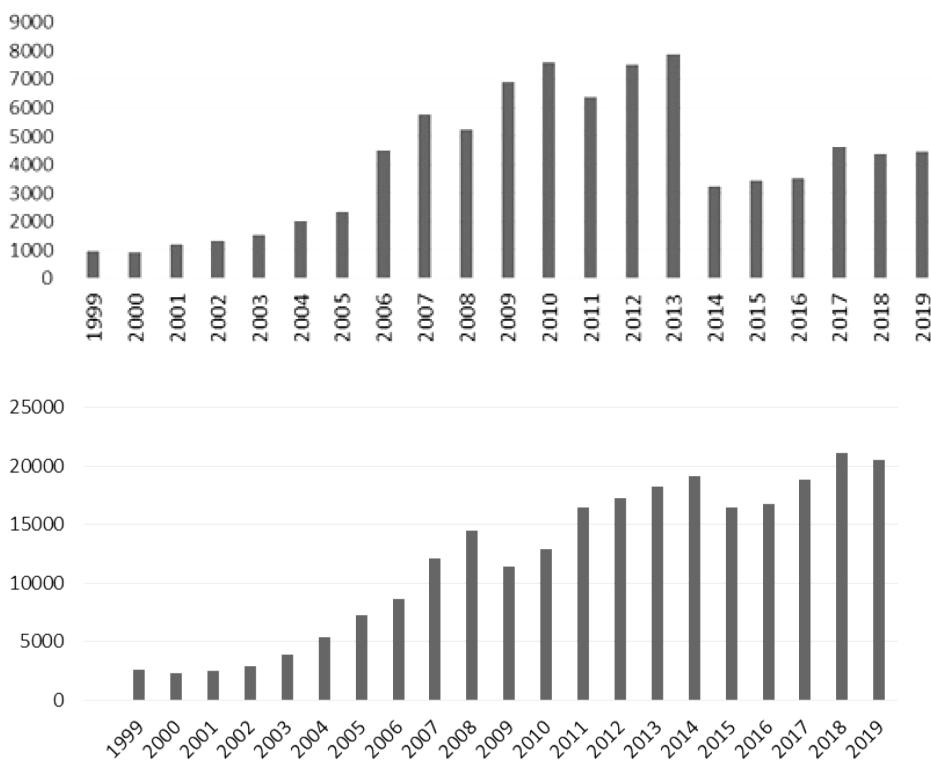

Рис. 2 LVA. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Динамика показателя уровня безработицы в Латвии в рассматриваемый период характеризовалась тенденцией снижения. При этом можно выделить три периода изменения данного показателя:

- с 1999 г. по 2007 г. безработица снижалась с 13,8% до 6,1%;
- с 2007 г. по 2010 г. — увеличивалась с 6,1% до 19,5%;
- с 2010 г. по 2019 г. — снижалась с 19,5% до 6,3%.

Уровень инфляции в Латвии изменялся некритически. Максимальная инфляция была зафиксирована в период мирового финансово-экономического кризиса в 2008 г. и составила 15,4%. Однако уже в 2010 г. в экономике Латвии

наблюдалось явление дефляции, т.е. отрицательной инфляции ($-1,1\%$). В последующие годы уровень инфляции не превышал отметку в $4,5\%$.

В период полноправного участия Латвии в ВТО золотовалютные резервы этой страны динамично увеличивались до 2013 г., что можно видеть на Рис. 3 LVA.

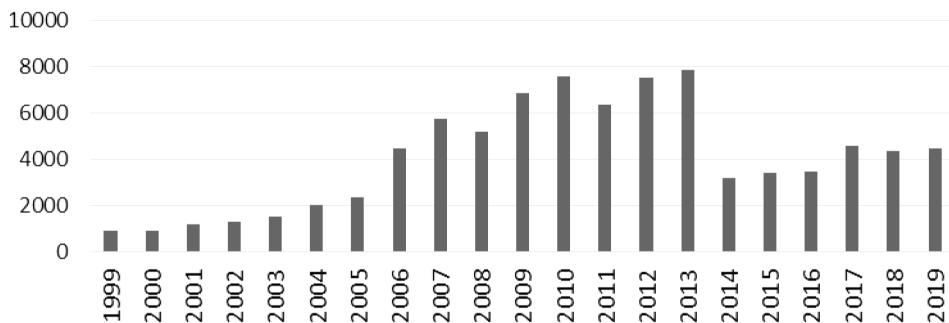

Рис. 3 LVA. Динамика формирования золотовалютных резервов
(млн долл. США)

Если в 1999 г. объем ЗВР составлял 944,4 млн долл. США, то в 2013 г. этот показатель достиг максимального значения – 7895,3 млн долл. США. В 2014 г. наблюдалось заметное снижение объема золотовалютных резервов (до 3228,1 млн долл. США), что связано с переходом Латвии в зону Евро. В дальнейшем этот макроэкономический показатель сохраняется примерно на уровне 4,5 млрд долл. США.

Эстония (13 ноября 1999 г.). Полноправное участие Эстонии в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО позитивно сказалось на росте ВВП на душу населения. Этот макроэкономический показатель увеличился в течение рассматриваемого периода в 5,8 раза, с 4076 долл. США в 2000 г. до 23723,3 долл. США в 2019 г. (Рис. 1 EST).

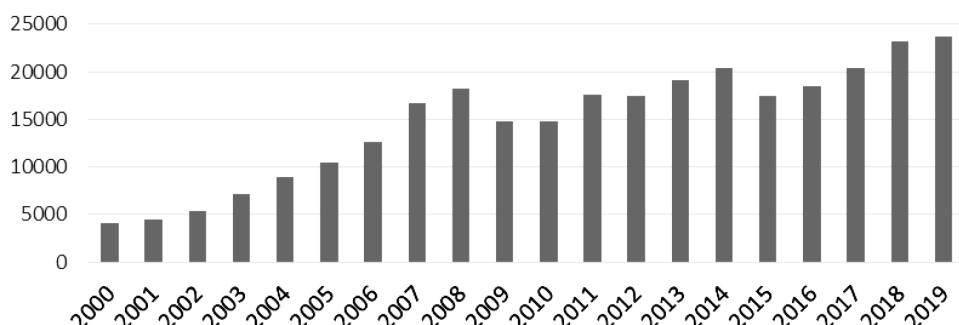

Рис. 1 EST. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Незначительное снижение показателя происходило в период мирового финансово-экономического кризиса (2009–2010 гг.) и в период адаптации эстонской экономики к работе в зоне Евро (2015 г.).

Благоприятное воздействие на экономическое развитие Эстонии оказали действующие в рамках многосторонней торговой системы механизмы поощрения и защиты инвестиций.

В первые шесть лет полноправного участия Эстонии в ВТО объем прямых иностранных инвестиций в экономику этой страны увеличился с 416,2 млн долл. США в 2000 г. до 3057,6 млн долл. США в 2005 г. В дальнейшем имели место процессы незначительного затухания инвестиционной активности (2006–2014 гг.) и даже оттока прямых иностранных инвестиций (– 715,5 млн долл. США в 2015 г.), однако начиная с 2016 г. снова наблюдался устойчивый рост инвестиционной активности. В 2019 г. объем ПИИ в экономику Эстонии составил 2962,6 млн долл. США.

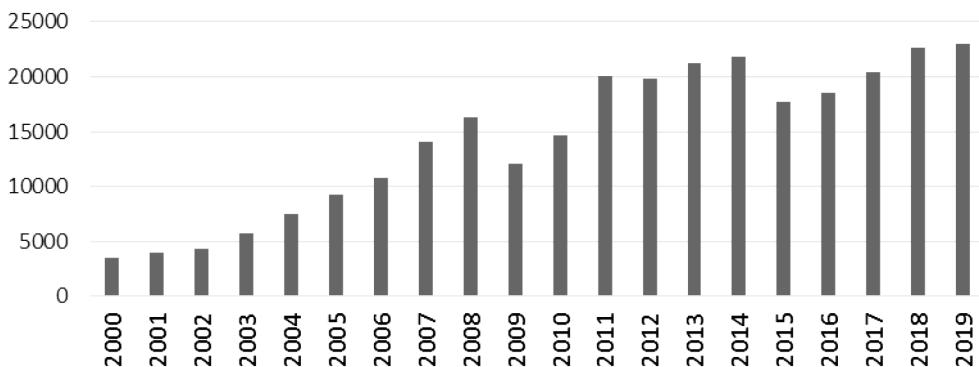

Рис. 2 EST. Динамика экспорта товаров и услуг (млн. долл. США)

Период полноправного участия Эстонии в многосторонней торговой системе ГATT/ВТО характеризуется активным ростом объемов экспорта товаров и услуг. Как можно видеть на Рис. 2 EST, данный макроэкономический показатель увеличился с 3503,5 млн долл. США в 2000 г. до 22942,1 млн долл. США в 2019 г.

Совокупный среднегодовой темп роста объема экспорта Эстонии в рассматриваемый период составил 9,9%.

После присоединения Эстонии к ВТО сформировалась тенденция снижения уровня безработицы. Если в 2000 г. величина этого показателя составляла 13,4%, то к 2007 г. произошло снижение до 4,6%.

В период мирового финансово-экономического кризиса уровень безработицы в Эстонии повысился, однако начиная с 2011 г. вновь сформировалась устойчивая тенденция понижения этого показателя (табл. 1 EST).

Таблица 1 EST

Динамика изменения уровня безработицы в Эстонии

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
%	12,3	10	8,6	7,4	6,2	6,8	5,8	5,4	4,4

Источник: Данные Всемирного банка.

Параметры показателя инфляции в Эстонии в рассматриваемый период характеризовались некоторой переменчивостью, вызванной, в первую очередь, процессами, происходившими в мировой экономике. В период 2000–2008 гг., уровень инфляции колебался от минимальных 1,3% в 2003 г. до максимальных 10,4% в 2008 г. С вступлением Эстонии в зону Евро (1 января 2011 г.) показатель инфляции относительно стабилизировался и не превышал отметки в 3,9%.

В период полноправного участия Эстонии в ВТО золотовалютные резервы этой страны стабильно увеличивались до 2010 г., что можно видеть на Рис. 3 EST.

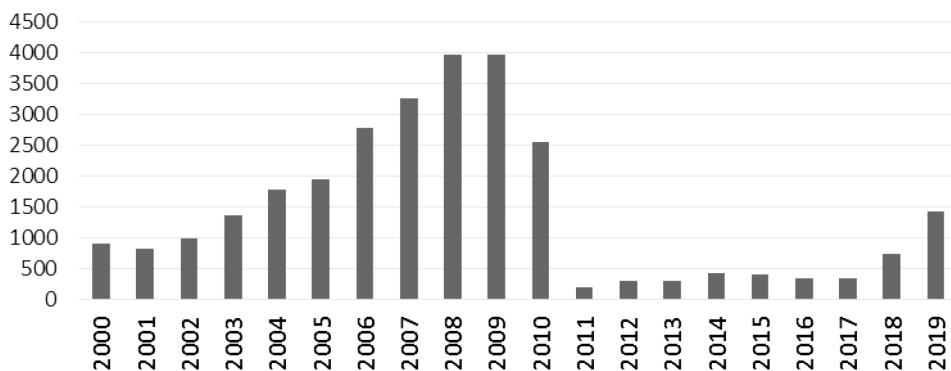

Рис. 3 EST. Динамика формирования золотовалютных резервов
(млн долл. США)

Если в 2000 г. объем ЗВР составлял 922,8 млн долл. США, то в 2009 г. этот показатель достиг максимального значения – 3980,6 млн долл. США. С 2010 г. по 2017 г. наблюдается заметное снижение объема золотовалютных резервов, что связано с переходом Эстонии в зону Евро. 2018–2019 гг. характеризуются ростом этого макроэкономического показателя (1426,4 млн долл. США в 2019 г.).

Грузия (14 июня 2000 г.). Присоединение Грузии к ВТО позитивно сказалось на увеличении ВВП на душу населения. Если в 2001 г. этот показатель составлял 802 долл. США, то в 2019 г. он достиг величины 4697,7 долл. США.

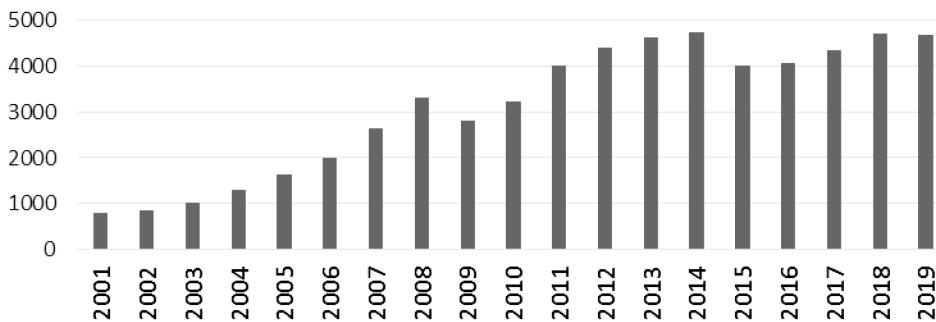

Рис. 1 GEO. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Другими словами, мы видим увеличение объема валового внутреннего продукта Грузии на душу населения почти в 5,9 раза. Более детальная информация, касающаяся динамики изменения данного макроэкономического показателя, отражена на Рис. 1 GEO.

С вступлением Грузии в ВТО заметно активизировалась инвестиционная деятельность в этой стране. За период с 2001 г. по 2007 г. объем прямых иностранных инвестиций вырос в 17,2 раза, с 109,9 млн долл. США до 1892,1 млн долл. США. Затем, в течение трех лет наблюдался спад инвестиционной активности, что было связано с конфликтом в Южной Осетии и мировым финансово-экономическим кризисом. Начиная с 2010 г. вновь наблюдается достаточно стабильная динамика притока ПИИ в грузинскую экономику. За рассматриваемый период оттока иностранных инвестиций из Грузии не зафиксировано.

Заметная инвестиционная активность способствовала росту экспорта товаров и услуг Грузии. Как можно видеть на Рис. 2 GEO, в рассматриваемый нами период объем экспорта увеличился с 865,9 млн долл. США в 2001 г. до 9544,8 млн долл. США в 2019 г., т.е. в 11 раз.

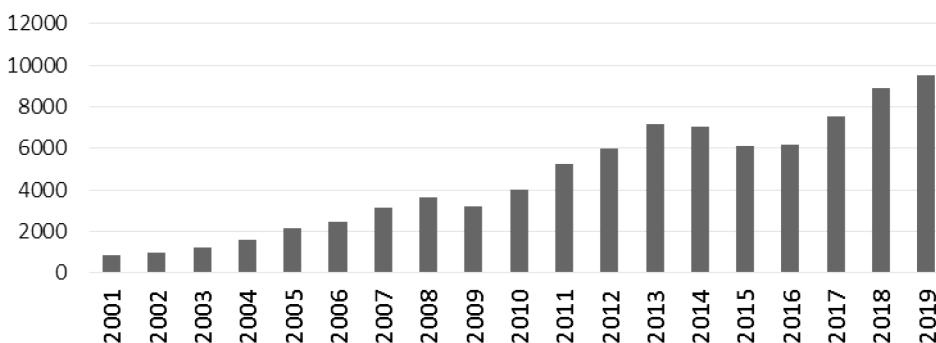

Рис. 2 GEO. Динамика экспорта товаров и услуг (млн. долл. США)

За годы участия Грузии в многосторонней торговой системе показатель безработицы не ухудшился. Накануне вступления в ВТО (1998–2000 гг.) он составлял в среднем 13% в год. В первые 7 лет полноправного участия в ВТО этот показатель составлял в среднем 12,7% в год. В период конфликта в Южной Осетии и мирового финансово-экономического кризиса показатель безработицы вырос до 20,7% (2009 г.), но затем сформировалась устойчивая тенденция его снижения. В 2019 г. безработица в Грузии не превысила 11,6%.

В рассматриваемый период участия Грузии в деятельности Всемирной торговой организации наблюдается стабилизация инфляционного процесса в этой стране. Максимальный уровень инфляции (10%) был зафиксирован в 2008 г., в 2012 г. и 2013 г. наблюдалось явление дефляции, т.е. отрицательной инфляции. В период с 2014 г. по 2019 г. показатель инфляции составил в среднем 3,8% в год.

В период полноправного участия Грузии в ВТО золотовалютные резервы страны увеличились с 161,9 млн долл. США в 2001 г. до рекордных 3505,8 млн долл. США в 2019 г. На Рис. 3 GEO представлена более полная картина изменения данного макроэкономического показателя, совокупный среднегодовой темп роста которого составил в рассматриваемый период 18,6%.

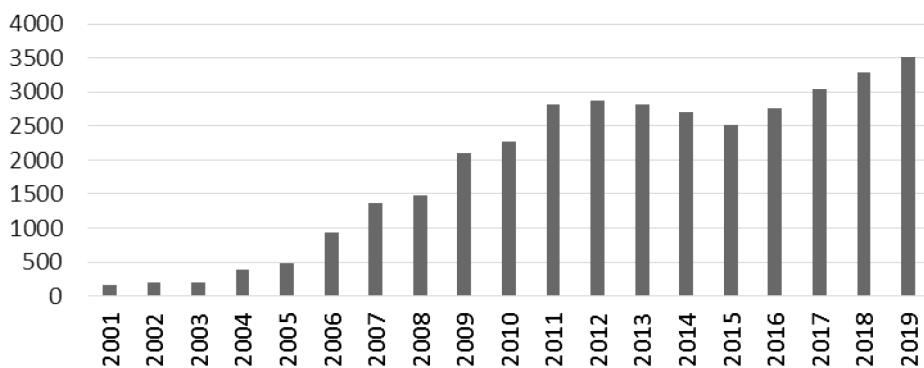

Рис. 3 GEO. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)

Литва (31 марта 2001 г.). Рассматриваемый нами период полноправного участия Литвы в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО характеризуется стабильным ростом ВВП на душу населения. Данный макроэкономический показатель последовательно увеличивался с 3525,8 долл. США в 2001 г. до 19601,9 долл. США в 2019 г.

Незначительные его колебания зафиксированы в период мирового финансово-экономического кризиса (2009–2010 гг.) и в связи с присоединением Литвы к зоне Евро (1 января 2015 г.), что можно видеть на Рис. 1 LTU.

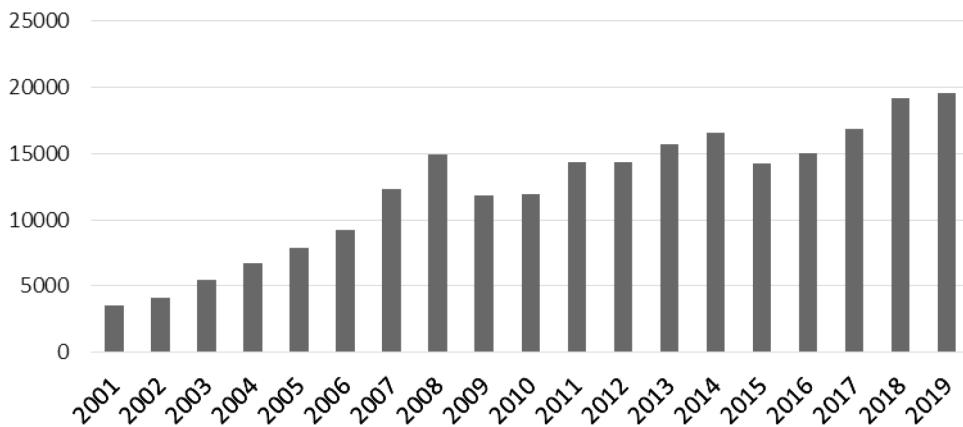

Рис. 1 LTU. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

С вступлением Литвы в ВТО активизировалась инвестиционная деятельность в этой стране. Если в 2001 г. объем прямых иностранных инвестиций в литовскую экономику составил 442,4 млн долл. США, то уже в 2007 г. этот показатель был на отметке 2601,6 млн долл. США. В период мирового финансово-экономического кризиса имел место процесс затухания инвестиционной активности и даже был зафиксирован отток ПИИ ($-360,2$ млн долл. США в 2009 г.), однако в последующем наблюдалась положительная динамика инвестиционной активности.

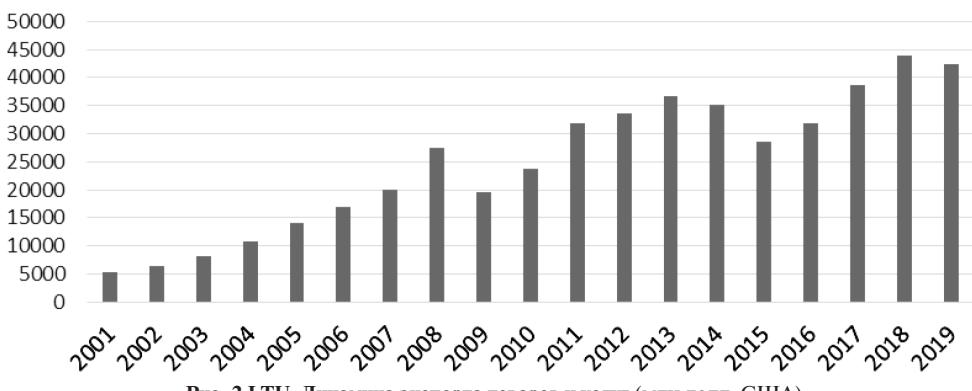

Рис. 2 LTU. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Полноправное участие Литвы в ВТО положительно отразилось на объемах экспортта товаров и услуг этой страны. Как можно видеть на Рис. 2 LTU, в период с 2001 г. по 2019 г. данный макроэкономический показатель увеличился в 8 раз. В 2019 г. объем экспортта товаров и услуг достиг рекордной, для рассматриваемого временного периода, величины — 19,6 млрд долл. США.

Присоединение Литвы к многосторонней торговой системе позитивно повлияло на занятость населения. В первые шесть лет уровень безработицы снизился с 16,8% в 2001 г. до 4,3% в 2007 г. Негативные процессы в мировой экономике в 2008–2010 гг. спровоцировали рост безработицы, однако начиная с 2011 г. вновь сформировалась устойчивая тенденция снижения данного макроэкономического показателя. В 2019 г. показатель безработицы находился на отметке 6,3%.

В первые три года полноправного участия Литвы в ВТО показатель инфляции снижался, однако в последующие пять лет он вырос до рекордных 10,9% в 2008 г., в том числе и под влиянием внешних факторов. В дальнейшем сформировалась относительно стабильная тенденция снижения данного макроэкономического показателя. В 2015 г., с присоединением Литвы к зоне Евро, даже была зафиксирована отрицательная инфляция (-0,9%).

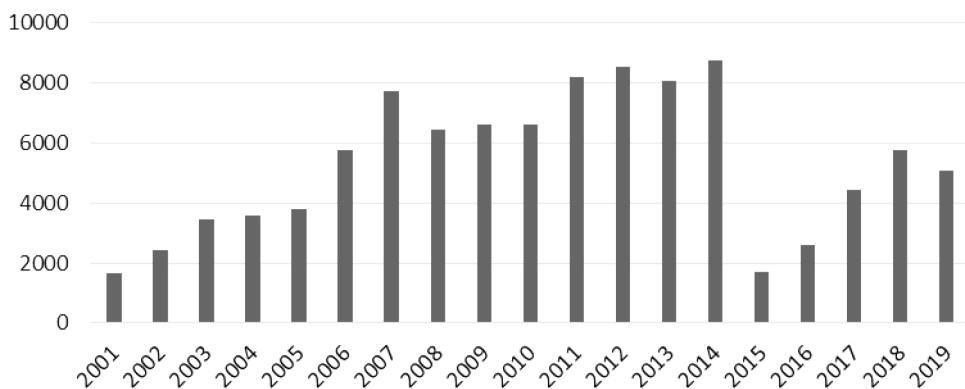

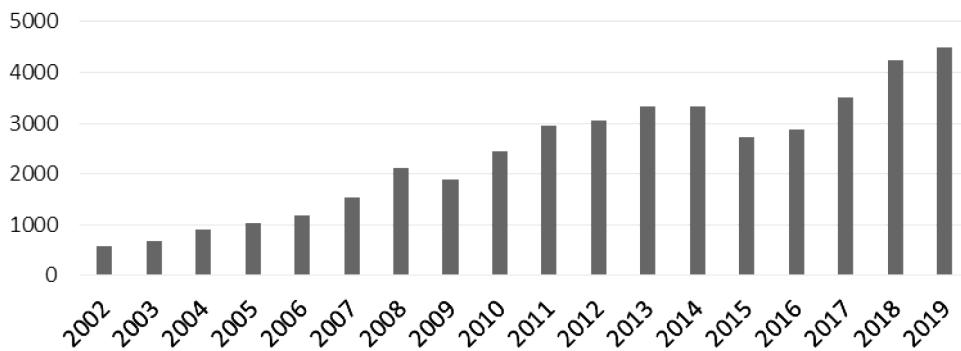
Рис. 3 LTU. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)

В период полноправного участия Литвы в ВТО золотовалютные резервы страны увеличились с 1669,2 млн долл. США в 2001 г. до рекордных 8729,5 млн долл. США в 2014 г. После присоединения Литвы в 2015 г. к зоне Евро, данный макроэкономический показатель существенно понизился, но в последующие годы сформировалась тенденция его роста (Рис. 3 LTU).

Молдова (26 июля 2001 г.). В рассматриваемый период полноправного участия Молдовы в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО наблюдается устойчивая динамика роста валового внутреннего продукта на душу населения. Если в 2003 г. величина данного макроэкономического показателя составляла 571 долл. США, то к 2019 г. он увеличился до отметки в 4503,5 долл. США (Рис. 1 MDA).

Как можно видеть на диаграмме, рост показателя был в целом устойчивый, с незначительными колебаниями в период мирового финансово-

экономического кризиса (2008–2009 гг.) и в период внутренней политической нестабильности (2015–2016 гг.).

**Рис. 1 MDA. Динамика изменения ВВП на душу населения
(долл. США)**

Действующие в рамках ГАТТ/ВТО механизмы поощрения и защиты инвестиций оказали благоприятное воздействие на процесс привлечения ПИИ в экономику Молдовы. В первые шесть лет участия в ВТО объемы прямых иностранных инвестиций выросли с 37,8 млн долл. США в 2002 г. до 726,6 млн долл. США в 2008 г.

В периоды мирового кризиса (2008–2009 гг.) и внутренней политической нестабильности (2015–2016 гг.) наблюдался спад инвестиционной активности. Начиная с 2017 г. вновь наблюдается рост данного макроэкономического показателя (с 154,4 млн долл. США в 2017 г. до 593,0 млн долл. США в 2019 г.).

Рост деловой и инвестиционной активности позитивно сказался на внешней торговле Молдовы. В рассматриваемый период объем экспорта товаров и услуг увеличился в 4,3 раза (с 871,9 млн долл. США в 2002 г., до 3759,0 млн долл. США в 2019 г.).

Как можно видеть на Рис. 2 MDA, рост экспорта был устойчивый, с незначительными колебаниями в 2008–2009 гг. и в 2015–2016 гг.

Динамика безработицы в Молдове была неустойчивой: первые три года участия страны в ВТО зафиксирован рост данного макроэкономического показателя (с 6,8% до 8,2%), затем было снижение до 4% к 2008 г. В период мирового кризиса безработица достигла отметки в 7,4% (2010 г.), однако следующие пять лет характеризовались устойчивой тенденцией снижения уровня этого показателя. Внутренний политический кризис 2015–2016 гг. явился очередным катализатором роста безработицы. В 2019 г. величина этого показателя составляла 5,1%.

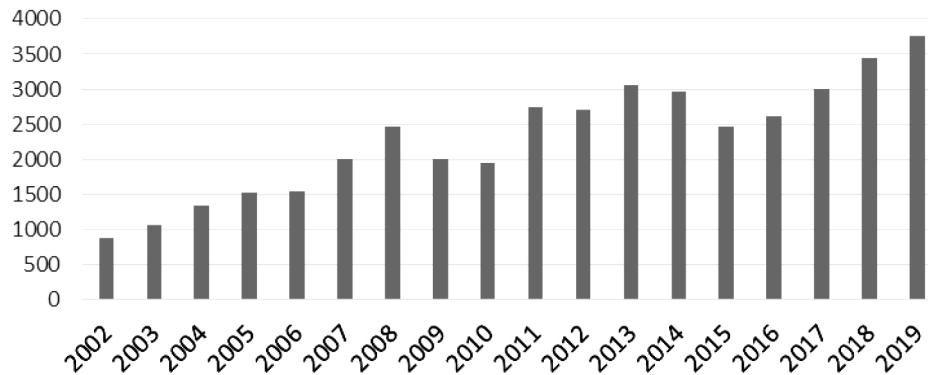

Рис. 2 МДА. Динамика экспорта товаров и услуг
(млн долл. США)

В исследуемый период динамика инфляции в Молдове имела сложный и противоречивый характер. Первые три года наблюдался рост инфляции с 5,3% в 2002 г. до 12,5% в 2004 г., затем в течение четырех лет наблюдалась некоторая ее стабилизация (в среднем на уровне тех же 12,5%), в 2009 г. зафиксировано явление дефляции (-0,1%). В дальнейшем, нестабильность этого показателя сохранилась: инфляция росла до 9,7% (2015 г.) и снижалась до уровня 3% (2018 г.).

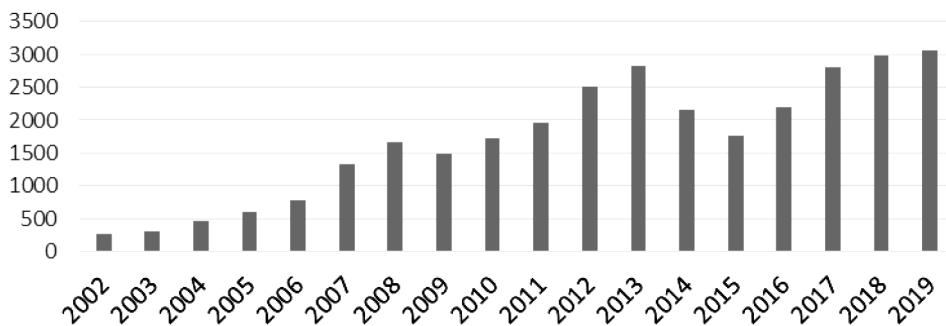

Рис. 3 МДА. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)

За годы полноправного участия Молдовы в ВТО показатель объема золотовалютных резервов увеличился в 11,4 раза (с 268,9 млн долл. США до 3059,7 млн долл. США). Динамика роста была в целом стабильной, что можно видеть на Рис. 3 МДА.

Армения (5 февраля 2003 г.). Полноправное участие Армении в многосторонней торговой системе ГATT/ВТО позитивно сказалось на росте ВВП на душу населения. Этот макроэкономический показатель увеличился в течение

рассматриваемого периода почти в 5 раз, с 930,1 долл. США в 2003 г. до 4622,7 долл. США в 2019 г. (Рис. 1 ARM).

Как можно видеть из представленной диаграммы, рост показателя был в целом устойчивый, с незначительными колебаниями в период мирового финансово-экономического кризиса (2009 г.), и в период внутренней политической нестабильности (2015–2016 гг.).

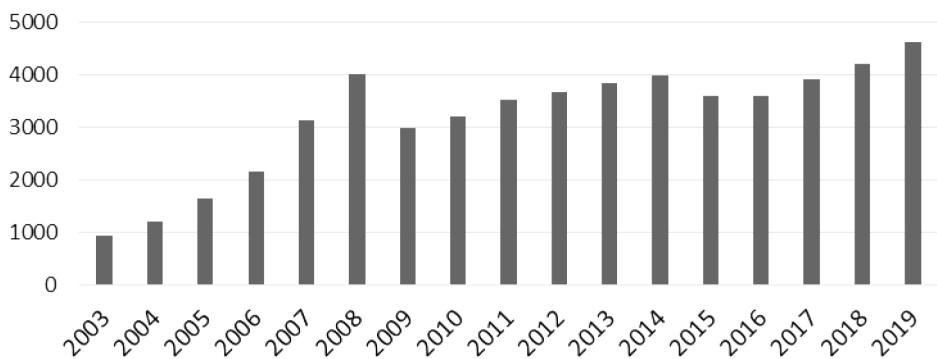

Рис. 1 ARM. Динамика изменения ВВП на душу населения
(долл. США)

С вступлением Армении в ВТО активизировалась инвестиционная деятельность в этой стране. Рост объема прямых иностранных инвестиций наблюдался с 2003 г. по 2008 г., когда был зафиксирован рекордный приток иностранного капитала (943,7 млн долл. США). Затем, в силу внешних экономических и внутренних политических факторов, наблюдалось затухание инвестиционной активности. В период с 2010 г. по 2019 г. приток ПИИ в экономику Армении находился в среднем на уровне 370,9 млн долл. США в год.

Динамика экспорта товаров и услуг Армении в исследуемый период характеризовалась устойчивым ростом. Объем экспорта увеличился в 5,7 раза: с 981,7 млн долл. США в 2003 г. до 5640,7 млн долл. США в 2019 г. (Рис. 2 ARM).

Как видно из представленной диаграммы, динамика увеличения рассматриваемого макроэкономического показателя была в целом устойчивой, с незначительными колебаниями в период мирового кризиса (2008–2009 гг.), и в период внутренней политической нестабильности (2015 г.).

Следует отметить, что доступная статистика, касающаяся уровня безработицы в Армении, показана для периода, начинающегося с 2007 г. (табл. 1 ARM). В 2002 г. был зафиксирован пик безработицы (22,9%), с последующей относительной стабилизацией данного макроэкономического показателя на среднегодовом уровне в 17,9%.

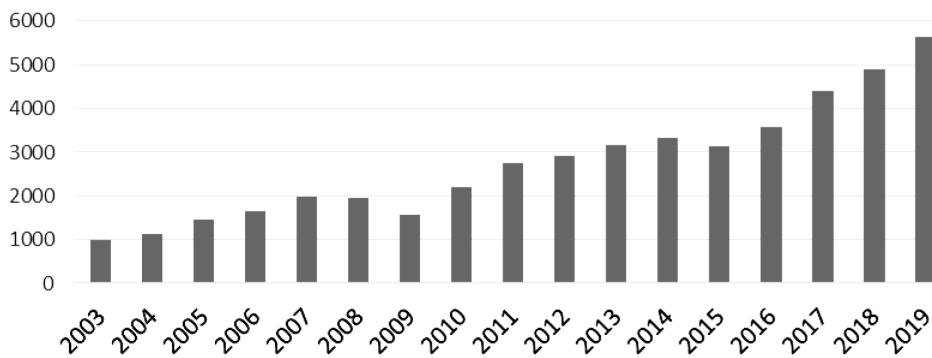

Рис. 2 ARM. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Таблица 1 ARM

Динамика изменения уровня безработицы в Армении (в %)

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
%	9,8	22,9	18,4	19,0	18,4	17,3	16,2	17,5	18,3	17,6	17,7	18,9

Источник: Данные Всемирного банка.

Инфляционные процессы в Армении в рассматриваемый период ее полноправного участия в ВТО носили зигзагообразный характер с повышением в 2004 г. до 7,0%, резким снижением в 2005 г. до 0,6% и последующим повышением до рекордных 8,9% в 2008 г. В последующий временной период данный макроэкономический показатель также характеризовался неустойчивостью (падение до 3,4% в 2009 г., рост до 8,2% в 2010 г., снижение до минус 1,4% в 2016 г., увеличение до 1,4% в 2019 г.).

В годы полноправного участия Армении в многосторонней торговой системе ГATT/ВТО стабильно увеличивались золотовалютные резервы этой страны. За рассматриваемый период данный показатель вырос почти в 5,7 раза с 502,0 млн долл. США в 2003 г. до 2849,6 млн долл. США в 2019 г. (Рис. 3 ARM).

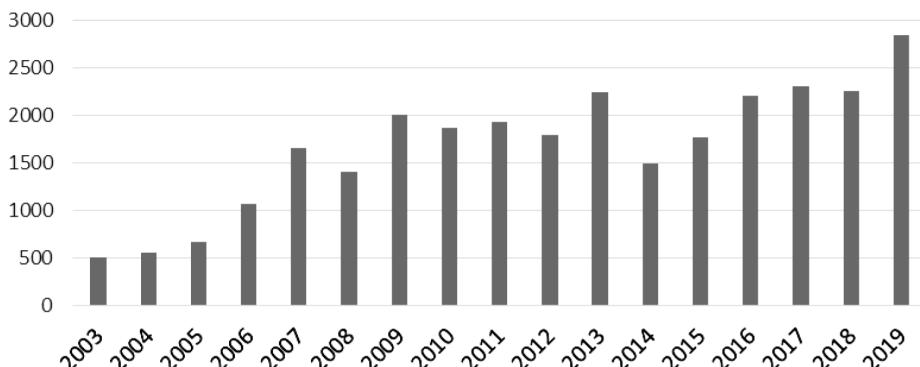

Рис. 3 ARM. Динамика накопления золотовалютных резервов (млн долл. США)

Вьетнам (11 января 2007 г.). Полноправное участие Вьетнама в многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО характеризуется стабильным ростом или некритическим колебанием основных макроэкономических параметров.

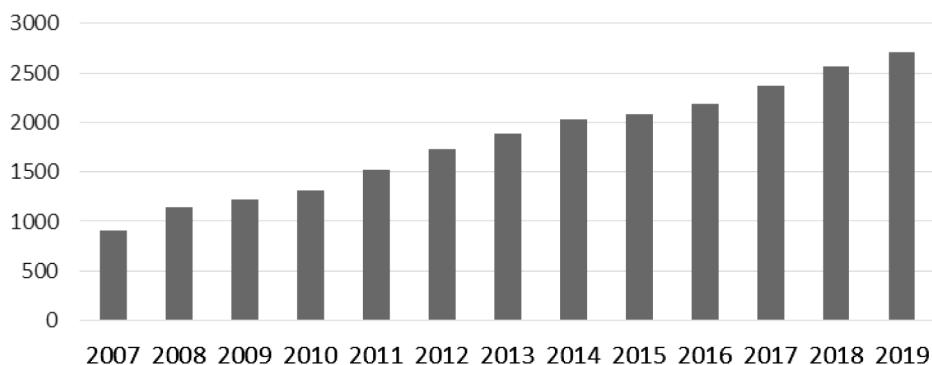

Рис 1. VNM. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Валовой внутренний продукт на душу населения увеличился в 3 раза, с 906,3 долл. США в 2007 г. до 2715,3 долл. США в 2019 г. (Рис 1. VNM).

Совокупный среднегодовой темп роста данного показателя составил 8,8%.

Активизировалась инвестиционная деятельность в этой стране: если в 2007 г. объем прямых иностранных инвестиций во вьетнамскую экономику составил 6700 млн долл. США, то в 2019 г. этот показатель был на отметке 16120 млн долл. США. Надо отметить, что динамика притока ППИ имеет характер устойчивого и стабильного роста. Даже в период мирового финансово-экономического кризиса сокращение притока иностранных инвестиций было несущественным.

Динамика экспорта товаров и услуг Вьетнама в исследуемый период также характеризовалась устойчивым ростом. Объем экспорта увеличился в 5,1 раза: с 54591,0 млн долл. США в 2007 г. до 280826,0 млн долл. США в 2019 г. (Рис. 2 VNM).

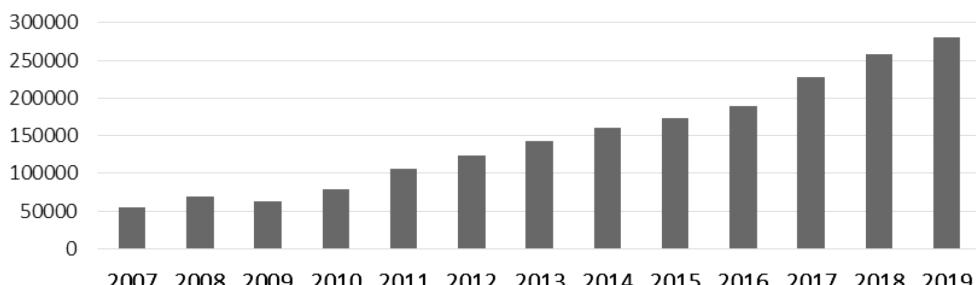

Рис. 2 VNM. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Доступная статистика, касающаяся уровня безработицы во Вьетнаме, имеется для периода, начинаящегося с 2009 г. (табл. 1 VNM). Как можно видеть из таблицы, данный показатель не превысил величины в 2%.

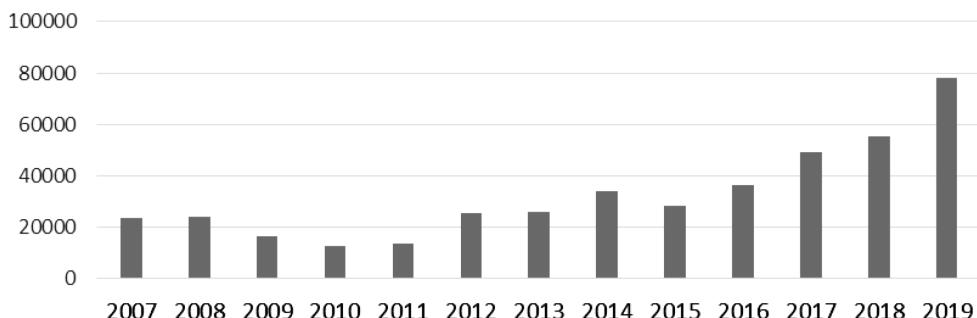
Таблица 1 VNM
Динамика изменения уровня безработицы во Вьетнаме (в %)

Год	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
%	1,7	1,1	1,0	1,0	1,3	1,3	1,8	1,8	1,9	1,2

Источник: Данные Всемирного банка.

Динамика изменения показателя инфляции во Вьетнаме в рассматриваемый период характеризуется как резкими его колебаниями (период 2007–2011 гг.), так и устойчивым снижением (период 2012–2019 гг.).

После присоединения к ВТО максимальный уровень инфляции был зафиксирован в 2008 г. и составлял 23,1%. Начиная с 2012 г. инфляция была ниже отметки в 10%. Минимальное значение инфляции зафиксировано в 2015 г. и составило 0,6%. В период с 2016 г. по 2019 г. среднегодовой уровень инфляции составил 3,1%.

**Рис. 3 VNM. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)**

В период полноправного участия Вьетнама в ВТО золотовалютные резервы этой страны увеличились с 2379,4 млн долл. США в 2007 г., до рекордных 78334,8 млн долл. США в 2019 г. На Рис. 3 VNM представлена картина изменения данного макроэкономического показателя.

Совокупный среднегодовой темп роста данного показателя составил в исследуемый период 9,7%.

Украина (16 мая 2008 г.). Присоединение Украины к Всемирной торговой организации пришлось на год начала мирового финансово-экономического кризиса, что, естественно, отразилось на показателях развития.

Вместе с тем начиная с 2010 г. сформировалась тенденция роста показателя ВВП на душу населения (Рис. 1 UKR), которая сохранялась до 2013 г. Потом

произошли известные события на Востоке Украины и в Крыму, что негативно отразилось на функционировании экономического комплекса страны. ВВП на душу населения снижался с 4029,7 долл. США в 2013 г. до 2124,7 долл. США в 2015 г. Начиная с 2016 г. этот макроэкономический показатель имеет устойчивую тенденцию роста.

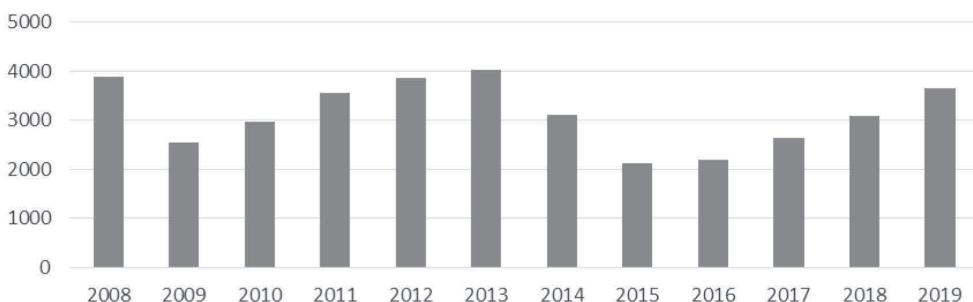

Рис. 1 UKR. Динамика изменения ВВП на душу населения (долл. США)

Схожая тенденция в Украине наблюдалась и в отношении притока прямых иностранных инвестиций. Периоды 2008–2009 гг. и 2013–2015 гг. характеризуются спадом инвестиционной активности, но начиная с 2016 г. наблюдается тенденция роста ежегодных объемов ППИ (в среднем 4573,5 млн долл. США).

Следует отметить, что максимальный приток прямых иностранных инвестиций был зафиксирован в 2008 г. и составлял 10700 млн долл. США. Максимальный отток ППИ был зафиксирован в 2015 г. и составил –369 млн долл. США.

С присоединением Украины к ВТО наблюдаются два периода роста экспорта товаров и услуг: 2010–2012 гг. и 2017–2019 гг. Снижение показателя объема экспорта было связано как с мировыми экономическими процессами (2009 г.), так и с внутриполитическими событиями (2013–2016 гг.), что можно видеть на Рис. 2 UKR.

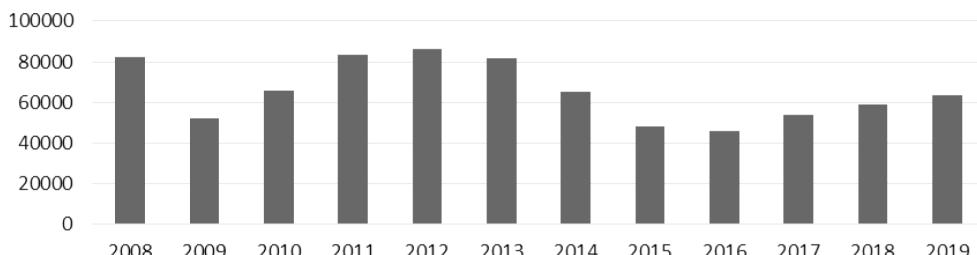

Рис. 2 UKR. Динамика экспорта товаров и услуг (млн долл. США)

Максимальный объем украинского экспорта в рассматриваемый период был зафиксирован в 2012 г. и составил 86516,1 млн долл. США.

Начиная с 2016 г., совокупный среднегодовой темп роста данного макроэкономического показателя составил 8,4%.

Полноправное участие Украины в ВТО позитивно сказалось на инфляционных процессах в этой стране. Начиная с 2008 г. сложилась тенденция снижения показателя инфляции. Если в 2008 г. уровень инфляции был зафиксирован на отметке 25,2%, то к 2012 г. этот показатель снизился до 0,6%. Внутриполитические события 2013–2016 гг. вызвали всплеск инфляции, максимальный уровень которой в 50% был зафиксирован в 2015 г. Начиная с 2016 г. вновь сформировалась тенденция его понижения (с 13,9% в 2016 г. до 7,9% в 2019 г.).

Уровень безработицы в Украине последовательно снижался с 8,8% в 2009 г. до 7,2% в 2013 г. Внутриполитический кризис спровоцировал рост безработицы в период с 2014–2017 гг., максимальный уровень которой приходится на 2017 г. и составляет 9,5%. В последующие два года безработица снижалась и в 2019 г. величина этого показателя составляла 8,2%.

Динамика накопления ЗВР Украины в рассматриваемый период ее полноправного участия в ВТО носит зигзагообразный характер, что можно видеть на Рис. 3 UKR.

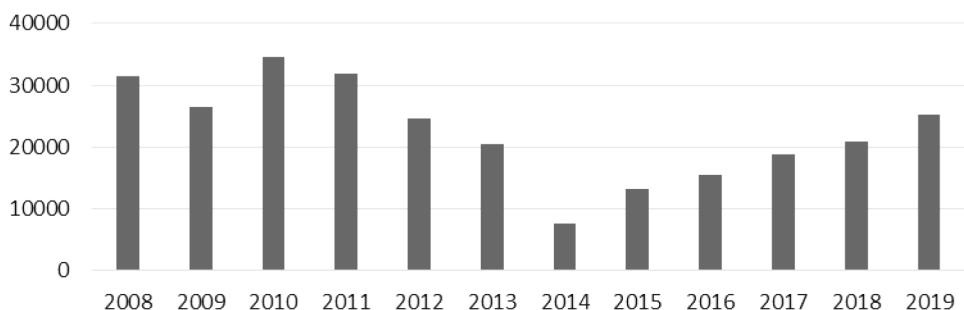

Рис. 3 UKR. Динамика накопления золотовалютных резервов
(млн долл. США)

Очевидно, что это связано как с мировым финансово-экономическим кризисом, так и с имевшими место негативными внутриполитическими событиями. Максимальный объем ЗРВ Украины был зафиксирован в 2010 г. и составлял 34571,3 млн долл. США, минимальный – в 2014 г. и составил 7538,8 млн долл. США. Начиная с 2014 г. совокупный среднегодовой темп роста данного макроэкономического показателя составил 22,4%.

Обобщая вышеизложенное, можно уверенно говорить о том, что присоединение к многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО не влекло ярко выраженных негативных последствий для процессов развития ни в одной из включенных в перечень исследования стран. Ключевые макроэкономические показатели, такие как валовой внутренний продукт на душу населения, объем привлечения прямых иностранных инвестиций, объем экспорта товаров и услуг, объем золотовалютных резервов имели тенденцию роста у всех изученных в статье государств.

Показатели уровня безработицы и инфляции были менее стабильны, однако главными причинами их переменчивого поведения являлись, прежде всего, негативные явления, происходившие в мировой экономике, а также внутриполитические события, имевшие место в некоторых из стран.

Важным является то, что присоединение к ВТО дает возможность правительству проводить институциональные преобразования системы управления внешнеэкономической деятельностью страны на основе предсказуемых норм и правил с целью повышения ее эффективности.

Литература

1. Report of the Working Party on the Accession of Bulgaria, WT/ACC/BGR/5, 20 September 1996, Geneva.
2. Report of the Working Party on the Accession of Mongolia, WT/ACC/MNG/9, 27 June 1996, Geneva.
3. Report of the Working Party on the Accession of the Kyrgyz Republic, WT/ACC/KGZ/26, 31 July 1998, Geneva.
4. Report of the Working Party on the Accession of Latvia to the World Trade Organization, WT/ACC/LVA/32, 30 September 1998, Geneva.
5. Report of the Working Party on the Accession of Estonia to the World Trade Organization, WT/ACC/EST/28, 9 April 1999, Geneva.
6. Report of the Working Party on the Accession of the Republic of Georgia to the World Trade Organization, WT/ACC/GEO/31, 31 August 1999, Geneva.
7. Report of the Working Party on the Accession of Lithuania to the World Trade Organization, WT/ACC/LTU/52, 7 November 2000, Geneva.
8. Report of the Working Party on the Accession of the Republic of Moldova, WT/ACC/MOL/37, 11 January 2001, Geneva.
9. Report of the Working Party on the Accession of the Republic of Armenia, WT/ACC/ARM/23, 26 November 2002, Geneva.
10. Report of the Working Party on the Accession of Viet Nam, WT/ACC/VNM/48, 27 October 2006, Geneva.
11. Report of the Working Party on the Accession of Ukraine to the World Trade Organization, WT/ACC/UKR/152, 25 January 2008, Geneva.

Siargei Mikhnevich (e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Institute of Economics of the Belarus' National Academy of Sciences (Minsk, the Republic of Belarus)

ACCESSION TO THE WORLD TRADE ORGANISATION: A BOON OR A CHALLENGE?

The article is based on statistical data and examines the changes in the main macroeconomic indicators in eleven countries that joined the World Trade Organization in the period from 1996 to 2008.

The group of countries for this study includes Bulgaria, Mongolia, Kyrgyzstan, Latvia, Estonia, Georgia, Lithuania, Moldova, Armenia, Vietnam, Ukraine (ranked in the order of their accession to the WTO).

The main goal of the study was to see an objective picture of how the fact of accession to the multilateral trading system has affected the country's economic development.

The group of surveyed macroeconomic indicators comprises: gross domestic product per capita; export of goods and services; inflow of foreign direct investment; inflation rate; unemployment rate; the volume of foreign exchange reserves.

Studies have shown that accession to the GATT/WTO multilateral trading system did not entail pronounced negative consequences for development processes for any of the studied countries. Macroeconomic indicators such as gross domestic product per capita, the volume of attracting foreign direct investment, the volume of exports of goods and services, the volume of foreign exchange reserves tended to grow in all states studied in the article.

The unemployment and inflation rates were less stable, but the main reasons for their volatility were mainly, negative phenomena in the world economy, as well as internal political events that took place in some of the countries.

Keywords: World Trade Organisation, multilateral trading system, full participation in the WTO, macroeconomic indicators, development trends.

DOI: 10.31857/S020736760016812-2

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 дпि для тоновых изображений и не менее 600 дпि для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присыпать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал “Общество и экономика” можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gauhn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 22.09.2021 г.
Тираж 150 экз. Зак. 12/9а. Цена свободная
70*100¹/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

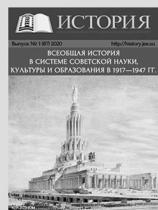
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

Экономика
Экономическая логистика
Менеджмент организаций
Менеджмент в СМИ и рекламе

МАГИСТРАТУРА

Экономика и управление наукой,
технологиями и инновациями
Общий и стратегический
менеджмент

АСПИРАНТУРА

Экономика

ЦЭМИ РАН — крупнейший центр отечественной и мировой экономической науки, собравший под своей эгидой целое созвездие блестящих ученых с мировыми именами. Теоретические дисциплины преподаются ведущие ученые, а практические занятия — специалисты бизнес-школ и консультанты по управлению, маркетингу и финансам.

Студенты факультета с первых дней могут проходить стажировки в ведущих научных институтах, принимать участие в различных проектах, международных симпозиумах и конференциях.

Выпускники факультета получают фундаментальную экономическую подготовку, умение квалифицированно разбираться во всех разделах и современных течениях экономической иправленческой науки, что дает им дополнительные преимущества для трудоустройства в органах государственного управления, коммерческих и консалтинговых компаниях, исследовательских центрах, рекламных и информационных агентствах, а также в сфере науки и высшего образования.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ

Выпускники востребованы на рынке труда. Контракты с будущими работодателями устанавливаются во время практики.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах «Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).